

4212
254
1. А. Любичъ-Кошуровъ.

ВЪ ПОРТЪ-АРТУРЪ.

(9 рассказовъ изъ боевой жизни).

Во время штурма. — Подъ громъ орудій. —
Царство мертвыхъ. — Въ окопахъ. — Сказки
о жизни. — Чемоданъ съ деньгами. — Въ
блиндажѣ. — Въ землянкѣ. — Лазутчикъ.

ИЗДАНИЕ Д. П. ЕФИМОВА. МОСКВА, МОХОВАЯ,
ДОМЪ ГР. БЕНКЕНДОРФЪ.

1905.

Москва, Моховая, д. гр. Бенкендорфъ.

ьтенбергъ, П. „Эскизы“. 50 к.
 зиминова. Правда о мужчинахъ. 25 к.
 насовъ. Пѣсни русскихъ писателей о
 волѣ. Изд. 2-е, дополненное. 75 к.
 Образцы изящной русской рѣчи.
 Сборникъ. 1 р.
 рбахъ. Дача на Рейнѣ. Изд. 2-е. 2 р.
 Три единствен. дочери. Изд. 2-е. 50 к.
 лье, лейтен. Изъ жизни одного ма-
 ленькаго гарнизона. 1 р.
 аунъ, Лили. Женскій вопросъ. 2 р.
 риштейнъ. Проблемы социализма. 1 р.
 йерлейнъ, Фр. А. Йена или Седанъ?
 Романъ. 2 р.
 рже, П. Изъ-за любви. 50 к.
 Трагическая идиллія. 1 р. 50 к.
 Дѣловой человѣкъ. 75 к.
 Призракъ. 1 р.
 Этапъ. 1903 г. 1 р. 50 к.
 ерсонъ. Свыше нашей силы. 50 к.
 рхардъ. Въ началѣ столѣтія. 30 к.
 яторовъ П. Ученіе о личности. Изд.
 2-е. 1 р. 50 к.
 Новый взглядъ на природу любви
 и брака. 30 к.
 ндельбандъ, В. О свободѣ воли. 80 к.
 рбицкая. Освободилась. 1 р.
 Преступленіе Маріи Ивановны. 1 р.
 гюз. Голоса мертвыхъ. 1 р.
 Антонъ Чеховъ. 20 к.
 Максимъ Горькій. Изд. 2-е. 30 к.
 ртманъ Эд. Современ. психологія,
 подъ ред. М. М. Филиппова. 2 р. 25 к.
 уптманъ Г. Роза Берндъ. 40 к.
 рць. Аграрные вопросы въ связи съ
 социализмомъ. 1 р.
 ффдингъ, Г. Философскія проблемы.
 Перев. съ нѣм. Г. А. Котляра. 50 к.
 нисюнь. Краткій повторительный
 курсъ теории и исторіи полити-
 ческой экономіи примѣнительно
 къ курсу университета. 75 к.
 еромъ Н. Джеромъ. Павелъ Кель-
 веръ. 1 р. 50 к.
 пски Горона. Отъ нашествія до
 „анархіи“. Среди преступленій. 1 р.
 Мошенники высшей школы и воров-
 скія шайки. Полиція будущаго. 80 к.
 ля. Нана. Ром. 1 р.
 Плодородіе. Ром. 1 р. 50 к.
 Трудъ. Ром. 1 р. 50 к.

Ирвингъ, В. Жизнь Магомета. 1 р.
 Крестовская, М. Артистка. 2 р.
 — Исповѣдь Мытишева. Вопль. 1 р.
 — Сынъ и др. рассказы. Изд. 2-е. 1 р.
 — Ревность и др. рассказы. Изд. 2-е. 1 р.
 — Внѣ жизни и др. рассказы. Изд. 3-е. 1 р.
 — Раннія грозы. Испытаніе. Изд. 3-е. 1 р.
 Кюльпе. Современная философія
 Германии. 80 к.
 Корнелиусъ, Г. Введеніе въ философію
 Пер. подъ ред. и съ предисл.
 проф. Н. Н. Ланге. 2 р.
 Лухманова. Институтка. Изд. 2-е. 1 р. 25 к.
 — Тайны жизни. 1 р. 25 к.
 — Избранные рассказы. 1 р.
 — 20 лѣтъ назадъ. 1 р. 25 к.
 — Вопросы и запросы жизни. 1 р.
 — Недочеты жизни современной жен-
 щины. 50 к.
 Любичъ-Кошуровъ. Братъ человѣчества
 75 к.
 — Боевая жизнь. 30 к.
 Мясницкій И. Проказники. 1 р. 25 к.
 — Гостинодворцы. Пов. 2 р.
 — Милые люди. Изд. 3-е. 1 р.
 — Мануфактуръ-совѣтникъ. 2 р.
 — Наши ближніе. 1 р.
 — Свадьба и др. разск. 1 р.
 — Бѣсъ-дѣвка. 1 р.
 — Омосквичился! 25 к.
 — Безъ языка. Изд. 2-е. 1 р.
 — Смѣшная публика. Изд. 3-е. 1 р. 25 к.
 — Ихъ степенства. Изд. 3-е. 1 р. 50 к.
 — Житейскія комедіи. Юмор. сб. 1 р.
 — Отъ скуки. Юмор. сборникъ. 1 р.
 — Струйки смѣха. Изд. 2-е. 1 р.
 — Приключенія Жоржа Бантикова и
 Сержа Кантикова. 1 р.
 — Мужья и жены. Изд. 2-е. 1 р.
 — Веселые рассказы. 1 р.
 — Господа коммерсанты. 1 р.
 — Блестки юмора. 1 р.
 — Юмористическія шалости. 1 р.
 — 24 юморист. разсказа. 1 р.
 — Старообрядка. Романъ. 2 р.
 — И смѣхъ и грѣхъ. Юмор. сб. 1 р.
 — Безъ претензій. Юмор. сб. 1 р.
 Метерлинъ, М. Собр. сочин. Пьесы
 1 р. 50 к.
 Маминъ-Сибирякъ. Именинникъ. 1 р.
 — Уральскіе рассказы т. 4-й. 1 р.

І. А. Любичъ-Ношуровъ.

А $\frac{272}{254}$

ВЪ ПОРТЪ-АРТУРЪ.

§ I 2/VI-877

(9 рассказовъ изъ боевой жизни).

Во время штурма. — Подъ громъ орудій. —
Царство мертвыхъ. — Въ окопахъ. — Сказки
о жизни — Чемоданъ съ деньгами. — Въ
блиндажѣ. — Въ землянкѣ. — Лазутчикъ.

Издание Д. П. Ефимова. Москва, Моховая,
домъ гр. Бенкендорфъ.

1905.

2007088962

Товарищество типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ.
Марьина роща, соб. домъ.

Во время штурма.

I.

У него была слабая грудь и слабыя легкія.

Когда восьмой полкъ, дня три тому назадъ, шелъ въ атаку на одинъ изъ сѣверныхъ фортвъ Артура, и по всей линіи наступленія неслись клики „банзай“,—это „банзай“, казалось ему, отрывается у него отъ сердца съ кровью и болью.

„Банзай“ словно царапало ему грудь, словно въ горло вонзились кончики острыхъ иглокъ.

И когда онъ потомъ закашлялся и сплюнулъ слюну, слюна была розовая отъ крови.

Но онъ все-таки крикнулъ опять вслѣдъ за другими:

— Банзай!

Точно зазубренная бритва царапнула ему грудь изнутри. Онъ остановился на секунду, чтобы вздохнуть полной грудью, и почувствовалъ, что не можетъ сдѣлать этого: воздухъ, который глотнулъ онъ, сейчасъ-же хлынулъ назадъ, потому, что грудь не поднималась сво-

бодно и не давала воздуху свободного доступа къ легкимъ.

И снова онъ почувствовалъ колотье въ горлѣ, будто воздухъ былъ полонъ мелкихъ-мелкихъ острыхъ стеклянныхъ осколковъ и опарапалъ горло, какъ передъ тѣмъ опарапалъ ему грудь этотъ его крикъ, это кровавое „банзай“.

Онъ бѣжалъ на флангъ своей роты.

Теперь рота была уже значительно впереди.

Онъ глянулъ черезъ головы бѣгущихъ солдатъ, желая узнать, цѣль ли его товарищъ и вмѣстѣ начальникъ, офицеръ командовавшій ротой, и ему прямо въ глаза метнулось полковое знамя съ желто-краснымъ дискомъ и широкими расходящимися въ стороны лучами.

„Банзай“!—звенѣло надъ рядами.

Красный дискъ, казалось, горѣлъ кровью и въ немъ тоже горѣло это „банзай“...

Знамя словно звало впередъ, и само летѣло впередъ, широко распростерши, какъ крылья, свои огненные лучи.

Крѣпко стиснувъ саблю, онъ крикнулъ снова, остановивъ на знамени лихорадочно горящій взглядъ.

— Банзай!

Этотъ крикъ вырвало у него знамя. Оно требовало этой жертвы; въ ту минуту оно всецѣло владѣло имъ. Почти экстазь охватилъ его; щеки порозовѣли, глаза заблестѣли

восторженно. Даже слезы выступили на глазахъ.

И когда изъ горла у него хлынула кровь, ему казалось, что такъ и надо, такъ и должно быть... Торжествующая радость охватила душу.

У него требуютъ этой крови... Она не его, она чужая, не ему принадлежить.

—Банзай! банзай!

Будто ураганъ подхватилъ его и бросилъ впередъ.

Онъ догналъ свою роту.

Онъ бѣжалъ, открывъ ротъ, дыша быстро и коротко; въ груди не хватало воздуха, глаза застилала какая-то муть.

Но онъ все равно бѣжалъ.

Занявъ свое мѣсто на флангѣ, онъ повернулъ лицо къ солдатамъ и крикнулъ задыхающимся голосомъ, указывая саблей на фортъ:

— Туда!

И вдругъ почувствовалъ, что не можетъ бѣжать дальше.

Въ ушахъ зашумѣло и зазвенѣло. Смутно слышалъ онъ крики солдатъ и топотъ ихъ ногъ.

Онъ остановился.

Кто-то толкнулъ его, кто-то потомъ, черезъ минуту, что-то крикнулъ надъ самымъ ухомъ.

И этотъ крикъ и этотъ толчокъ онъ ощутилъ тоже неясно и смутно. На мгновенье онъ даже забылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Все, что онъ пережилъ за минуту передъ тѣмъ,

стало словно чужимъ, чѣмъ-то лишнимъ и ненужнымъ.

Онъ чувствовалъ только, какъ колѣни его подгибаются сами собой; въ мусклахъ подъ колѣнками была дрожь; дрожь разливалась дальше книзу по ногамъ. Дышать стало совсѣмъ тяжело. Грудь быстро опускалась и поднималась. Бока втягивались глубоко, какъ у запаленной лошади, одновременно съ тѣмъ, какъ втягивалась, словно ее присасывало изнутри его грудь.

Стоялъ онъ, согнувшись, опустивъ голову; руки безсильно повисли вдоль тѣла.

Пальцы похолодѣли и ослабли. Онъ только что крѣпко сжималъ ими саблю, но теперь онъ даже не сознавалъ хорошенько, что у него въ рукѣ. Рукоять сабли холодила ладонь, и только одно это давало слабый толчокъ сознанию, что у него что-то въ рукѣ.

Онъ все еще держалъ правую руку чуть-чуть согнутую въ локтѣ, но рука выпрямлялась опускаясь книзу, и когда конецъ сабли коснулся земли, и онъ почувствовалъ опору, онъ закусилъ нижнюю губу и опять крѣпко, насколько могъ сжалъ рукоять сабли.

Онъ оперся на саблю, какъ оперся бы на костыль, если бы у него былъ костыль, и выпрямился медленно, слегка вмѣстѣ съ тѣмъ перегибаясь на бокъ въ правую сторону.

Сейчасъ же онъ все вспомнилъ.

Вѣдь это было только минутное, почти

мгновенное забытье, вызванное страшнымъ напряженіемъ силъ, страшноіи усталостью.

Полкъ ужъ далеко впереди него.

Вонъ оно, знамя.

Также широко распростерты лучи кроваваго диска.. Знамя все также зоветъ впередъ синіе ряды, волнующіеся вокругъ него.. Крики „банзай“, разгораются какъ костеръ, точно отъ диска въ ряды сыплются огненные искры.

Но въ немъ ужъ нѣтъ больше огня... Знамя зажгло въ немъ огонь, но то, что давало пищу огню, теперь сгорѣло и потухло.

Въ душѣ пустота.

На первый планъ выступило совсѣмъ другое: усталость и слабость.

Онъ поднялъ руку и провелъ по губамъ ладонью, потомъ посмотрѣлъ на ладонь.

Онъ ожидалъ увидѣть на пальцахъ слѣды крови. Но крови не было... Онъ чувствовалъ, однако, какъ губы у него слипаются, и когда облизнулъ губы языкомъ, ощутилъ солоноватый вкусъ.

Значить, кровь запеклась, потому и губы липнуть, и потому этотъ солоноватый вкусъ.

У него мелькнула мысль:

„Надо идти назадъ“.

И сейчасъ же его словно толкнуло въ грудь:

„Почему назадъ?“

Глаза широко открылись и стали неподвижны. Онъ смотрѣлъ опять туда впередъ, въ сторону фортвъ, гдѣ трепетало знамя, и

вокругъ него бѣжали люди въ синихъ мундирахъ.

Крики „банзай“ не умолкали...

Только теперь эти крики словно неслись мимо него.

— Ай-ай-ай! — звенѣло въ ушахъ.

На мгновенье все въ немъ замерло, застыло, всякая мысль, будто все притаилось и спряталось, чтобы не мѣшать ему, что-то рѣшить, кого-то осудить, произвести какой-то приговоръ.

Какой приговоръ?

— Банзай-ай! ай-ай! — звенитъ въ ушахъ.

Онъ вздрогнулъ.

Онъ чувствовалъ удивительную тишину въ душѣ и въ мысляхъ и чего-то ждалъ, къ чему-то прислушивался.. Что-то загоралось внутри его, глубоко, глубоко въ душѣ.

Точно онъ и правда, вмѣщалъ въ себѣ сейчасъ судъ, эту тишину объемлющую залу суда, передъ тѣмъ, какъ войдетъ судья.

Судья вошелъ.

— Затѣмъ назадъ? Какъ назадъ?

— Но вѣдь я же не могу...

— Почему не можешь?

— Я задохнусь..

Опять шумъ пошелъ въ ушахъ..

— Все равно, нужно идти...

— А если опять принадокъ? если упаду?.. Если—смерть?

Онъ посмотрѣлъ впередъ влѣдъ атакующимъ, и въ глазахъ его загорѣлся испугъ.

Даже понятился онъ немного назадъ, даже руки простеръ передъ собою и растопырилъ пальцы, будто его кто хотѣлъ ударить.

— Нѣтъ, нѣтъ...

Онъ потрясъ головой... Онъ все пятился задомъ, переставляя ноги одну за другой.

Онъ видѣлъ, какъ рвется шрапнель, какъ падаютъ люди.

И вдругъ онъ заскрипѣлъ зубами.

Развѣ онъ трусь? Никто не смѣетъ сказать этого. Впередъ! Но впередъ онъ не могъ идти.. Испугъ впилился, какъ коршунъ, въ его сердце.. Казалось ему, что-то постороннее вдругъ поселилось въ немъ и онъ ужъ не властенъ надъ собою.

Все упало сразу: силы, мужество .. Все, что горѣло въ душѣ ярко и побѣдно, давно потухло.

И больше нечему было горѣть.

И онъ все отступалъ, пятясь назадъ, чувствуя ужасъ передъ далекимъ голосомъ боя и передъ тѣмъ, что творилось въ немъ самомъ.

II.

Восьмой полкъ потерпѣлъ поражение.

А та рота, гдѣ служилъ онъ, была вся почти уничтожена дѣйствіемъ фугасовъ. Ея недобитки, всего пятнадцать человѣкъ, вернулись въ окопы раньше другихъ. Они отступили сейчасъ же послѣ взрыва фугаса.

Онъ смотрѣлъ на эти блѣдныя, истомленныя лица съ блуждающими глазами, съ поблѣвшими губами, слушалъ эти хриплые отрывистые голоса, и ему хотѣлось уйти куда-нибудь, остаться одному, ничего не видѣть и не слышать...

Командиръ роты, его товарищъ, капитанъ Ошима, уцѣлѣлъ.

Когда глаза ихъ встрѣтились, Ошима отнялъ отъ подбородка клочокъ ваты, которой онъ старался осушить кровь изъ небольшой разсѣченной раны сбоку подбородка, и спросилъ:
— Ранены?

И сейчасъ же опять приложилъ вату къ подбородку... Онъ дѣйствовалъ своей ватой какъ пуховкой, склонивъ голову немного на бокъ, прикасаясь ватой то носерединѣ, то съ одного, то съ другого края раны.

Онъ обратился къ нему съ этимъ вопросомъ, раненъ ли онъ, не сомнѣваясь, очевидно, что получить утвердительный отвѣтъ; объ этомъ можно было заключить по тону его голоса и потому, какъ поспѣшно вслѣдъ за первымъ вопросомъ онъ предложилъ другой:
— Куда?...

И быстро, кося глазами, потому что все еще голову держалъ склоненной на бокъ, онъ повелъ въ его сторону желтыми, какъ старый тусклый янтарь, бѣлками.

Въ глазахъ его застыло выраженіе любопытства.

На минуту капитанъ Ошима задержалъ вату

на одномъ мѣстѣ, прижимая ее тремя пальцами, собранными въ щепоть.

— Я не раненъ.

Капитанъ Ошима какъ-то сразу дернулъ головой снизу вверхъ; его сѣдыя брови поднялись, глаза округлились, толстыя губы выпятились; нижняя губа наперла на верхнюю и щетинистые жесткіе усы, топорщась во всѣ стороны, расположились близко къ самому кончику носа, совсѣмъ закрывъ ноздри.

Капитанъ Ошима, не тотъ, что сейчасъ стоялъ съ ватой въ рукѣ, другой, внутренній капитанъ, его умъ, душа—этотъ внутренній капитанъ, казалось, хотѣлъ вылѣзть изъ своей желтой морщинистой кожи.

— Нѣтъ?

— Нѣтъ.

Потомъ капитанъ Ошима, все держа вату у раны, шагнулъ впередъ и проговорилъ тихо, незамѣтно покосившись въ сторону, гдѣ стояли кучкой его солдаты:

— Вы офицеръ, Оиси... это деморализація; вы не имѣете права говорить объ этомъ громко.

И тутъ онъ замѣтилъ кровь на губахъ Оиси.

За этой кровью онъ не видѣлъ, какъ дрогнули губы Оиси, трепетно и нервно, и какъ дрогнулъ маленькій мускулъ на щекѣ возлѣ носа. Кровь привлекла все его вниманіе. Ему почудилось только, будто Оиси хочетъ говорить; но кровь, чернѣвшая на его губахъ и сначала совсѣмъ не производившая впечатлѣ-

нія крови, дала внезапно иное направленіе его мыслямъ.

— У васъ губы въ крови,—сказалъ онъ.

Онъ взглянулъ на грудь Оиси и затѣмъ опять ему въ глаза, затѣмъ снова на грудь.

— Погодите,—произнесъ онъ, согнулся немного, взялъ двумя пальцами Оиси за мундиръ на груди и, еще ниже нагнувшись, оттянулъ мундиръ. Его брови напозли на глаза. Глаза что-то внимательно разсматривали на мундирѣ Оиси. Опять оттопырились его жесткіе усы.

— И здѣсь кровь.

И онъ выпустилъ изъ пальцевъ мундиръ Оиси и поднялъ голову.

Оиси криво усмѣхнулся.

— Это—„банзай“,—сказалъ онъ.

Капитанъ смотрѣлъ на него молча.

— Это—„банзай“,—повторилъ Оиси.

Видно было, что Ошима дѣлаетъ усиліе понять, что говоритъ Оиси, и не можетъ понять. Потомъ взглядъ у него сталъ сразу тупой и безучастный. Словно онъ мысленно махнулъ рукой. Нельзя понять—такъ и не надо. Не затѣмъ понапрасну напрягать мозгъ.

Онъ крикнулъ и сказалъ:

— Говорите опредѣленнѣй... Что съ вами случилось?

Въ свою очередь, Оиси спросилъ:

— Вы помните, какъ я отсталъ?

— Помню,—отвѣтилъ Ошима,—я думалъ, что вы ранены.

— Потомъ я васъ догналъ.

Ошима кивнуль головой.

— Помню.

— Когда я закричалъ,—закончилъ Оиси,— у меня хлынула кровь. Я былъ почти въ обморокъ.

— И не могли итти?

— Нѣтъ.

На щекахъ у Оиси выступили красныя пятна.

— У васъ чахотка?

— Не знаю.

Капитанъ, наконецъ, бросилъ свою вату, вынулъ портсигаръ и закурилъ.

— Чахотка,—повторилъ онъ, затянувшись и пуская дымъ черезъ ноздри.

Оиси замѣтилъ, что онъ ищетъ кого-то въ толпѣ возвратившихся съ боя однополчанъ. Больше онъ не интересовался Оиси.

Оиси тоже оглянулся кругомъ и опять увидѣлъ, какъ тогда, во время атаки, свое полковое знамя.

Ему показалось, что оно запачкано въ крови...

Теперь оно производило на него такое впечатлѣніе... Былъ уже вечеръ. Темнѣло. Темный дискъ съ расходящимися въ стороны лучами, скрытый наполовину въ складкахъ полотнища знамени, казался огромнымъ пятномъ крови...

Оиси не первый разъ сегодня въ бою... Ему

чудилось даже что онъ слышитъ запахъ крови, тяжелый и приторный.

И опять что-то царапнуло ему грудь.

Онъ невольно отвернулся.

Онъ не могъ теперь безъ содроганія смотреть на знамя.

Ему приходилось иногда дѣлать надъ собой такой опытъ: вообразить, что подъ ногу ему, какъ разъ въ мѣстѣ соединенія пальцевъ со ступней, подъ пальцы въ самомъ сгибѣ снизу попала острая склянка. Онъ ощущалъ почти склянку, почти испытывалъ боль... Скверное, дергающее нервы чувство.

Сейчасъ онъ ощутилъ почти тоже, увидѣвъ знамя: будто впилося ему въ грудь что-то острое и рѣжетъ ее.

Онъ простился съ Ошима.

Тотъ спросилъ, прощаясь:

— Къ доктору?..

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ и, не пояснивъ ничего больше, пошелъ прочь.

III.

Ошима сидѣлъ у себя и писалъ что-то, разложивъ бумагу на деревянномъ, поставленномъ стоймя ящикѣ, служившемъ ему столомъ, когда къ нему вошелъ Оиси.

Ошима положилъ карандашъ, поднялъ голову и посмотрѣлъ на Оиси.

Оиси молча подошелъ и сѣлъ противъ

Ошима, на другой ящикъ, вдвое меньше того, за которымъ Ошима писалъ, замѣнявшемъ стулъ.

— Капитанъ!—сказалъ онъ.

Голосъ у него былъ спокойный и тихій. Тоже спокойствіе было разлито во всемъ лицѣ. Глаза смотрѣли задумчиво не на Ошима, а мимо Ошима, въ глубину комнаты.

Передъ Ошима горѣла лампа.

Лампа мѣшала ему видѣть Оиси. Онъ отставилъ лампу въ сторону и, перегнувшись бокомъ въ противоположную сторону, загородился отъ лампы ладонью.

Прищуривъ глаза, онъ внимательно поглядѣлъ на Оиси:

Лицо Ошима теперь оказалось въ тѣни; сморщенное, желтое, маленькое, оно было, какъ лицо статуэткы, изъ темно-желтой глины. Даже глаза слились съ общимъ коричневатымъ тономъ, даже его крупныя выпяченныя губы приняли этотъ коричневатый оттѣнокъ.

Только въ свѣту лампы чуть-чуть между сомкнутыми пальцами, на правой ладони, которой онъ заслонился отъ лампы, розовѣла подъ кожей кровь.

— Вы были у доктора?—спросилъ онъ.

Оиси вздрогнулъ.

Передъ тѣмъ только что онъ окликнулъ Ошима. Но онъ сейчасъ же забылъ, что окликнулъ. Когда онъ шелъ домой (онъ жилъ вмѣстѣ съ Ошима, въ одной землянкѣ), онъ думалъ не объ Ошима, а совсѣмъ о другомъ...

Правда, когда онъ увидѣлъ Ошима, онъ вспомнилъ, что ему и Ошима нуженъ. И Ошима заговорилъ не сразу, и мысль об Ошима опять ушла, сохранилась гдѣ-то глубоко, такъ же незамѣтно и почти независимо отъ его воли, какъ незамѣтно за минуту загорѣлась въ сознаниіи.

Голосъ Ошима былъ какъ стукъ въ дверь, когда никого не ждешь и кругомъ тихо.

— Что вы?—произнесъ онъ поднимая голову и остановивъ глаза на Ошима.

Онъ силился возстановить въ памяти, что сказалъ ему Ошима, но въ памяти остался только звукъ голоса Ошима. Или ему это только почудилось, что Ошима говоритъ?

И онъ повторилъ свой вопросъ болѣе коротко, мигнувъ вѣками:

— А?...

И сейчасъ же онъ подумалъ, что могъ бы обойтись и безъ Ошима, не видѣть его и ничего съ нимъ не говорить.

Ошима еще внимательнѣе посмотрѣлъ на него.

— Что съ вами?—спросилъ онъ.

— Со мной?...

„Нѣтъ, почему же не сказать Ошима. Нельзя же постоянно носить въ себѣ эту муку“.

Все въ немъ вспыхнуло.

— Капитанъ!...

Прямо въ глаза уставился онъ Ошима, облизнулъ губы, потомъ закусилъ нижнюю губу.

Онъ смотрѣлъ на Ошима такъ, какъ будто вызывалъ его на бой и взвѣшивалъ мысленно, выдержитъ ли Ошима ударъ, или нѣтъ.

— Капитанъ! а если я струсилъ?...

И онъ почувствовалъ, какъ холодокъ у него побѣжалъ по тѣлу. Кровь отлила отъ головы и лобъ и лицо тоже охватилъ холодъ... Казалось, холодъ прошелъ въ самое дыханіе.

Онъ сидѣлъ неподвижно, выпрямивъ станъ, схватившись за край ящика концами пальцевъ, полуоткрывъ ротъ, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

Ошима поставилъ руку локтемъ на столъ, опустилъ голову и провелъ по головѣ ладонью отъ лба къ затылку и потомъ назадъ отъ затылка ко лбу.

Изъ-подъ руки онъ взглянулъ на Оиси.

— Успокойтесь, другъ мой...

У Оиси выступили слезы.

Онъ ударилъ кулакомъ въ грудь, и его глаза словно впились въ глаза Ошима, словно свой взглядъ онъ хотѣлъ потопить въ его взглядѣ.

— Вѣдь она вся сгнила!

И, растопыривъ пальцы, онъ плотно прижалъ ихъ къ груди. Мундиръ на его груди собрался въ морщины. Ошима, будто онъ видѣлъ его въ первый разъ, не безъ удивленія подумалъ:

„Какая у него узкая грудь“.

— Капитанъ!... Вы знаете... Вы видѣли когда-нибудь грязную, гнойную окровавлен-

ную тряпку, которую выбросили изъ госпиталя...

Онъ умолкъ и опять облизнулъ губы.

— Вотъ я плачу... Развѣ я долженъ плакать...

Капитанъ закричалъ и завозился на своемъ ящикѣ.

— Успокойтесь, успокойтесь!...

Онъ старался не глядѣть на Оиси, шевелить бровями и усами.

— Развѣ я солдатъ,—продолжалъ Оиси,—и вы знаете, я не могу теперь видѣть нашего знамени...

Онъ снова поблѣднѣлъ.

— Не могу... Конечно, это—нервы... но у насъ не должно быть нервовъ... Капитанъ! вы помните, какъ я отсталъ...

Но Ошима повторилъ только:

— Успокойтесь, успокойтесь...

И сталъ перебирать вещи, разложенныя на столѣ-ящикѣ. Попрежнему онъ не глядѣлъ на Оиси.

Его подмывало было спросить, не вышилъ ли Оиси. Но Оиси былъ трезвъ. Значить—это нервы.

— А вотъ это правда,—началъ было онъ, думая сказать: „а вотъ это правда, что солдату не нужны нервы“, но во-время опомнился и опять сказалъ:

— Успокойтесь, успокойтесь...

У Оиси мысли неслись ураганомъ. Одна

мысль перегоняла другую, а эта другая улетала, не оставивъ слѣда.

Сдавленнымъ голосомъ онъ продолжалъ выкрикивать:

— Этотъ штурмъ отнялъ у меня послѣднія силы... Я не могъ бѣжать за вами. Вы понимаете? А? Капитанъ!

Капитанъ порывисто всталъ, подошелъ къ окну, гдѣ лежала его фляга, откупорилъ флягу и подалъ ее Оиси.

— Выпейте.

Во флягѣ былъ ромъ, разбавленный водой съ лимоннымъ сокомъ.

Оиси глотнулъ изъ фляги и возвратилъ ее Ошима.

— Хотите курить?—предложилъ Ошима.

— Нѣтъ,—сказалъ Оиси, но сейчасъ же протянулъ руку къ портсигару.

— А впрочемъ, позвольте.

Взялъ изъ портсигара папиросу и закурилъ.

Ошима закурилъ тоже.

Вдругъ Оиси отбросилъ свою папиросу далеко въ уголъ.

— Капитанъ!...

— Что? Нехорошо?—спросилъ Ошима.

— Капитанъ, вы знаете, что я рѣшилъ сдѣлать?

Онъ отдышался.

— Будемъ,—продолжалъ онъ, — говорить спокойно.

И, точно вспомнивъ про что-то, произнесъ быстро:

— Дайте-ка еще.

И протянулъ къ Ошима руку. Ошима видѣлъ, что онъ ищетъ глазами что-то на столѣ.

— Чего вамъ?—спросилъ онъ. — Папиросу?

— Нѣтъ, флягу...

Онъ опять глотнулъ изъ фляги и заговорилъ, положивъ руку ладонью на край ящика и постукивая ладонью отъ времени до времени по ящику:

— Но какъ бы то тамъ ни было я долженъ служить своей родинѣ. Не можетъ быть, чтобы я ни на что не годился... Если мнѣ придется опять быть съ парламентомъ въ крѣпости, я...

Онъ умолкъ, приподнявъ ладонь надъ краемъ ящика. Потомъ громко стукнулъ по ящику.

— Я убью Стесселя!

И всталъ.

— Я беру это на себя, и за это никто не можетъ быть отвѣтственъ.

Ошима молчалъ.

Онъ опустилъ голову, опустилъ глаза и тихонько барабанилъ по ящику пальцами.

Потомъ онъ сказалъ:

— Вы—сумасшедшій.

И сейчасъ же закаплялся громко и громко забарабанилъ по ящику пальцами.

Украдкой взглянулъ онъ на Оиси.

Не сумасшедшій ли онъ правда?...

— Я это рѣшилъ,—сказалъ Оиси.

Онъ еще съ полминуты простоялъ противъ

Ошима, опираясь концами пальцевъ о край ящика, глядя Ошима прямо въ глаза...

Ошима ожидалъ, что Оиси скажетъ еще что-нибудь; но Оиси, вдругъ совершенно неожиданно для Ошима, взявъ свою фуражку, надѣлъ ее и, повернувшись, также молча ушелъ изъ комнаты.

Должно-быть, та мысль, съ которой онъ пришелъ къ Ошима, опять овладѣла имъ всецѣло и заставила забыть про Ошима и про то, что ему слѣдовало бы хотъ пожелать доброй ночи своему начальнику.

IV.

На утро Оиси нашли мертвымъ.

Онъ застрѣлился. Чтобы умереть, онъ почему-то не обратился къ харакири. Стрѣлялъ онъ въ грудь подъ сердце.

Онъ оставилъ письмо Ошима.

„Мой планъ не для меня. Я умираю, потому что считаю свое существованіе безцѣльнымъ. Я—одежда, обратившаяся въ тряпки, которую нужно бросить. Прощайте. Я много думалъ прежде, чѣмъ рѣшиться на это. Прошу меня сжечь вмѣстѣ съ другими трупами“.

Внизу письма Ошима бросилось въ глаза большое бурое пятно...

Должно-быть, у Оиси когда онъ оканчивалъ письмо, опять пошла кровь горломъ. Сверхъ пятна было написано: „и письмо это прошу сжечь“.

— Конечно, онъ сумашедшій, — сказалъ Ошима.

Когда тѣло Оиси бросили въ общую кучу труповъ, предназначенныхъ для сожженія, Ошима бросилъ туда и письмо Оиси.

Изъ всего того, что Оиси наговорилъ ему при послѣднемъ свиданіи послѣ штурма, въ память ему особенно врѣзалась одна фраза Оиси:

„Я не могу видѣть знамени“.

Почему Оиси не могъ видѣть знамени? И какъ это понять, что онъ не выносилъ вида знамени?

Ошима и послѣ того участвовалъ во многихъ бояхъ, и не разъ съ особеннымъ вниманіемъ вглядывался въ знамя... Но знамя всегда электризовало его, зажигая въ немъ огонь энтузіазма, заставляя каждый разъ забывать и про Оиси и про все...

Подъ громъ орудій.

I.

Свою комнату Цвѣтковъ называлъ кельей.

Она, правда, была похожа на келью—маленькая, съ бѣленнымъ потолкомъ и стѣнами, въ одно окно, продѣланное въ толщѣ крѣпостной стѣны.

Въ окно ничего не было видно, что дѣлалось на небольшомъ, вымощенномъ желтымъ плитнякомъ, дворикѣ: стѣна была настолько толста, что оставленное въ ней отверстіе для доступа свѣта сначала, когда строили стѣну, походило на глубокую узкую дыру, пробитую для чего-то гигантскимъ четырехугольнымъ ломомъ, а потомъ, когда эту дыру залили цементомъ, зашпаклевали, выгладили и выбѣлили—стало ни дать ни взять, какъ маленькій, узенькій коридорчикъ, чистенькій, аккуратный и опрятный.

Владѣльцемъ этого коридора сталъ въ скоромъ времени толстый, большой, съ бѣлымъ брюшкомъ паукъ. Онъ разгуливалъ по коридору въ своемъ бѣломъ жилетѣ, на своихъ длинныхъ, растопыренныхъ ногахъ, остава-

вливаясь то тамъ, то тутъ, вглядываясь очень внимательно, сосредоточенно и серьезно въ каждую неровность, въ каждую трещинку.

Казалось, онъ говорилъ:

— Г-мъ... да, да... Это очень недурно, только не скрывается ли какого пугала за этой щелью?...

Иногда онъ даже становился на заднія лапки и, прижавшись брюшкомъ къ стѣнѣ, вытягивалъ переднія лапки вверхъ, ощупывая ими стѣну, и поднималъ голову.

— Г-мъ... а тамъ опять трещинка...

Онъ былъ совсѣмъ какъ директоръ въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи, осматривавшій классы и коридоръ, только-что отремонтированные послѣ лѣтнихъ каникулъ.

Съ этимъ безпокойнымъ господиномъ въ бѣломъ жилетѣ Цвѣтковъ познакомился только послѣ того, какъ проводилъ въ Россію свое семейство, жену и дѣтей.

До тѣхъ поръ онъ его не замѣчалъ.

Пузатый директоръ въ бѣломъ жилетѣ бѣгалъ по своему коридору, внимательно наблюдая, чтобы все было чисто и никто не нарушилъ порядка,—и ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не подозрѣвалъ о его существованіи.

Цвѣткову онъ именно напомнилъ сразу директора той гимназіи, гдѣ онъ учился.

Директора звали Павломъ Ивановичемъ.

Онъ и паука тоже называлъ Павломъ Ивановичемъ.

Когда по утрамъ Цвѣтковъ, умывшись и

подойдя къ окну послѣ умыванья, начиналъ утираться полотенцемъ, Павелъ Ивановичъ находился уже на мѣстѣ и при отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей.

Вытеревъ полотенцемъ лицо, мокрую бороду и мокрый, гладко стриженный, съ топорщившимися оттого, что онъ ихъ вытиралъ, короткими волосами затылокъ, Цвѣтковъ щелкалъ шпорами и кланялся Павлу Ивановичу.

— Съ добрымъ утромъ, Павелъ Ивановичъ!

Но Павелъ Ивановичъ совсѣмъ не обращалъ на него вниманія.

Не оборачиваясь и не глядя на Цвѣткова, онъ будто бормоталъ сердито:

— Погодите, погодите...

О, какъ напоминалъ онъ въ эти минуты Цвѣткову того, стараго, настоящаго Павла Ивановича!

Будто и впрямь вышелъ онъ изъ „умывальной“ въ коридоръ и тамъ встрѣтился съ Павломъ Ивановичемъ.

— Съ добрымъ утромъ, Павелъ Ивановичъ!

Приготовишку Павелъ Ивановичъ за такое привѣтствіе, навѣрно бы, выдралъ за уши. Къ приготовишкамъ онъ былъ строгъ.

Небольшія вольности онъ допускалъ только со старшими.

Когда утромъ онъ появлялся въ пансіонѣ, въ спальняхъ или коридорѣ, или умывальной, и старшіе желали ему добраго утра, онъ именно бормоталъ, торопливо проходя мимо:

— Погодите, погодите...

А пригото́вишекъ трепаль за уши.

Пригото́вишкой штабсъ-капита́нъ Цвѣтковъ никакъ не могъ себя представить.

Изъ гимназіи онъ вышелъ изъ шестого класса и такъ потомъ всегда, когда ему приходилось вспоминать школьные годы, уноситься мыслью въ глубь прошлаго, въ этомъ прошломъ онъ видѣлъ себя въ шестомъ или пятомъ классѣ, старшимъ, сидящимъ въ комнатѣ вмѣстѣ съ другими старшими, совсѣмъ отдѣльно отъ другихъ пансіонеровъ.

Но теперь, теперешнему Павлу Ивановичу Цвѣтковъ позволялъ иногда говорить то, чего онъ никогда не рѣшился бы сказать тому, далекому, кажется, теперь уже умершему Павлу Ивановичу.

— Погодите, погодите, — бормоталъ теперешній Павелъ Ивановичъ. — Погодите, погодите.

И вдругъ онъ останавливался.

— Цвѣтковъ, вы опять!

Прежній Павелъ Ивановичъ брилъ бороду, у теперешняго былъ маленькій мягкій, бурый пушекъ.

— Павелъ Ивановичъ! Вы хоть бы побрились.

Павелъ Ивановичъ молчитъ. Кажется, на него нашелъ столбнякъ. Затѣмъ онъ быстро подбѣгаетъ къ самому краю подоконника. Вотъ, вотъ, онъ бросится на Цвѣткова. Но сейчасъ же онъ отступаетъ назадъ въ глубину коридора.

— А! — произноситъ онъ немного въ носъ. Цвѣтковъ даже видитъ почти, какъ онъ поправилъ на носу золотое пенсне.

— А-а...

Это „а“ выходитъ у него опять въ носъ, и будто къ „а“ еще прибавилось „у“, влилось въ „а“ и потомъ изъ него вылилось.

— Вы уже офицеръ?

Цвѣтковъ щелкаетъ шпорами. Шпоры громко звенятъ по каменнымъ плитамъ.

Затѣмъ Цвѣтковъ дѣлаетъ подъ козырекъ Павлу Ивановичу и рапортуетъ ему свой чинъ, мѣсто служенія.

Павелъ Ивановичъ очень доволенъ, Все-таки онъ спрашиваетъ:

— А въ университетъ не пошли?

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ.

— А почему?

— По разнымъ обстоятельствамъ...

— А-у...—гнуситъ Павелъ Ивановичъ.

До сихъ поръ онъ говорилъ, чисто и разборчиво, но стоитъ ему только произнести эту букву, которая неизвѣстно что обозначаетъ, какъ у него появляется французскій прононсъ.

— А-у.

— Не пришлось,—говоритъ Цвѣтковъ.

Павелъ Ивановичъ вскидываетъ глаза кверху

— Начальство довольно?

— Начальство довольно.

— А вы начальствомъ?

— И я начальствомъ доволенъ.

— Очень хорошо. Очень хорошо...

— Очень хорошо, Павелъ Ивановичъ.

Павелъ Ивановичъ смотритъ на него подозрительно. Не пришелъ ли сюда этотъ артиллеристъ, чтобы просто почесать языкъ? Нѣкоторое время онъ молчитъ, потомъ въ мозгу его, вѣроятно, мелькаетъ мысль, женатъ Цвѣтковъ или нѣтъ. Если женатъ—такъ, конечно, это, что онъ сейчасъ передразнилъ Павла Ивановича, вышло у него само собой, безо всякой задней мысли.

Женатый человѣкъ долженъ быть солиднымъ.

А можетъ-быть, Цвѣтковъ пришелъ опредѣлить своего сына приходящимъ или пансіонеромъ?

Навѣрное, пансіонеромъ. Онъ самъ былъ пансіонеромъ. И сынъ, навѣрное, такой же головорѣзъ, какъ отецъ, и, навѣрное, тоже будетъ артиллеристомъ.

И онъ спрашиваетъ, снова поправивъ пенснэ, будто это пенснэ можетъ помочь ему узнать, женатъ или нѣтъ Цвѣтковъ, если тотъ со-
вреть.

— Женаты?

— Женатъ.

Павелъ Ивановичъ вспоминаетъ, что онъ встрѣтилъ разъ Цвѣткова въ скверѣ съ гимназисткой, а въ другой разъ съ тою же гимназисткой засталъ его въ театрѣ.

— Навѣрное, на этой, какъ ее... Такая, съ этакой косою, съ голубымъ бантомъ?

Павелъ Ивановичъ вспоминаетъ фамилію гимназистки.

— На Маевской?...

— На Маевской, Павелъ Ивановичъ.

— А-у... довольны?

— Доволенъ...

— Есть дѣти?

— Трое, Павелъ Ивановичъ.

— А-у... трое... Шалуны?

— Бойкіе мальчики...

И у Цвѣткова съ Павломъ Ивановичемъ начинается длинный разговоръ о гимназіи, о мадамъ Цвѣтковой. И Павелъ Ивановичъ всякій разъ, когда Цвѣтковъ вспоминаетъ жену, гнусить:

— А-у... Это та съ косою и голубымъ бантомъ?

II.

Когда была бомбардировка, и Цвѣткову весь день приходилось проводить около орудій, обѣдъ ему носили туда же на батарею.

Приносилъ обѣдъ обыкновенно денщикъ Цвѣткова, не высокаго роста, въ вѣчно засаленномъ вытершемся мундирчикѣ, въ вѣчно грязномъ, точно онъ только и зналъ, что ставилъ самовары или закрывалъ и открывалъ вьюшки въ печахъ, худощавый, вертлявый солдатикъ, полякъ по происхожденію, Венцеславъ Забужскій.

Отъ копоты, отъ угольной пыли или еще

отъ чего у Забужскаго даже лицо постоянно было сѣрое, какъ у желѣзнодорожнаго смазчика или кочегара. Словно онъ никогда не умывался.

Наскоро закусывая, Цвѣтковъ непременно справлялся о Павлѣ Ивановичѣ.

— Забужскій!

— Я-съ.

— Все у насъ благополучно?

— Такъ точно, ваше благородіе.

— А Павелъ Ивановичъ?..

— Ходятъ-съ.

— Обѣдалъ?..

— Такъ точно... Обѣдали-съ; почивать собираются. „Почиваль“ Павелъ Ивановичъ въ паутинѣ... Паутину онъ устроилъ въ самомъ концѣ своего коридора въ углу... Дѣйстви-тельно ли почиваль онъ въ этой паутинѣ послѣ обѣда или просто сидѣлъ такъ и о чемъ-нибудь думалъ, неизвѣстно, вѣрнѣй всего, что почиваль, потому что такой важный господинъ, если уйдетъ къ себѣ послѣ обѣда, такъ ужъ, разумѣется, для того, чтобы „отдохнуть“.

Обѣдать Павлу Ивановичу подавалъ тотъ же Забужскій.

Кормилъ онъ его мухами, при чемъ выбиралъ самыхъ жирныхъ мухъ.

Разъ Забужскій на обычный вопросъ Цвѣткова, обѣдалъ ли Павелъ Ивановичъ и послѣ обычнаго же своего отвѣта: „такъ точно, ваше благородіе, обѣдали“, поднесъ ладонь ко рту, кашлянуль въ ладонь и сказалъ немного глухо:

— Ваше благородіе!..

На Цвѣткова онъ смотрѣлъ изъ-подлобья, все держа ладонь у рта. Сквозь растопыренные пальцы видно было, что онъ не закрылъ рта, будто собирается заговорить опять.

— Ну?—сказалъ Цвѣтковъ.

Забужскій опустилъ руку.

— Я имъ, ваше благородіе, сегодня н „кокетку“ сдѣлалъ.

Онъ почему-то всегда говорилъ не котлета, а коклетта... Впрочемъ, онъ сейчасъ же поправился.

Онъ вытянулся, опустилъ руки по швамъ и выпучилъ глаза...

— Котлету, ваше благородіе.

Онъ словно выстрѣлилъ этой фразой прямо въ лицо Цвѣткову, произнося ее такъ, какъ произносилъ всякую другую заученную казенную фразу, громко, отчетливо, какъ онъ отвѣтилъ бы, напримѣръ, на привѣтствіе вышшаго начальства, ставъ во фронтъ:

— Здравія желаю вашему превосходительству.

Цвѣтковъ именно требовалъ отъ него, чтобъ онъ говорилъ котлета, а не коверкалъ этого слова по-своему.

— Какъ котлету?—изумился Цвѣтковъ, переставъ ѣсть и во всѣ глаза уставившись на Забужскаго.

— Такъ точно, ваше благородіе...

— Котлету?..

— Такъ точно, ваше благородіе.

— Вольно!—крикнулъ Цвѣтковъ. Онъ видѣлъ, что Забужскій отвѣчаетъ совсѣмъ не то, что слѣдуетъ... Онъ имѣлъ время хорошо его изучить и понималъ, что сейчасъ Забужскій своими „такъ точно“ хочетъ подтвердить только, что Цвѣтковъ правъ, а онъ нѣтъ: котлету нельзя называть коклетой.

— Изъ чего ты ее сдѣлалъ?

— Коклету?

Забужскій хотѣлъ было поправиться, но Цвѣтковъ сейчасъ же его остановилъ:

— Не нужно. Чортъ съ тобой! Коклеты—такъ коклеты. Изъ чего ты ее сдѣлалъ?

— Изъ чмеля-съ.

— Изъ шмеля?

— Такъ точно. Вотъ этакій-съ.

И Забужскій, собравъ пальцы на лѣвой рукѣ въ кулакъ, выставилъ впередъ указательный палецъ.

— Какъ же ты ее дѣлалъ?

— Обыкновенно, какъ вообще...

— Рубилъ?

— Рубилъ-съ. Потомъ пустилъ жирку. Только жарить не жарилъ—сырую, Должно очень хорошо вышло: вѣдь у него медъ... Сейчасъ подношу, говорю:

„Палъ Иванычъ!“

А они бѣгутъ, бѣгутъ... Потомъ стали. Я имъ:

„Пожалуйте кушать“.

Потомъ говорю:

„Чмель“.

Вижу: нюхъ-нюхъ, понюхали. Конечно, нынче—муха, завтра—муха, надоѣсть. Да...

„Чмель,—говорю“.

А они дѣйствительно нюхаютъ. Послѣ того стали кушать.

— И теперь спать?—спросилъ Цвѣтковъ.

— Почиваютъ-сь.

Забужскій уважалъ и любилъ Павла Ивановича не меньше Цвѣткова.

Правда, онъ познакомился съ нимъ недавно и ничего не зналъ о его прошломъ, кромѣ того только, что когда-то Павелъ Ивановичъ былъ старый знакомый Цвѣткова и зналъ его жену.

Онъ понималъ, конечно, что Павелъ Ивановичъ, директоръ гимназіи, и Павелъ Ивановичъ, паукъ, двѣ—вещи совершенно разныя. Но это ничего не значило.

Когда Цвѣткова не было дома, онъ продѣлывалъ передъ Павломъ Ивановичемъ то же самое, что и передъ Цвѣтковымъ.

Только онъ относился къ Павлу Ивановичу болѣе почтительно.

Онъ называлъ его „ваше превосходительство“...

Это, однако, не мѣшало ему, напримѣръ, не стоять на вытяжку передъ Павломъ Ивановичемъ или разговаривая съ нимъ сидѣть на табуретѣ, держа между ногами половую щетку.

Ему, кажется, даже было пріятно, что Павелъ Ивановичъ такой невзыскательный господинъ.

Онъ говорилъ про него:

— Они добрые, они не осудятъ.

И вотъ, бывало, сядетъ Забужскій на табуретъ среди комнаты, заложить ногу за ногу и говорить:

— Эхъ, ваше превосходительство, сами посудите, почему я иногда не могу спать? Первое, что ихъ благородіе жалко, а второе, изволите видѣть, дома у меня отецъ, мать...

Онъ взглядываетъ на Павла Ивановича и ему кажется, что Павелъ Ивановичъ слушаетъ его очень внимательно.

Ему даже чудится его голосъ:

— Терпи, братъ Забужскій...

— Я-съ и то, ваше превосходительство, терплю... Только вы сами человѣкъ разсудительный и понимающій про человѣчество. А какъ убьютъ?

— Это кого?— спрашиваетъ Павелъ Ивановичъ,—тебя или капитана?

— Да и ихъ и меня... Дѣти у нихъ, изволите видѣть, Вася, Коля да Петя, жена опять же, Марья Петровна... Конечно, сами вы человѣкъ не военный, вы генералъ свѣтскій-съ, а все-таки возьмите въ толкъ, ваше превосходительство, вѣдь жалко?

— Гмъ, — говоритъ Павелъ Ивановичъ. — На то война. Молись Богу, Забужскій.

— Я и то молюсь.

— Молись лучше.

Однажды во время этихъ разговоровъ Забужскому пришла въ голову такая мысль:

„А что если убьютъ Павла Ивановича“...

И ему стало жутко и холодно.

— Палъ Иванычъ! А что ежели, помилуй, Богъ, васъ убьютъ?

Лицо у него вытянулось и поблѣднѣло. Только теперь онъ понялъ, какъ дорогъ ему Павелъ Ивановичъ. Что они тогда, правда, станутъ дѣлать съ бариномъ...

Тогда они ужъ совсѣмъ останутся одни...

Когда онъ въ ту ночь послѣ ужина сталъ на молитву, сложивъ молитвенно руки по католическому обычаю, прочиталъ вечернюю молитву, мало понимая ея смыслъ, и потомъ уже отъ себя прибавилъ, опустившись на колѣни: „Матка Божска, змилуйся надъ паномъ и мною бѣднымъ хлопчикомъ“, вслѣдъ затѣмъ онъ прошепталъ тихо:

— И надъ Палъ Иванычемъ.

И распростерся ницъ на полу...

III.

У Цвѣткова, большого любителя оружія, на стѣнѣ надъ кроватью висѣло нѣсколько старыхъ военныхъ винтовокъ: берданка, шаспо, пибоди, магазинный винчестеръ.

Тутъ же на полочкѣ лежали патроны къ нимъ, по три, по четыре штуки каждаго типа.

А берданочныхъ патроновъ было нѣсколько пачекъ... Они попали къ Цвѣткову прямо изъ мастерскихъ. Онъ даже не развязалъ пачекъ. Такъ онѣ и лежали тутъ съ краю по-

лочки грудкой въ своихъ синихъ бумажкахъ, въ каждой пачкѣ по пяти штукъ, перевязанные сверхъ бумажки крестъ на крестъ веревочкой.

Въ тотъ день была сильная пальба.

Когда разрывались снаряды далеко отъ мѣста ихъ разрушительнаго дѣйствія, изъ оконъ вылетали стекла. Звенѣлъ, казалось, самый воздухъ, стоналъ и охалъ.

„Матка Божска“ не спасла Павла Ивановича... Холодно и строго смотрѣла она изъ темнаго кіота на Забужскаго. Забужскій стоялъ у кровати Цвѣткова, поставивъ одну ногу колѣнкой на край кровати, онъ бралъ съ полочки, гдѣ лежали патроны, синія пачки одну за другой и совалъ ихъ въ карманъ.

Одинъ карманъ у него уже былъ полонъ. Должно-быть, Забужскій не очень церемонился съ пачками или очень торопился. Онъ совалъ ихъ какъ попало: на пачкѣ, помѣстившейся въ карманѣ сверху другихъ, синяя обложка оборвалась, и между разодранными краями бумажки тускло поблескивали заплечики патроновъ.

Рѣсницы у Забужскаго были мокры, и онъ мигалъ ими рѣдко и быстро, словно у него ихъ дергало отъ времени до времени... И каждый разъ, когда мигалъ, всхлипывалъ и смыгалъ носомъ, вздергивалъ носъ въ то время, какъ вѣки плотно прикрывали глаза.

Наполняя карманы патронами, онъ повторилъ нѣсколько разъ:

— Господи, Господи!..

То и дѣло глаза у него совсѣмъ застилались слезами, и тогда онъ отворачивалъ лицо въ сторону, и занеся руку къ виску, захватывалъ край рукава пальцами, прижавъ къ ладони и проводилъ рукавомъ по глазамъ отъ одного глаза къ другому. Потомъ сморкался, отвернувши лицо еще болѣе въ сторону, прямо на полъ, зажавъ конецъ носа между двумя пальцами.

Но временами лицо его вспыхивало гнѣвомъ и злобой, когда въ комнату снаружи особенно громко доносился звукъ разорвавшагося гдѣ-нибудь поблизости снаряда. Глаза загорались; съ особенной поспѣшностью хваталъ онъ съ полочки синія пачки и записывалъ въ карманъ, наклоняясь и заглядывая въ карманъ, надавливая на пачку пальцемъ одной руки, а другой рукой оттягивая карманъ въ сторону, чтобы пачка входила свободнѣе.

Когда на полкѣ ужъ не осталось ни одной пачки, онъ схватилъ со стѣны берданку и бросился къ выходу, на ходу обтирая стволъ и затворъ берданки краемъ мундира.

Онъ побѣжалъ прямо на батарею.

Подбѣгая къ батарее, среди шума и свиста онъ разслыхалъ голосъ Цвѣткова, хриплый, надтреснутый, казалось, вылетавшій откуда-то изъ подъ земли.

— Четыре патрона, бѣглый огонь!

У него мелькнула мысль:

— Значить, близко... Атакой идутъ..

— А-а-а! — донеслось издали, слабо едва внятно. Чудилось, что кричить одинъ чело-вѣкъ, застигнутый бурей въ полѣ, стараясь перекричать бурю... Но было слышно сразу, что крикъ этотъ несется издали, можетъ, за полверсты... Голосъ одного чело-вѣка зате-рялся бы и на близкомъ разстояніи среди грохота орудій, воя и взрывовъ снарядовъ.

На секунду Забужскій остановился.

Опять словно вѣтромъ донесло до него:

— А-а-а...

Надрываясь изо всѣхъ силъ, Цвѣтковъ кри-чить на батареѣ:

— Четыре патрона! Вонъ по откосу... Бѣг-лый огонь!

Забужскій бросился на батарею.

Вскочивъ на парапеть, онъ глянулъ впе-редъ.

— Ага! вонъ они... Вонъ вы, голубчики!..

Онъ привалился къ стѣнкѣ, зубами разо-рвалъ пачку, вставилъ патронъ и закрылъ за-творъ.

Изъ-за вала ему видно, какъ наступаетъ непріятель. На глазъ онъ прикидывалъ раз-стояніе.

Совсѣмъ близко.

Даже лица отдѣльныхъ солдатъ можно раз-смотрѣть...

Дикая ярость охватываетъ его. Ему самому хочется крикнуть имъ что-нибудь навстрѣчу.

И онъ кричитъ, выставившись почти по грудь:

— Дьяволы! Черти! Нехристи!

Но они его не слышатъ, имъ даже его не видно... И онъ самъ теперь не разберетъ, что они кричатъ... Онъ видитъ только эти лица, эти открытые рты, эти словно сведенныя судоргой брови, натянувшіяся туго, такъ что ясно выступили скулы подъ кожей щеки...

Онъ прицѣлился и выстрѣлилъ... Выстрѣлилъ второй разъ, третій. Все мимо.

Тогда онъ пробѣжалъ впередъ мимо орудій и, остановившись тамъ совсѣмъ на виду, сталъ стрѣлять, посылая пулю за пулей, выхватывая изъ кармановъ пачки, разрывая ихъ, роняя на землю патроны.

Страшный, оглушительный взрывъ.

Казалось земля дрогнула у него подъ ногами... Впереди — черный столбъ дыма, блескъ пламени въ дыму и надъ дымомъ что-то, чего онъ не можетъ разобрать... Камни ли. это, комья ли земли, или разорванные на части человѣческія тѣла...

Непріятель попалъ на фугасъ.

Послѣ взрыва стало тихо... Только эхо грохотало въ горахъ.

— Забужскій! идіотъ!..

Онъ узналъ голосъ Цвѣткова.

— Котлета! — кричитъ кто-то въ окопахъ. Слышится хохотъ.

— Пошелъ назадъ! — кричитъ Цвѣтковъ.

Забужскій оборачивается.

— Ваше благородіе! — кричитъ онъ. — Ваше благородіе...

Лицо у него грязное, какъ всегда. Около носа и около глазъ видны бѣлыя полосы, оставшіяся послѣ того, какъ онъ вытиралъ рукавомъ слезы...

— Ваше благородіе! Вдогонку имъ! пустите разикъ...

— Сожгетъ!—кричатъ ему опять изъ окоповъ,—отойди отъ орудіевъ!

Забужскій, наконецъ, бѣжитъ назадъ, соскакиваетъ внизъ.

— Ты что, осатанѣлъ, что-ль?—обращается къ нему Цвѣтковъ.

Забужскій становится во фронтъ, долгое время не знаетъ куда дѣвать берданку, потомъ беретъ ее подъ мышку.

Лицо у него растерянное, ротъ полуоткрытъ.

— Ваше благородіе!

На глазахъ у Забужскаго выступили слезы, нижняя челюсть отвисла, и все лицо вдругъ сморщилось, какъ лицо плачущаго ребенка...

— Ваше благородіе!.. А Павелъ - то Иванычъ...

— Ну!..

Цвѣтковъ закусилъ губу.

— Приказали долго жить... Духомъ ихъ... Вотъ этакая...

Онъ разставилъ руки во всю ширину.

— Какъ хватить... Стекла у насъ выбило... А они, гляжу, ножками кверху... Какъ хлопъ—и готово... Съ одного духа убило.

— Куда же ты его дѣлѣ?

Лицо у Цвѣткова стало какъ каменное, точно все въ немъ застыло.

— Въ коробочку положилъ... Думаю, до васъ. А тамъ что скажутъ.

.....

Царство мертвыхъ.

I.

„О, Господи! хотя бы погасили эти прожекторы!“

Шмельковъ прикрывалъ глаза, чтобы не видѣть того, что вырывали лучи прожекторовъ изъ окружавшей его тьмы... Но это было еще хуже.

Мутные круги колыхались передъ глазами, выплывали, и таяли темныя и свѣтлыя пятна... За ними гдѣ-то глубоко - глубоко, словно тамъ разверзалась бездна, вспыхивали неясно и и потухали тусклые искры.

Изъ мрака, рожденные этимъ мракомъ, выступали безобразныя въ кровавыхъ пятнахъ головы, простирались руки... Окровавленный ротъ, одинъ только ротъ, казалось, кричалъ о чемъ-то... И вдругъ загорались глаза большіе, выразительные и плакали... Опять тянулись руки, снова выплывали глаза, но уже съ выраженіемъ дикой ненависти, опять проступали кровавые пятна.

Онъ старался настроить себя на иной ладъ. Представить себѣ, какъ молодецки шли его товарищи контръ-атакой... И хотя они шли

тогда этой контръ - атакой безъ музыки, онъ пытался возобновить въ своей памяти звуки военнаго марша.

Все равно!

На мгновенье передъ нимъ, дѣйствительно, очень отчетливо вырисовывались фигуры солдатъ, спиной къ нему, въ сѣрыхъ шинеляхъ съ черными поясами... Солдаты бѣжали впередъ...

Но сѣрыя шинели пропадали сейчасъ же. Вмѣсто сѣрыхъ шинелей мелькали бѣлыя рубахи все съ тѣмъ же кровавыми темными пятнами... Мелькали руки, то поднимавшіяся, то опускавшіяся... Выступалъ темный, будто на зеленую траву накинули черную кисею, пологій бугоръ и на бугрѣ по откосу, тоже словно затянутыя кисеей, фигуры въ бѣлыхъ рубахахъ, неподвижныя, скорченныя съ неественно вывернутыми ногами и руками.

Въ послѣднее дѣло солдаты были ни въ шинеляхъ, ни въ рубахахъ. Они были въ мундирахъ.

Непріятель тогда бѣжалъ. Все мѣсто боя было покрыто трупами не въ черныхъ, а въ синихъ мундирахъ.

Но когда онъ захотѣлъ представить себѣ идущихъ въ атаку товарищей, почему-то онъ увидѣлъ ихъ въ сѣрыхъ шинеляхъ и почему то только на мгновенье...

Онъ отнялъ руку отъ глазъ.

Попрежнему скользили лучи прожекторовъ, по полю вчерашней битвы.

Трупы не были убраны.

Они лежали близко другъ къ другу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они громоздились кучами.

Они то выступали ясно, какъ днемъ, то опять сразу исчезали въ темнотѣ, пока широкій лучъ прожектора, сдѣлавъ полукругъ, не озарялъ ихъ снова...

— О, хотъ бы скорѣй погасили этотъ прожекторъ!

Съ ужасомъ и трепетомъ онъ всякій разъ ждалъ того момента, когда лучъ прожектора, уклонившись въ сторону, лизнувъ далекія вершины, замиралъ тамъ на мгновенье и потомъ начиналъ передвигаться въ обратную сторону...

Точно острый легкій ножъ приближался къ его горлу, скользя по крутизнамъ, скаламъ, возвышенностямъ.

„Сейчасъ... сейчасъ... О, Боже! Зачѣмъ эта пытка!“

Странный зудъ начинался въ крови, во всемъ тѣлѣ, точно кровь скипалась... Казалось, огненная струя пробѣгала отъ затылка внизъ по позвоночнику и обратно.

Невольно закрывались глаза... Но и черезъ закрытыя вѣки блестѣлъ свѣтъ прожектора... Будто заря загоралась подъ вѣками.

И тогда онъ не могъ удержаться.

Свѣтъ прожектора, казалось, разверзалъ вѣки, проникнувъ подъ нихъ.

Вонъ они, эти трупы...

Неподвижнымъ, какъ стекляннымъ взглядомъ смотреть онъ впередъ. Жутко смотрѣть на эти трупы. Вонъ они... И по мѣрѣ того, какъ скользить прожекторъ по трупамъ, тоска вливается ему въ душу, колыхается и глухо шумить, какъ море... Точно несется въ немъ стонъ долгій и протяжный: „а-а-а-а“...

А свѣтлый лучъ все дрожить надъ трупами... Онъ прикрылъ глаза ладонью.

Мутное облако заволновалось передъ глазами, и снова изъ глубины мрака, изъ бездны выплыли эти образы, горящіе страданьемъ, ненавистью, тоской, обрызганные кровью...

И онъ ужъ начиналъ сознавать, что куда-бы онъ не ушелъ, чтобы не дѣлалъ, эти образы все равно останутся съ нимъ, всегда, вѣчно.

Можетъ быть это была больная мысль, но въ немъ заняло сердце и закипѣли слезы... онъ почти физически ощутилъ, какъ словно впилося ему что-то въ сердцѣ и сосетъ сердце... Будто пиявки присосались къ сердцу.

Если бы вырвать изъ сердца эту боль, эту муку!.. Но развѣ возможно вырвать!

Мало по малу его охватило странное состояніе... Казалось чужая жизнь поселилась въ немъ и живетъ за счетъ его жизни.

Крѣпко прижалъ онъ къ груди ладонь и надавливая на грудь, провелъ растопыренными пальцами вверхъ внизъ и въ стороны.

„Господи, да что же это!“

Онъ открылъ глаза.

Прожекторъ погасъ.

Кругомъ была тьма и тишина.

И вдругъ до него долетѣлъ издали какой-то звукъ, опредѣлить котораго онъ не могъ. Что это?—застоналъ ли кто-нибудь или крикнулъ сдавленнымъ голосомъ. Или это далекій выстрѣлъ? Можетъ, еще какой другой звукъ...

Онъ насторожилъ слухъ. Но кругомъ опять было тихо.

Но неопредѣленный звукъ, долетѣвшій изда-лека, не умеръ, а остался въ немъ. Онъ влилъ новую силу, зажегъ новымъ огнемъ образы, терзавшіе душу... Они вспыхнули ярче, жизненнѣй... Они застонали и заговорили. Не вспоминались, а зазвучали уже, какъ звучали въ дѣйствительности, отдѣльныя слова и цѣлыя фразы, еще вчера носившіяся здѣсь въ бурѣ боя.

Онъ задрожалъ... Казалось, огненное пламя проникнуло весь мозгъ, охватило сердце...

Вонъ они тутъ недалеко, переставшіе вчера дышать съ этими словами на устахъ...

Теперь труповъ уже не было видно...

Изъ-за дальней горы брезжилъ слабый свѣтъ мѣсяца, съ моря по скаламъ наплывали волны тумана, окутывая все пространство передъ нимъ непроницаемой мутной мглой.

Волны тумана подкатывались ему подъ самыя ноги.

То тамъ, то тутъ отъ общей массы тумана открывались безформенные дымчатые клочья, тянулись вверхъ, колеблясь, дрожа, и плыли

впередъ, постоянно мѣняя очертанія, проникнутыя тусклымъ свѣтомъ мѣсяца.

Казалось невѣдомыя существа поднимались изъ нѣдръ тумана, простирали руки и крылья, стремясь вверхъ или туда, куда катились туманные волны.

Море тумана жило и дышало.

Но было что-то тоскливое въ этихъ сѣрыхъ фигурахъ, постоянно мѣнявшихъ формы...

Мѣсяцъ, казалось, зажигалъ въ нихъ жизнь, еще болѣе слабую и больную, чѣмъ его мерцаніе...

И чудилось, они просили и молили о жизни, но мѣсяцъ, этотъ источникъ ихъ жизни, былъ далеко-далеко...

Его свѣтъ едва боролся съ темнотой ночи, и уже въ немъ самомъ догорала жизнь...

Его лучи теплились только тускло въ воздушныхъ существахъ, молившихъ о жизни.

Все новые и новые безформенные клочья всплывали надъ моремъ тумана, вспыхивая въ почти горизонтальныхъ лучахъ мѣсяца, дрожа, трепеща, рѣдѣя, разрываясь, сгущаясь опять, опять тая...

Дыханіе невѣдомой жизни, этотъ свѣтъ далекой планеты, струилось по всему полю битвы, загораясь минутами то тамъ, то тутъ, вызывая неясные, смутные образы...

II.

Издали снова донесся странный звукъ, ни то стонъ, ни то крикъ.

Голоса боя, говорившіе въ немъ, проклинавшіе, молившіе о пощадѣ, призывавшіе къ мщенью, на мгновенье умолкли; ихъ, казалось, спугнулъ этотъ звукъ, вырвавшійся изъ волнъ тумана. Голова будто опустѣла.

По тѣлу побѣжали мурашки.

Что это?

Звукъ раздался и замеръ. Будто кто-то высунулся изъ сѣрой мглы тумана, крикнулъ и опять скрылся.

А можетъ-быть, это ему только почудилось—этотъ крикъ глухой и неясный... Можетъ-быть, это—нервы?

Онъ оглянулся кругомъ, пристально вглядываясь въ туманъ.

Ничего не видно. Только одинъ туманъ.

И вдругъ ему почудилось, что кто-то идетъ къ нему въ туманѣ, прямо къ нему.

Сердце стукнуло и остановилось. Не мигая, смотреть онъ впередъ. Опять—туманъ, одинъ туманъ. Казалось, кто-то всталъ изъ тумана, взмахнулъ руками и опять ушелъ въ туманъ.

Въ головѣ пронеслась мысль:

„Нѣтъ, человекъ не можетъ быть такимъ высокимъ. Это—туманъ. Подулъ вѣтеръ и колыхнулъ туманъ. Нужно стоять, пока не придетъ смѣна, и ни о чемъ не думать“.

И сейчасъ же новая, уже совсѣмъ нелѣпая мысль:

„А если его забыли... Поставили тутъ и забыли?“

Его охватилъ ужасъ.

Нѣтъ, вѣдь-же, дѣйствительно, есть какая-то жизнь въ этотъ туманъ. Вотъ опять... Будто рука поднялась длинная, безобразная. Конечно, это все туманъ, его волнуетъ вѣтеръ. Но онъ все равно вздрогнулъ и похолодѣлъ, когда увидѣлъ эту руку.

„Все нервы, эти нервы!... Не нужно думать...“

Но какъ же не думать или думать, когда не владѣешь собой, и мозгъ воспринимаетъ сразу на вѣру все, что кажется глазамъ.

Вонъ опять... Широкий сѣрый платокъ... Платокъ относитъ въ сторону, платокъ постепенно разворачивается.

Онъ закрылъ глаза.

Онъ боится увидѣть лицо, скрытое подъ этимъ плащомъ. Потомъ открываетъ глаза. Ничего нѣтъ. Только мутное, сѣрое облачко. Но изъ облачка выплываетъ опять что-то, зарождается какая-то новая фигура.

„О, Господи! И зачѣмъ этотъ туманъ колыхнется?“

Снова онъ закрываетъ глаза.

А мозгъ усиленно работаетъ.

„Да вѣдь это жъ туманъ. Въ мірѣ нѣтъ ничего. Кромѣ того, что мы видимъ. Это—мертвый туманъ“.

Но онъ все равно вздрагиваетъ и съ закрытыми глазами. Отъ однихъ этихъ словъ: „мертвый“, „въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ того, что мы видимъ“, холодѣетъ сердце.

„Конечно, нѣтъ ничего! Нѣтъ ничего“.

Но онъ чувствуетъ, какъ у него начинаютъ чуть-чуть стучать зубы.

„Ничего, ничего! — старается онъ втолковать самому себѣ. — Ничего!“ — И поднимаетъ вѣки.

Глаза лихорадочно пробѣгаютъ все пространство передъ нимъ.

Онъ ужъ ищетъ теперь самъ ужаса.

— Какъ нѣтъ! Вонъ, вонъ...

А зубы стучать...

„Кто это!“

Крикъ готовъ вырваться изъ груди. Большое, большое лицо смотритъ на него изъ тумана, желтовато-сѣрое, съ темными, словно заплывшими тѣнью глазами.

Но вѣдь не можетъ быть такого большого лица!

Мысль эта, однако, мгновенна, какъ сверкнувшая и потухшая искра.

Нѣтъ ни большого, ни малаго; есть только черты и формы.

О, какіе у него глаза, темные, полные муки. А губы смѣются. Зубы видны между губъ. Потомъ глаза еще больше затянуло тѣнью, губы расплылись безобразно широко, и ихъ тоже охватываетъ тѣнь. Все лицо отодвигается, уходитъ въ туманъ.

Мгновенье, и его ужъ нѣтъ.

Но въ немъ остался этотъ взглядъ, полный муки, вселяющій ужасъ въ сердце.

И онъ сознаетъ, если еще разъ выплыветъ изъ тумана это лицо, онъ не выдержитъ и

крикнетъ, чтобъ оно не появлялось больше, чтобъ оно уходило къ себѣ туда, откуда оно явилось...

И ужъ онъ шепчетъ:

„Уйди, уйди... къ себѣ...“

И старая мысль:

„Куда къ себѣ?...“

Опять холодѣетъ сердце... Правда: куда?... Вѣдь это жъ туманъ... Оно и ушло въ туманъ, какъ вышло изъ тумана... Оно... Да, это лицо. Значить оно само по себѣ, а туманъ самъ по себѣ. Но вѣдь его же нѣтъ! Вѣдь это онъ сказалъ про него „оно“. А оно—туманъ.

Мысли путаются.

Снова—стонъ.

Теперь уже отчетливѣй и яснѣе... Опять колыхнулся туманъ, снова онъ видитъ, какъ движется въ туманѣ что-то, направляясь прямо къ нему.

Неужели это опять то, это лицо!

Въ вискахъ у него застучало.

И откуда этотъ стонъ? И стонъ ли это?

Неопредѣленная фигура мелькнула въ туманѣ и сейчасъ же пропала. Потомъ появилась опять, опять пропала. Нѣтъ, это идетъ кто-то... Кто-то еще новый выплылъ изъ тумана.

Можетъ быть это онъ застоналъ?.. Его начинаетъ бить лихорадка.

Крѣпко смежилъ онъ вѣки.

Проходитъ секунда, еще секунда, еще...

И онъ чувствуетъ, что ужъ не въ силахъ стоять болѣе съ закрытыми глазами. Довольно! Теперь, вѣроятно, ужъ все пропало...

Онъ открылъ глаза.

Прямо передъ нимъ—окровавленное лицо, губы шевелятся, хотять сказать что-то: руки простерты впередъ.

Онъ замѣтилъ только, что этотъ „новый“, вырвавшійся изъ волнъ тумана, стоитъ на колѣняхъ.

Онъ хотѣлъ крикнуть, хотѣлъ бѣжать и не могъ. Сердце вдругъ словно перестало биться. Безъ крика, безъ единого слова онъ грохнулся на землю.

III.

Шмелькова отнесли въ госпиталь.

Вмѣстѣ съ нимъ принесли въ госпиталь и этого несчастнаго, полуживого человѣка съ окровавленнымъ лицомъ, молившаго его о помощи и такъ его напугавшаго.

Окровавленный человѣкъ въ госпиталѣ называлъ себя.

Онъ офицеръ гвардіи микадо. Участвовалъ вчера въ штурмѣ, былъ раненъ, потерялъ сознание и ночью очнулся.

— Потомъ вы подползли къ нашему часовому?

— Да.

— Что у васъ съ нимъ произошло?

— Вы сами понимаете, что я не хотѣлъ сдѣлать ничего дурного... Я даже стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ.

Японецъ прямо въ глаза посмотрѣлъ доктору. Послѣ минутной паузы онъ спросилъ:

— Вы вѣрите, что я стоялъ на колѣняхъ?

И, съ усиліемъ поднявъ руки, онъ заложилъ ихъ за голову (онъ лежалъ навзничъ) вздохнулъ и поднялъ глаза кверху.

— Почему же онъ упалъ?

Японецъ хрустнулъ за головой пальцами и потянулся какъ-то всѣмъ тѣломъ къ щитку кровати, къ подушкѣ.

— О, Боже,—проговорилъ онъ,—почему я знаю! Почему я сталъ передъ нимъ на колѣни, почему онъ упалъ!... Въ другое время, вѣроятно, этого не случилось... я бы не опустился на колѣни, и онъ не упалъ бы, увидѣвъ меня.

И онъ закрылъ глаза.

Японецъ лежалъ рядомъ съ Шмельковымъ.

Шмельковъ все время внимательно прислушивался къ разговору между докторомъ и японцемъ. Японецъ говорилъ по-русски.

Когда японецъ умолкъ, онъ поманилъ доктора къ себѣ.

— Докторъ, докторъ,—шепнулъ онъ и сейчасъ же, быстро взглянувъ на японца, натянулъ на себя одѣяло до самыхъ глазъ и, осторожно опять сдвинувъ одѣяло, выглянулъ изъ-подъ него однимъ глазомъ.

Докторъ подошелъ.

— Что вы?

— Нагнитесь, докторъ.

Докторъ нагнулся.

— Еще ближе.

Докторъ склонился надъ нимъ совсѣмъ низко.

Скользнувъ все также мимо доктора однимъ глазомъ въ сторону японца, онъ выпросталъ изъ-подъ одѣяла руку и охватилъ ею доктора вокругъ шеи.

— Переведите меня въ другое мѣсто,— шепнулъ онъ.

Докторъ тоже попробовалъ было взглянуть на японца, но ему нельзя было этого сдѣлать, потому что Шмельковъ крѣико держалъ его за шею.

Онъ спросилъ:

— Вамъ здѣсь не хорошо?

— Я не хочу лежать съ нимъ,— шопотомъ отвѣтилъ Шмельковъ.

— Съ японцемъ?

— Да. Переведете?

Онъ еще крѣиче охватилъ шею доктора.

— Я вамъ даже, вотъ что скажу: я вѣдь совсѣмъ здоровъ. Со мной былъ только обморокъ... А если не переведете...

Онъ выпросталъ изъ-подъ одѣяла другую руку и сразу обѣими руками обвилъ и крѣико стиснулъ, надавливая длинными холодными пальцами сзади около затылка доктору шею. Прямо въ глаза доктору онъ устремилъ блестящій взглядъ. Что-то холодное и острое было въ этомъ взглядѣ...

— Если не переведете...

— Переведу, конечно...

Онъ ослабилъ пальцы; они медленно скользнули по шеѣ доктора книзу.

— Такъ смотрите жъ,—шепнулъ онъ, и опять его глаза блеснули изъ-подъ одѣяла холоднымъ острымъ блескомъ.

Затѣмъ онъ натянулъ одѣяло до самага лба и затихъ.

Его помѣстили въ другой палатѣ.

Когда ему показали его новую койку, онъ сейчасъ же юркнулъ подъ одѣяло.

Онъ весь вздрагивалъ, повернулся на бокъ и раза два стукнулъ зубами.

— Какъ у васъ тутъ холодно, — сказалъ онъ, ни къ кому въ особенности не обращаясь.

Потомъ отыскалъ глазами сестру милосердія, старую высокую, худощавую женщину.

— Сестрица!

Она подошла.

— А что же докторъ?

— Вамъ нужно?

— Очень.

И онъ снова поежился и подобралъ подъ одѣяломъ ноги.

Минуть черезъ десять пришелъ докторъ.

— Докторъ!—крикнулъ онъ громко.

Докторъ стоялъ койки четыре отъ него. Онъ только молча повелъ глазами въ сторону Шмелькова и, оглянувшись на него черезъ секунду, улыбнулся и кивнулъ головой.

Шмельковъ тоже улыбнулся.

— Хорошо, я подожду...

Онъ все вздрагивалъ отъ времени до времени и все ежился, подобравъ ноги, собравшись весь въ комочекъ.

Докторъ, наконецъ, подошелъ къ нему.

— Ну, что?

Докторъ улыбнулся опять, и онъ тоже опять улыбнулся вслѣдъ за нимъ.

— Слушайте-ка, докторъ... Вы, можетъ-быть, думаете онъ изъ ненависти ударилъ меня, сбиль съ ногъ и отъ того я потерялъ сознание?

— Почему же вы потеряли сознание?

— Не знаю...

Казалось, у него оборвалась нить мыслей... Онъ повернулся на спину и провелъ по лбу ладонью... Брови сдвинулись.

И вдругъ онъ словно вспомнилъ что-то. Почти радостное выражение разлилось по лицу.

Живо онъ снова легъ на бокъ.

— Докторъ!..

— Ну-те...

— Этотъ японецъ...

И онъ закусилъ губу и опустилъ глаза, потомъ опять поднялъ ихъ.

— Вы знаете кто онъ?...

Глаза его широко раскрылись и сейчасть же сощурились. Одинъ глазъ онъ закрылъ совсемъ.

— Знаете?...

Онъ приподнялся на локтѣ и снова широко открылъ глаза.

— Покойникъ!...

Теперь глаза у него остановились, не мигая.
— Покойникъ,—повторилъ онъ.—Вы ему не вѣрьте... Онъ представляется... Его нужно— въ могилу. Понимаете?..

Онъ все глядѣлъ на доктора, прямо ему въ глаза.

Докторъ сдѣлалъ серьезное лицо.

— Такъ вы говорите покойникъ?

— Увѣряю васъ. Вы не вѣрите?

Какъ раньше, блеснули его глаза холодно и остро.

— Не вѣрите!—крикнулъ онъ и схватилъ доктора за руку.

— Я его еще не выслушивалъ,—сказалъ докторъ. — Тогда я вамъ скажу свое мнѣніе...

Это его нѣсколько успокоило.

Онъ выпустилъ руку доктора, кивнулъ головой.

— Не думаю, — замѣтилъ онъ, — чтобы я ошибся. Это видно сразу, я еще тогда замѣтилъ. Я привыкъ. Вѣдь вы не были ни разу въ сраженіи, а я былъ.

Докторъ ушелъ распорядиться, чтобы его перевели въ отдѣльную комнату, а онъ легъ на бокъ, накрылся одѣяломъ и, какъ раньше, подогнулъ ноги.

— Какъ у васъ холодно, какъ у васъ холодно,—произносилъ онъ отъ времени до времени и вздрагивалъ, какъ въ лихорадкѣ, всѣмъ тѣломъ.

„Въ окопахъ“.

I.

Батареи японцевъ прекратили огонь.

Ихъ пѣхота была уже близко у русскихъ окоповъ... Стрѣлять становилось опасно.

Наступила минута затишья

Защитники окоповъ отчетливо въ промежуткахъ между орудійными выстрѣлами со стороны фортовъ слышали топотъ бѣгущихъ ногъ: ту-ту, ту-ту—словно нѣсколько человѣкъ вооруженныхъ палками, колотили враздробъ по туго натянутому ковру, выбивая пыль.

Крики „банзай“ затихли..

А до сихъ поръ „банзай“ висѣло немолчно въ воздухѣ... Точно солдаты, не оборачиваясь, хотѣли крикнуть оставшимся позади нихъ орудіямъ:

— Мы здѣсь, мы здѣсь...

Точно подавали о себѣ голосъ...

Теперь временами вспыхивали только отдѣльные голоса, визгливо вшиваясь въ воздухъ, дребезжа, какъ тонкое стекло...

— Р-ро-та-а!...

Ротный командиръ слегка откинулся назадъ корпусомъ, смотря прищуренными глазами на бѣгущихъ японцевъ...

Минутная пауза. Тишина въ окопѣ. Ротный словно прицѣлился въ японцевъ.

— Пли!

Изъ окопа брызнулъ огонь. Крики въ рядахъ японцевъ оборвались, заглушенные залпомъ, будто грохотъ залпа сдулъ ихъ.

Синеватый легкій дымомъ за клубился вдоль окопа.

— Р-ро-та!...

Опять пауза.

И снова рѣзкій надорванный голосъ:

— Пли!

Ротный словно вырываетъ изъ себя это „пли“, бросая его навстрѣчу японцамъ.

Словно самъ онъ живое оружіе, и каждыи выстрѣлъ, каждое это „пли“, частица его самого, частица его нервовъ, напряженныхъ до послѣдней степени.

Съ воемъ проносится надъ окопомъ тяжелая бомба, посланная съ фортонъ.

Ротный выпрямляется.

Будто это не бомба пронеслась сейчасъ надъ нимъ, а гдѣ-нибудь поблизости, гдѣ-нибудь на холмикѣ появилось начальство.

Онъ даже усъ закрутилъ.

— Рота!...

Увѣрениѣй, тверже звучить его голосъ.

Бомба разорвалась.

Изъ окоповъ даже видно было, какъ стол-

бомъ поднялась пыль тамъ, гдѣ она лопнула.

Ротный вскакиваетъ на паранеть и кричить:

— Пачками!

Опять гудитъ бомба...

Вслѣдъ ей трещать изъ окопа частые, будто въ оконѣ разгорѣлись жарко сухіе дрова, выстрѣлы..

Теперь ужъ не слышно топота ногъ нападающихъ.

Огненные струи изъ стволовъ винтовокъ вопзаются въ воздухъ, меркнуть, опять блестятъ. Онѣ кажутся неугасаемыми, выскакивая изъ стволовъ на мгновенье и опять прячась въ стволы, чтобы сейчасъ же снова сверкнуть.

Синій дымокъ становится гуще.

На многихъ винтовкахъ давно ужъ нѣтъ деревянныхъ накладокъ: онѣ давно, еще во дни первыхъ боевъ, пришли въ негодность, растрескались, расшатались и износились въ конецъ.

Подъ пальцами лѣвой руки слышно, какъ начинаетъ нагрѣваться пичѣмъ незацищенный стволъ.

Быстро прогрѣвается стволъ.

Даже почти съ увѣренностью можно сказать, послѣ которой пачки, даже послѣ какого патрона къ стволу будетъ больно прикоснуться.

Многіе стрѣляютъ съ упора, положивъ

винтовку на край бруствера, придерживая ее снизу подъ шейкой приклада, чтобы только не отдавало.

Всѣ эти дни прошли въ жаркихъ перестрѣлкахъ.

Многимъ пришлось сдѣлать по нѣсколькѣ сотъ выстрѣловъ... И эти толчки въ плечо, послѣ каждаго выстрѣла, сначала совсѣмъ незамѣтные, такъ что, казалось, винтовка совсѣмъ не отдаетъ, вызывали теперь въ плечѣ боль, какъ будто отбиты были всѣ мускулы... Плечо саднило и ныло, уже отъ одного прикосновенія приклада.

Но нельзя было не стрѣлять.

Все ближе мелькаютъ синіе мундиры.

Маленькія фигурки перепрыгиваютъ черезъ рывины, черезъ камни. Иногда ихъ затягиваетъ пылью и дымомъ когда между ними рвутся снаряды..

И тогда трудно разобрать, бѣжитъ ли непріятель назадъ, остановился ли, или продолжаетъ стремительно наступать... Маленькія фигурки видны смутно и неясно.

Но дымъ и пыль рѣдѣютъ.

Дымъ и пыль вмѣстѣ съ тѣмъ будто уходятъ назадъ, и изъ пыли выскакиваютъ опять все тѣ же маленькія синія фигурки.

Въ сердце закрадывается злоба...

И досадно, что спускъ подъ скобой винтовки сначала нужно довести пальцемъ до „отказа“ и потомъ уже нажать на спускъ... Порывисто дергаетъ палецъ за спускъ.

„Вотъ тебѣ! На! Ышь!“

— Ышь!—дѣйствительно, бѣшено кричить кто-то въ окопѣ.

Слышно, какъ рекошетируютъ пули, выпущенныя наскоро, какъ попало, шлепнувшіяся гдѣ-нибудь о камень въ нѣсколькихъ шагахъ впереди и потомъ съ тоненькимъ жужжащимъ пискомъ уносящіяся въ сторону.

Впереди громовой взрывъ.

Опять синія фигурки затянуло темно-желтой мутью...

Только переднія, ближайшія къ окопу фигурки попрежнему ясно видны.

Видно, какъ офицеры оборачиваются назадъ, слышно, какъ они кричатъ что-то, указывая на окопъ саблями.. Пригнувшись, выскакиваютъ изъ дыма и пыли, какъ-то теперь по-особенному, скачками, будто изъ дома, объятаго пламенемъ и готоваго сейчасъ рухнуть, синія фигурки.

Снарядъ угодилъ какъ разъ въ цѣль...

Словно въ кучу воробьевъ выстрѣлили изъ ружья дробью: въ рѣдѣющемъ дымѣ видно, какъ бьются и, кувыркаясь, катятся съ камней убитые и раненые... Ихъ много.

— Пачками!

Голосъ у ротнаго окрѣпъ. Онъ словно подтянулся.

Крикнувъ, онъ вобралъ въ себя воздухъ полной грудью и опять крикнулъ во весь голосъ, тараща глаза и отдувая щеки:

— Пачками!

Кажется, онъ хотѣлъ своимъ голосомъ усилить и безъ того бѣшеный огонь окопа.

Второй разъ ему не зачѣмъ было командовать: солдаты и такъ его хорошо слышали... Но онъ ужъ не могъ удержаться, чтобы не крикнуть, когда около него захлопали выстрѣлы.

Словно и правда, его голосъ имѣлъ силу убивать или, по крайней мѣрѣ, помочь убивать.

Врагъ ужъ совсѣмъ недалеко.

Теперь онъ сгрудился въ кучки.

— Банзай!...

Пока японцы бѣжали, какъ кому вздумается, вразсыпную, карабкаясь по обрывамъ и камнямъ, это „банзай“ вспыхивало только временами, отрывисто, то тамъ, то тутъ, сейчасъ же заглушаемое гуломъ орудій, трескомъ ружейныхъ выстрѣловъ, грохотомъ взорвавшихся снарядовъ.

Будто огненные языки начинающагося пожара, выскакивали среди шума бури и гасли заглушаемые этой бурей.

И опять вспыхивали, потому что та же буря, заглушая ихъ въ одномъ мѣстѣ, раздувала въ другомъ..

Теперь отдѣльные вспышки слились и вспыхнули сразу яркимъ огнемъ:

— Банзай!... Банзай-а-й!

Впереди одной изъ кучекъ бѣжалъ офицеръ, уже пожилой, съ сѣдой клочковатой бородкой, безъ фуражки, съ окровавленной щекой.

Бѣжалъ онъ, наклонившись впередъ, нагнувъ голову, прикрывая лѣвой рукой согнутой въ локтѣ лобъ..

Въ правой рукѣ была сабля.

Онъ смотрѣлъ впередъ изъ-подъ руки и кричалъ что-то, должно-быть, тоже „банзай“, раскрывъ ротъ во всю ширину... Длинные натянутыя морщины шли у него по щекамъ, по сторонамъ рта, загибаясь къ подбородку.

Непонятнымъ и страннымъ казалось, для чего онъ загораживалъ лобъ рукой. Будто онъ боялся, какъ бы пуля не попала непосредственно въ лобъ.

Будто рука могла защитить его отъ пули.

II.

Ротный командиръ, поднявъ лѣвую руку и согнувъ ее такъ, что уголь локтя приходился почти какъ разъ противъ носа, положилъ на сгибѣ локтя револьверъ и прицѣлился въ сѣдого офицера.

Странное дѣло! Онъ цѣлилъ сѣдому офицеру прямо въ верхнюю часть лица, въ лобъ.

Но его вдругъ словно что толкнуло.

Сѣдой офицеръ загораживалъ лобъ рукой. Онъ держалъ надъ лбомъ руку, какъ щитъ, будто и впрямь отъ этого щита могла отскочить пуля!

Мгновенно онъ понизилъ револьверъ.

Будто его спугнула эта рука, закрывавшая лобъ...

Онъ потянулъ за спускъ и выстрѣлилъ. Но японскій офицеръ былъ еще далеко. Во всякомъ случаѣ, нельзя по немъ было бить навѣрняка изъ револьвера.

Онъ промахнулся.

Онъ видѣлъ только, какъ сѣдой офицеръ мотнулъ головой въ сторону, переставъ кричать, о чемъ, однако, можно было заключить только по тому, что онъ сомкнулъ ротъ...

Этотъ кивокъ головой въ сторону (пуля, должно-быть, свистнула близко около уха) у сѣдого офицера тоже, вѣроятно, вышелъ непронизвольно, какъ непронизвольно сощурилъ онъ вдругъ глаза и, замаявшись на секунду на мѣстѣ, качнулся всѣмъ корпусомъ назадъ.

И должно-быть, поймавъ себя въ этой слабости, сѣдой офицеръ, словно пришпоривъ себя, скакнулъ сразу впередъ, отнявъ отъ лба лѣвую руку и поднявъ ее надъ головой, и закричалъ опять, трясая надъ головой кистью руки.

И сразу, какъ онъ отдѣлился отъ своей кочки, сейчасъ же, казалось, и голосъ его тоже вырвался изъ общаго шума и крика.

— Банза-а-й!...

Казалось, нервная дробная судорога пробѣгаетъ у него по лицу, или трясется у него голова отъ натуги, отъ того, что онъ старается кричать выше силъ.

Будто его маленькое тщедушное тѣло не могло вмѣстить въ себѣ этого крика.

И въ эту минуту онъ показался необыкновенно противень ротному.

Онъ снова прицѣлился въ него.

Онъ не слышалъ своего выстрѣла.

Онъ видѣлъ только, какъ сѣдой офицеръ вдругъ присѣлъ и схватился рукой за ногу около колѣнки...

Потомъ сѣдой офицеръ сдѣлалъ попытку выпрямиться... Но, видно, рана была серьезна... Сѣдой офицеръ поднялъ руку съ саблей кверху, вытянувъ руку во всю длину и, остановивъ глаза на одномъ изъ пробѣгавшихъ мимо него солдатъ, опять открылъ ротъ во всю ширину, трясая въ воздухѣ своей саблей, какъ трясъ раньше въ воздухѣ кистью руки...

Потомъ его не стало видно...

Впередъ него сразу забѣжало нѣсколько человѣкъ.

Эти нѣсколько человѣкъ легли всѣ подъ выстрѣлами изъ окоповъ. Ихъ смѣнили бѣжавшіе еще дальше сзади, вслѣдъ за ними.

Нѣсколько разъ между бѣгущими, когда пули валили на землю то того, то другого мелькала фигура сѣдого офицера.

Онъ словно стоялъ на колѣняхъ на красномъ коврѣ...

Подъ нимъ была лужа крови...

Теперь онъ опирался лѣвой рукой о землю. Правая рука попрежнему была надъ головой... Когда передъ нимъ и вокругъ него валились люди, умолкая навѣки, и крики „банзай“ въ эти мгновенья обрывались вдругъ въ

переднихъ рядахъ, его голосъ одинъ раздавался отчетливо и ясно, пронзительный, немного визгливый и дребезжащій, будто въ горлѣ у него перекатывались металлическіе шарики, какъ въ костяномъ свисткѣ.

Пять или шесть человѣкъ, добѣжавшихъ до окоповъ, были тутъ же заколоты...

Пространство между окопомъ и атакующими мало-по-малу заполнялось трупами...

А сѣдой офицеръ, стоя на своемъ кровавомъ коврѣ, продолжалъ выкрикивать, провожая глазами пробѣгавшихъ мимо и оглядываясь назадъ, когда пробѣгавшіе оказывались впереди:

— Банзай!... Банзай!

Но назади уже дрогнули.

Какъ вздрагиваетъ иногда одинъ человѣкъ, такъ дрогнули эти многія сотни сразу, неожиданно.

Будто самъ страхъ, до сихъ поръ скрывавшійся гдѣ-то, показался и крикнулъ свою команду:

— Стой! Назадъ!

Но отдѣлившіеся отъ общей массы, эти смѣльчаки или глухіе или слѣпые не слышали голоса страха... Они продолжали бѣжать впередъ вразсыпную, отдѣляемые другъ отъ друга трупами выбитыхъ изъ строя товарищей, спотыкаясь на эти трупы, перескакивая черезъ нихъ...

Можетъ-быть, ихъ вдохновлялъ сѣдой офицеръ?

Вонъ онъ... Ужъ охрипъ, а кричитъ.

— Ваше скородіе, дайте я его...

Ротный чуть-чуть подвинулся.

Мимо него, между нимъ и краемъ бруствера, согнувъ спину и втапывая въ магазинъ винтовки новую обойму, быстро переставляя согнутыя ноги, скользнулъ рядовой Орефьевъ.

Потомъ онъ медленно выпрямилъ спину.

— Вонъ онъ... Ишь...

Онъ поднялъ винтовку...

Но сейчасъ же онъ опустилъ винтовку... Все пространство передъ окопомъ было полно труповъ.

Правда, нѣсколько смѣльчаковъ, запавъ за камнями стрѣляли оттуда по окопу... Но эти ужъ не въ счетъ. Главныя силы отходили.

Посреди труповъ стоялъ сѣдой офицеръ. И онъ тоже уgomонился. Ужъ онъ не кричалъ больше. Голова повисла, сабля выскользнула изъ руки.

Можетъ-быть, пока Орефьевъ заряжалъ винтовку, его пристрѣлили; можетъ-быть, онъ просто ослабъ; можетъ-быть, истекъ кровью.

— Сдохъ! — сказалъ Орефьевъ и потомъ повернулся къ товарищамъ и кивнулъ головой въ сторону неподвижной, казалось, замерзшей фигуры:— Гляди-ка... Какъ живой...

Кое-кто высунулся изъ окопа.

Послышались замѣчанія:

— Пра, какъ живой...

— Уходилъ.

III.

Непріятель скрылся въ своихъ окопахъ.

Японцамъ удалось захватить съ собой не всѣхъ раненыхъ.

Нѣкоторые изъ нихъ теперь подымались среди неподвижныхъ мертвыхъ тѣлъ и сами тащились въ свою сторону...

Казалось, это подымались мертвые.

Пять или шесть фигуръ пробираются медленно между трупами, молча, выбирая только мѣста, гдѣ посвободнѣй итти. Каждый занятъ самимъ собой, и кажется, никому нѣтъ дѣла до другого.. Будто они не видятъ и не замѣчаютъ другъ друга.

Изрѣдка слышится стонъ.

Изрѣдка то одинъ, то другой останавливаются, поднимаютъ голову и вглядываются впередъ туда, гдѣ ихъ окопы...

Можетъ-быть, они прикидываютъ на глазъ разстояніе: долго ли еще итти.

А сѣдой офицеръ все неподвиженъ.

Видно, онъ ужъ покончилъ счеты съ жизнью...

Ужъ далеко ушли тѣ пятеро или шестеро. Кругомъ покой и безмолвіе...

Но труны отъ времени до времени продолжаютъ шевелиться, то тамъ, то тутъ, встаютъ и плетутся вслѣдъ раньше ожившимъ трунамъ.

Страшно и жутко.

Въ русскихъ окопахъ тихо. Тихо и въ японскихъ окопахъ..

— Орефьевъ!

— Ну?

— А гляди, твой-то.

Стоящій рядомъ съ Орефьевымъ солдатъ толкаетъ его локтемъ и киваетъ головой въ сторону сѣдого офицера.

— Чего мой?

Орефьевъ даже будто обидѣлся. Брови у него сдвинулись, говоритъ онъ грубо, отрывисто, отдувая щеки, будто говоритъ внутрь себя.

Голосъ звучитъ глухо.

— Офицеръ-то?

— Какой офицеръ!

— А вонъ...

И солдатъ опять киваетъ на сѣдого офицера.

— Быдто живъ.

Орефьевъ быстро оборачивается.

Все также неподвиженъ сѣдой офицеръ. И товарищу Орефьева кажется, что онъ ошибся.

— Н-нѣ,—говоритъ онъ,—это вѣтеръ.

— Вонъ еще одинъ поднялся, — раздается около.

Орефьевъ снова повернулся къ товарищу.

— Почему мой?

Такъ же глухо звучитъ его голосъ, по-прежнему сдвинуты брови такъ же отдуваетъ онъ щеки.

— Ай, не ты?.. Ну-ну, то-то... А я думалъ.

— Енъ мертвый,—вмѣшивается въ разговоръ третій солдатъ, круглолицый, съ короткимъ тупымъ носомъ, въ веснушкахъ, съ

рыжими, на темени почти красными волосами.

Солдатъ только что разговаривавшій съ Орефьевымъ, поворачивается къ нему и спрашиваетъ глухо, какъ Орефьевъ:

— Чего?.

— Мертвый ёнъ...

— Офицеръ-то!

— Офицеръ...

Солдатъ нагнулся, пошарилъ подъ ногами и поднялъ небольшой камешекъ.

— Живой!

Онъ встряхивалъ на рукѣ камушекъ, поглядывая то на Орефьева, то на стоявшаго съ нимъ солдата,

Тѣ промолчали.

Тогда солдатъ развернулся и кинулъ въ сѣдого офицера...

Камешекъ былъ плоскій, плиткой. Когда бросилъ его солдатъ, онъ сначала взвился кверху, потомъ скользнулъ по воздуху въ сторону и внизъ и прямо попалъ въ сѣдого офицера.

Тотъ вздрогнулъ и медленно поднялъ вѣки.

Казалось, это открылъ вѣки трупъ.

Взглядъ былъ мутный и тусклый.

Вѣки сейчасъ же опять смежились.. Потомъ поднялись снова. Они будто отяжелѣли и сами наплывали на глаза... Медленно, тоже съ трудомъ поднялъ онъ голову.

Рыжіи солдатъ крѣпко схватилъ Орефьева за руку.

— Гляди!

Почти ужасъ изобразился у него на лицѣ. Онъ еще крѣче сдвинулъ Орефьеву руку...

Онъ только и сказалъ это одно слово „гляди“ и потомъ затихъ, остановивъ неподвижный взглядъ на сѣдомъ офицерѣ.

А около сѣдого офицера изъ груды наваленныхъ вокругъ него труповъ, не позволившихъ ему упасть, поднялась коротко остриженная, на тонкой длинной шеѣ, съ темнымъ лицомъ голова и повела вокругъ такими же мутными, какъ у офицера, глазами.

— Господи! да что же они не шлютъ санитаровъ!—крикнулъ ротный.

Казалось теперь, онъ самъ былъ раненъ и жестоко страдаетъ отъ раны, и это именно ему самому нужны были санитары.

Черная, стриженная голова на тонкой шеѣ повела вверхъ, стиснувъ зубы. Ярko бѣлѣли эти зубы между, какъ судорогой, растянутыхъ губъ.

Выпростались плечи, потомъ показалась спина... Медленно раненый выпрастывался изъ-подъ придавившихъ его двухъ труповъ.

Наконецъ, онъ поднялся..

Также медленно двигаясь, такъ, будто разминалъ ноги, подошелъ онъ къ сѣдому офицеру...

Онъ тоже былъ раненъ въ ногу.

Рана могла быть и пустячной, судя по тому, какъ онъ переставлялъ ноги, но его могли смять въ общей сумятицѣ.

Онъ заговорилъ съ офицеромъ.

По тотъ въ отвѣтъ только поднималъ и опускалъ вѣки, какъ спросонья, и слабо поводилъ головой.

Тогда онъ, опять какъ раньше, когда выбирался изъ-подъ труповъ, стиснувъ зубы и растянувъ губы такъ, что даже десны обнажились, попробовалъ его поднять.

Ему это удалось...

Онъ схватилъ офицера за талию, закинувъ его руку себѣ за шею, и повелъ его, похрамывая на лѣвую ногу.

Минутами онъ останавливался и заглядывалъ въ лицо офицеру. Потомъ шелъ дальше...

Въ оконѣ заговорили вполголоса, глухо, какъ подъ землей:

— Не дойдутъ...

— Ни въ жисть...

— Тотъ-то ничего...

— Старичокъ-то... плохъ отъ .

— А все рыжій...

Рыжій наклонился, нагнулся, какъ въ тотъ разъ, схватилъ съ земли опять камешекъ и показалъ его Орефьеву.

— Ты видѣлъ?.. Вотъ этакіе...

Закусивъ нижнюю губу, онъ нагнулся напружилъ плечи и переломилъ камешекъ между пальцами.

Потомъ поднялъ голову.

— Вотъ онъ...

Онъ показалъ Орефьеву обѣ половинки.

— Развѣ я зналъ,—сказалъ онъ...

Черезъ секунду онъ воскликнулъ вполголоса, вздернувъ плечи:

— Ахъ ты, Господи!...

— Опять стали,—послышался голосъ.

Рыжій солдатъ сѣлъ на землю на корточки, сунуль руки между колѣнями и сталъ тереть ладони—ладонь о ладонь, качая головой изъ стороны въ сторону.

Вдругъ онъ вскочилъ.

— Стали!...

Ему ничего не отвѣтили.

— Ничего... Опять идутъ,—слышится прежній голосъ.

— Ахъ, ты Господи! ахъ, ты Господи!—шепчетъ рыжій солдатъ, опустивъ руки вдоль тѣла и быстро перебирая пальцами...

Всѣ смотрѣли вслѣдъ раненымъ. Никто не замѣтилъ какъ рыжій солдатъ побѣждалъ вдоль траншеи...

Затѣмъ его увидѣли бѣгущимъ безъ ружья къ непріятельскимъ окопамъ, нагнавъ раненыхъ, онъ взвалилъ сѣдого офицера къ себѣ на плечи и быстро запагалъ дальше...

Онъ передалъ сѣдого офицера прямо въ руки японцевъ, затѣмъ бѣгомъ вернулся къ своимъ.

— Я думалъ, какъ подбѣгъ,—разсказывалъ онъ,—стрѣлять стапуть. Да... либо сейчасъ, недолго думавши, подъ карауль... Горячка-то прошла. Иначе ничего... То-есть ни то что—ничуть ничего!...

Ему на это замѣтили:

— Очумѣли...

Сказки о жизни.

I.

— Сорокинъ, а Сорокинъ!

— Ну?—откликнулся Сорокинъ изъ другого угла землянки.

Въ землянкѣ было темно. Сорокинъ только что закурилъ трубку. Слышно было какъ онъ раскуривалъ ее; трубка сопѣла и хрипѣла.

Сорокинъ былъ въ шинели.

Сидѣлъ онъ прямо на полу, прислонившись къ стѣнкѣ землянки, растопыривъ высоко почти въ уровень съ грудью поднятыя колѣни и запахнувъ на колѣняхъ полы шинели.

Его фигура то выступала изъ мрака смутно и неясно, когда табакъ въ трубкѣ разгорался, бросая красноватый отблескъ на его колѣни, усы, губы, конецъ носа и руку, державшую трубку, то снова совсѣмъ сливалась съ тьмой, когда трубка начинала примеркать, и огонекъ трубки затягивало чернымъ, какъ уголь, налетомъ.

— Сорокинъ, расскажи...

Сорокинъ крикнулъ.

Онъ опять промолчалъ... Должно-быть табакъ въ трубкѣ у него разгорался плохо.

Навѣрное онъ былъ сырой... Вотъ-вотъ онъ вспыхнетъ ярко, какъ рубинъ, и въ красноватомъ его отблескѣ сверкнетъ бляха на поясѣ Сорокина съ изображенной на ней пылающей бомбой. (Поясъ Сорокинъ снялъ и повѣсилъ его поперекъ колѣнки).

И сейчасъ же трубка опять гаснетъ. Фигура Сорокина отодвигается въ тьму. Только пока еще чуть-чуть блещитъ бляха.

Опять хрипитъ и сопитъ трубка. Искры летятъ изъ нея и гаснутъ. Что-то клокочетъ въ трубкѣ, будто въ чубукъ набралась вода.

Снова разгорается трубка, освѣщая опять бляху, шинель на груди и колѣняхъ, округлившіяся, отдувшіяся щеки и вытаращившіеся напряженно, немигающіе глаза.

Наконецъ, Сорокинъ раскурить трубку.

— Сорокинъ! — слышится другой голосъ и въ другомъ мѣстѣ землянки.

Сорокина окликнули только два раза и потомъ ужъ не тревожили его до тѣхъ поръ, пока онъ не справился съ трубкой.

Теперь въ землянкѣ заговорили.

— Раскурить?.. А? Сорокинъ!

Слышится, какъ кто-то зѣвнулъ и потянулся и затѣмъ, кажется, этотъ же самый, что потянулся, говоритъ:

— У насъ баринъ, такъ сейчасъ... Коробка у него этакая была жестяная изъ-подъ конфетъ. Табакъ тамъ... Да... Такъ онъ, какъ ежели сухой табакъ, сейчасъ туда картошку... Сырую картошку... Нарѣжетъ и сейчасъ—въ

табакъ. Ей Богу... Петровъ!—окликнулъ онъ сосѣда.

Слышится шорохъ. Разсказывавшій про картошку, вѣроятно, повернулся.

— Это ты, Петровъ?.. Ей Богу... Тѣмъ и спасался—картошкой.

— Тебѣ про сырой, а ты про сухой, —говорить Петровъ.

— А я договорилъ?

Петровъ молчалъ.

— Я могу и про сырой...

Но голосъ у него становится тихій... Голосъ словно уходитъ въ грудь. Словно сорвавшіяся съ губъ слова испугались, что сорвались и замялись на мѣстѣ...

Однако онъ повторяетъ, откашлявшись, будто у него что-то застряло въ горлѣ:

— Могу...

И громко обращается къ Сорокину.

— Сорокинъ!.. раскурилъ?

— Раскурилъ... Ну?..—отрывисто говоритъ Сорокинъ.

— То-то... а то бы я...

Онъ кашляетъ въ ладонь тихо и осторожно.

— Расскажи, Сорокинъ, — слышится еще голосъ.

— погоди,—говоритъ Сорокинъ.

Хрипитъ и клокочетъ его трубка...

— погоди...

Слышно, что говоритъ онъ, не вынимая изо рта трубки.

Потомъ онъ вынимаетъ трубку.

— Чего разказать?

Новый голосъ:

— Ужъ давно не рассказывалъ, Сорокинъ...

— Чего?..

Въ землянкѣ много народу. Только сейчасъ никого не видать. Въ землянкѣ темно.

Только чуть-чуть блеститъ огонекъ въ трубкѣ. Трубка ужъ наполовину прогорѣла.

Отчаянно хрипитъ она и скворчить, какъ паровозъ, только что прибывшій изъ далекаго пути на станцію, исхарчившій въ дорогѣ почти весь запасъ угля.

— Завтра письмо написать надо,—говорить кто-то и умолкаетъ.

— Домой?

— Къ брату...

— Это что въ Одестѣ?

— Да...

Опять тихо...

И опять голосъ:

— Сорокинъ!

— Разказать?—откликается Сорокинъ.

Снова слышенъ шорохъ и потомъ вздохъ:

— Охъ, Господи, Господи!

— Ты чего?—тихо въ наступившей вдругъ почему-то тишинѣ всыхиваетъ вопросъ.

— Такъ...

— Вонъ попроси Сорокина.

— Расскажи, Сорокинъ! — раздается сразу нѣсколько голосовъ.

Сорокинъ начинаетъ выколачивать о каблукъ

трубку. Тусклые искры сыплются на полъ землянки. Глухо стучить о каблукъ трубка.

— Безпрерѣнно надо написать, — несется откуда-то изъ глубины землянки шопоть.

— Къ брату?

— Да.

— Что въ Одестѣ?

— Да въ Одестѣ...

— Ну, ладно, — раздается голосъ Сорокина. Трубка не стучить больше. Шопоть стихъ. Совсѣмъ тихо въ землянкѣ.

Сорокинъ начинаетъ рассказывать.

II.

„Конечно, вы сами, небось, знаете, какъ это водится... Вонъ я видѣлъ у ихъ благородія — бонба не бонба, котель не котель — съ трубкой... А скорѣй всего, что бонба...

Потому, для чего въ котлѣ трубка?

И сидитъ на бонбѣ этакій... Опять же, какъ сказать... Ни баба и ни то, чтобы кнтаецъ — ни Боже мой... А — коса...

И въ косѣ лента.

И — румяный, румяный, какъ съ мороза. Да... Летитъ на бонбѣ...

Изъ пушки, значить, выстрѣлили, и онъ летитъ. Прямо какъ въ сѣдлѣ. И за трубку руками держится.

Я было это... Подошелъ это поближе, конечно, чтобы не шумѣть... Отвернулъ страницу. Думаю:

„Небось тамъ сказано“.

Люблю я это... Сразу думаю:

„Что такое?“

Конечно—сказка... А только опять же: какъ это на бонбѣ? Бонба—она горячая... А штанишки у него тоненькіе — тоненькіе, сразу видно.

Да, подошелъ... думаю:

„Что за книга?“

А они и вотъ они—господинъ Ѳедоровъ.

Слышу шпоры звенять... Конечно, сейчасъ къ двери.

Да это я не къ тому. А такъ вообще. Вонъ писарь говоритъ: фантазія,—говоритъ,—у тебя Сорокинъ...

И сейчасъ пальцемъ въ лобъ—щелкъ.

Говоритъ:

„Электричество...“

Да... Бонба, думаю—хорошо. Чего лучше? Сейчасъ сѣлъ и сейчасъ—мое почтенье!

Вонъ ужъ гдѣ—покуда тебя и видѣли...

Однако, опять же думаю:

„Ну, бонба; ну, хорошо. А далеко она хватить?“

Тутъ и запятая. Чуєте! И какъ если разобратъ какъ слѣдуетъ, и ну тебя къ Богу со всѣмъ и съ твоей бонбой!

Ну, пять верстъ, ну, шесть, ну, двѣнадцать... А не хотите ли сто? А не хотите ли тысячу?..

Э, нѣтъ, баринъ съ косою...

А онъ—съ косою, только не китаецъ. Ей Богу.

И опять же и то взять въ толкъ. Куда мнѣ надо? Мнѣ надо въ деревню.

И вотъ вы и посудите... Деревня это, рѣчка, гуси плаваютъ, церковь. Ребята на выгонѣ—все какъ слѣдуетъ... И тутъ мое почтеніе—бонба, а на бонбѣ—я...

Первое что—переполохъ, а второе—не повѣрять. Конечно, не повѣрять.

— Вреть! Глаза отводить...

И сейчасъ, только что ты, слава тебѣ Господи, слѣзъ...

— Ахъ, дескать, господа старички...

— А тебя къ становому!

А тамъ ужъ разговоръ коротокъ.

Сейчасъ:

— Гдѣ взялъ?

Вотъ ты тутъ и вертись передъ нимъ.

— Сокралъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

Да развѣ онъ повѣритъ! Ни за что не повѣритъ. Ни въ жисть—хоть подъ присягу.

Сейчасъ:

— Сотскій, десятскій!

Въ холодную.

Вотъ тебѣ и бонба, вотъ тебѣ и Сорокинъ!

— Я, дескать, изъ Артура.

— Чего?..

Знаете: этакъ брови, этакъ глаза — какъ быкъ.

— Чего?..

— Артиллеристъ, дескать, я.

— Я тебѣ дамъ, артиллеристъ! Письмоводитель!

Тотъ, конечно, выскочилъ. Какъ козликъ...

— Бе-бе-бе, бе-бе-бе!

Верть, верть—за столъ. Послюнилъ перо, подвинулъ бумагу.

Пошла писать!

И сейчасъ тебя, раба божьяго, сначала въ протоколъ, а потомъ въ холодную.

— Сиди!

Вотъ я думаю:

„Богъ съ ней. Съ бопбой“...

Думалъ, думалъ:

„Кого?“

И тутъ сейчасъ въ ухо:

„Меня!..“

Тоненькимъ этакимъ голоскомъ.

Оглянулся,—никого.

Господи Іисусе Христе!..

А онъ:

— Не пужай...

Потому что, конечно, это ему все равно, что въ горячую воду опустить.

Да...

— Не пужай...

Тутъ я и спятилъ.

Стой, думаю... И сейчасъ это рукой, рукой назадъ... А самъ чую: царапается по мнѣ это-то, все равно какъ котенокъ... Да... рукой,—рукой, это значитъ... хватъ... Смотрю —хвостъ. Хорошо... Значитъ, я его за хвостъ...

Давай тянуть, давай тнуть... А хвостъ-то длинный, можетъ, въ аршинъ... Такъ я его — самъ тяну, а самъ на палецъ паматываю. И чую, что теплый.

А онъ это царапъ — царапъ по спинѣ — лапами за мундиръ хватается.

Ахъ ты, чтобъ тебя!...

Ей Богу... Вотъ и сейчасъ на спинѣ въ двухъ мѣстахъ разодрано. Тянулъ — тянулъ... Стащилъ.

Стащилъ, а онъ — брыкъ внизъ головой. Такъ и повисъ на пальцѣ. Какъ обезьяна. Кривляется. Вертѣлся — вертѣлся...

— Служивый...

— Чего?

А самъ это знаете, подальше — подальше его отъ штановъ, потому что вижу — такъ и норовитъ либо въ карманъ, либо такъ въ штаны вцѣпиться.

Да...

— Чего?

— Я, говорить, буду тебѣ служить вѣрой и правдой, только у меня этакъ можетъ быть приливъ крови. Ослобони, — говорить.

„Ага!“ думаю.

А онъ опять:

— Ослобони...

И все это лапами, все лапами... Такъ и норовитъ за штаны.

Думалъ я думалъ... Для чего онъ мнѣ... Малъ очень. Състь на него — что отъ него останется?

А онъ:

— Могу!

— Что,—спрашиваю,—можешь?

— Все могу.

— И въ деревню можешь?

— Куда угодно.

И вотъ же, какой каналья!

— Ты,—говорить,—такой-то губернін, уѣзда такого-то, такой-то волости.

Все рассказалъ.

Пу, я сейчасъ присѣлъ; сталъ онъ на ножкѣ, копытцами—топъ-топъ. Потомъ стряхнулся.

А я... портной одинъ научилъ... у меня и сейчасъ онъ въ карманѣ — мѣлъ. Вынулъ мѣлъ... Да... Крестъ ему на спину!

Взялъ и поставилъ...

Такъ что же вы думаете! Весь такъ и перегнулся. Все равно какъ огнемъ его жигануло.

„Ай да портной“, думаю.

И вижу, сталъ онъ ростъ—ростъ... Росъ—росъ... Лохматый сталъ. На лбу рога... Самъ растеть, и хвостъ растеть тоже. А хвостъ-то у меня въ рукѣ.

Чую, распираетъ мнѣ пальцы... Прямо какъ надулся.

Тутъ я не долго думавши — къ нему на плечи да за рога. Да его колѣнками подъ пузо. Окорячилъ.

— Служивый...

— Нѣтъ,—говорю,—не служивый теперь я тебѣ!

— А какъ?

— А называй,—говорю меня, — ваше благородіе.

Потому что думаю: вѣдь онъ чортъ. Чего съ нимъ? Да...

— Куда,—спрашиваетъ,—прикажете, ваше благородіе? Въ деревню?

— Въ деревню, говорю.

Какъ скакнетъ онъ!.. Какъ пошелъ, какъ пошелъ... Куда тебѣ бонба! Только въ ушахъ свистить. Прямо по воздуху. Какъ птица!

III.

Ну, стало-быть, летимъ... да... Гляну внизъ—ажъ голова кружится,—до того высоко.

А ничего, все хорошо видно.

Китайцы это, значить, чай пьютъ, косы заплетаютъ, японцы—какіе рисъ сажаютъ, какіе на плацу: разъ-два, разъ-два... Лѣвой... лѣвой!... Кру-гомъ!..—строго учатся, словесность проходятъ:

— Кто у насъ царь?

— Микада!

Какой, конечно, правильно говоритъ, какой совреть.

— Кто царь?

А онъ—лупъ-лупъ глазами.

Сейчасъ ему въ морду—разъ...

Все какъ слѣдуетъ.

Хорошо. Дальше, больше... Хунхузы пошли...
Пустопорожнія мѣста... А то и такъ—ничего
не видно, одна темь... Гляжу потомъ—дорога.
Паровозы свистятъ, колеса стучать: дыръ-
дыръ-дыръ, дыръ-дыръ-дыръ.

Гляжу—нашихъ везутъ.

Сидятъ себѣ, голубчики, ножки свѣсили.

Кричу:

— Не робѣй, ребята!

А они:

— Гляди, гляди!...

Вижу шапки долой, крестятся.

Ахъ,—думаю,—да вѣдь я на чортѣ...

Одначе—ничего. Богъ пронесъ. Думаю,
какой еще изъ ружья пуститъ. Нѣтъ, ничего,
все благополучно...

Дальше, значить. Байкаль перелетѣли...
Глянулъ внизъ—рыбы видимо - невидимо—
стадами ходитъ. Сомы, осетры, бѣлуга.

Эй,—думаю,—намъ бы это теперь, да на ско-
вородку, да съ маслицемъ. И въ прокъ посо-
лить можно... Насушить тоже.

А она... Поди... Смѣется... Ей Богу. Т.-е.
рыба.

Выставилась изъ воды:

— Гы-гы-гы, гы-гы-гы...

Какъ человѣкъ.

Плюнулъ я... Дальше!

Вижу... Господи Боже мой!... Ужъ и дома...

Этакъ лѣсокъ, этакъ стадо ходитъ...

Я сейчасъ въ лѣсокъ... Спустился... Слѣзъ съ чорта.

— Ну,—говорю,—какъ теперь быть?

— А очень,—говорить,—просто.

И сейчасъ—хлопъ... Опять маленькій сталъ. Меньше котенка.

— Въ карманъ,—говорить,—можно?

— А щекотать не будешь?

Думаю:

„Въ самомъ дѣлѣ заводится — щекотно...“
Да...

— Не будешь?

— Никакъ нѣтъ.

— Ну, садись!

Подставилъ ему кармапъ. Бацъ... Смотрю ужъ въ карманѣ. Пошелъ я. Конечно, карманъ немного оттопырился, однако пошелъ. Думаю, въ случаѣ ежели спросятъ, скажу, кисть съ табакомъ.

Вышелъ, значить, изъ лѣсу, тутъ сейчасъ дорога. Пылица—страсть. Только вѣтра нѣту. Тихо. Направо—рожь, налѣво—гречиха. Въ цвѣту вся... бѣлая-бѣлая. Осминникъ такъ или полдесятины. Пчелы надъ ней.

— Гу-у-у...

Гудуть... Жаворонки это:

— Чиви-чиви...

Поютъ. А кругомъ тихо-тихо. Лежить на дорогѣ пыль—такъ и лежитъ; ни вѣтеръ ее, ничего.

Слышу: громыхъ, громыхъ...

— Но-о!

Бдетъ кто-то.

Остановился. Смотрю—батьюшка... Шляпа это соломенная, ряса парусиновая... Зонтъ между колѣнями. Огромный зонтъ: разверни—прямо палатка... Самъ править.

Увидѣлъ меня...

— Тпру!

Дернулъ за лѣвую вожжу, свернулъ немного въ сторону, самъ перегнулся на мою сторону съ телѣжки... Этакъ руку къ глазамъ... Прищурился... смотреть.

— Сорокинъ, ты?

— Я-съ, — говорю. — Хлѣба изволили выѣхать поглядѣть?

— Да, — говоритъ.

И вижу порылся, порылся въ карманъ, вытащилъ изъ кармана пучочекъ.

Смотрю—гречиха...

— У меня, — говоритъ, — ранняя.

— Дозвольте, — говорю.

Гляжу, — и то. Совсѣмъ почти готова, хоть коси.

— Ну, — говоритъ, — прощай, Сорокинъ!

Опять поставилъ лошадь, какъ надо, задергалъ вожжами.

— Но!

Громыхъ—громыхъ. Поѣхалъ дальше.

И я тоже дальше пошелъ.

Выхожу на лугъ. Вижу сѣно ворошать. Бабы это, дѣвки.

Пѣсни поютъ. Далеко слышно...

Навстрѣчу возъ ѣдетъ. На возу мальчонка сидитъ въ одной рубашонкѣ.

Мужикъ идетъ около воза съ граблями. За возомъ жеребенокъ бѣжитъ першавый, першавый... Пылить, окаянный, а самъ:

— Э-ге-ге-ге-ге...

Такъ и звенить на весь лугъ.

Слышу:

— Сорокинъ!

Скрипѣль—скрипѣль возъ, остановился... Жеребенокъ сейчасъ къ матери подъ пузо... Дрыгъ-дрыгъ хвостомъ. Хвостикъ - то вотъ этакій... Свалялся весь.

— Сорокинъ!

Гляжу, нашъ же мужикъ.

— Здравствуй.

— Здравствуй!

А жарко... Жарко такъ, что просто страсть.

— Ну, и денекъ!—говорю.

— Да,—говорить,—хорошій денекъ.

— Только косить.

— Ужъ, — говорить, — и скосили и просушили.

Вонъ какъ! Молодцы ребята. Да... Ну, тоже:

— Прощай!

— Прощай!

Дальше пошелъ. Вышелъ на выгонъ... Гуси это сидятъ по берегу около рѣчки. Изъ воды бѣлый камень виденъ. Баба стоитъ въ водѣ, подоткнувшись, около камня; бѣлье пральникомъ на камнѣ колотить.

„Стукъ - стукъ, стукъ - стукъ...“—только и

всего. Все равно, какъ кто верхомъ ѣдетъ. Ничего больше не слышно.

— Эй, тетка!

Гляжу перестала колотить, вылѣзла на берегъ, заслонила отъ солнца...

Съ пральника вода течетъ, ноги голыя, руки голыя; изъ-подъ платка волосы выбились.

Гляжу, моя жъ баба и есть...

— Гдѣ былъ?

— Къ барину ходилъ, насчетъ осинокъ...

— Ну!...

Махнула рукой подъ носомъ... Ну, знаете, такъ вообще. Что у ней носовой платокъ что-ль! Поправила платокъ, заправила волосы за уши.

— Позволилъ?

— Позволилъ... Тоже насчетъ овса говорилъ... Скосить и связать...

Оглушительный взрывъ...

Солдаты выскакиваютъ изъ землянки и бѣгутъ къ орудіямъ.

Оказывается, японцы въ ночной тьмѣ подобралась почти къ самымъ окопамъ и наткнулись на мину.

Сверкаютъ лучи прожекторовъ.

Видно, какъ непріятель бѣжитъ назадъ.

— Эхъ-ма, да не дома, — говоритъ одинъ изъ слушателей Сорокина и пускаетъ вслѣдъ японцамъ гранату.

Фантазія у Сорокина неистощима. Но всѣ его рассказы непременно вертятся около одного... Съ разными вариантами онъ постоянно

разсказываетъ все объ одномъ и томъ же: какъ онъ то верхомъ на чортѣ, то по вѣтру, то еще новымъ какимъ способомъ леталъ домой.

Со стороны могло даже, пожалуй, показаться, какъ это Сорокину не надоѣстъ говорить вѣчно объ одномъ и томъ же, а его слушателямъ — почти умолять его разсказать чуть не въ двадцатый разъ объ этомъ одномъ и томъ же.

Чемоданъ съ деньгами.

I.

— Есть свободные номера?

Василій Никитичъ всталъ со скамейки, стряхивая съ красной съ бѣлыми городками рубашки скорлупу отъ сѣмечекъ и въ то же время вглядываясь пристально прищуренными глазами въ лица двухъ молодыхъ людей, въ резиновыхъ плащахъ съ поднятыми кашюшонами, и отвѣтилъ съ заминкой:

— Нумера?.. Нумера есть...

Глаза его совсѣмъ сузились; зрачки почти скрылись подъ вѣками и блестѣли между рѣсницами, какъ двѣ маленькія-маленькія искорки.

Вдругъ онъ словно опомнился.

— Какъ же, есть! Пожалуйста.

И, повернувшись, подошелъ къ двустворчатой двери, ведущей въ номера.

Взявшись рукой за скобку двери, онъ помедлилъ секунду, словно раздумывая о чемъ-то, потомъ потянулъ скобку къ себѣ.

Одна половина двери отворилась съ пронзительнымъ визгомъ; что-то забултыхало и застучало внутри притолоки. На мгновенье изъ номеровъ, должно - быть, изъ поварской,

донесся дробный стукъ ножа по доскѣ или по столу.

— Входите.

Василій Никитичъ посторонился, придерживая дверь спиной и руками.

Теперь онъ глядѣлъ во все глаза на новыхъ своихъ квартирантовъ. Они взбирались мимо него вверхъ по ступенькамъ, придерживая плащи. У одного Василій Никитичъ замѣтилъ подъ плащомъ ручной чемоданъ.

Лѣстница въ номерахъ была крутая и узкая съ перилами, выкрашенными въ черную краску, съ темно-краснымъ половикомъ, прибитымъ къ ступенькамъ наглухо. На нижнихъ ступенькахъ, отъ нанесенной на сапогахъ съ улицы грязи, половикъ былъ, какъ мокрая кожа, склизкій и липкій. Всюду по лѣстницѣ валялись папиросные окурки, обгорѣлыя спички. Какія-то жирныя, темныя пятна проступали по половику. На одной изъ верхнихъ ступенекъ прилипъ кружочекъ лимона, и тутъ же лежала раздавленная пустая папиросная коробка и пустой разорванный конвертъ съ грязнымъ слѣдомъ каблука.

Пропустивъ молодыхъ людей впередъ ступеньки на три, Василій Никитичъ отслонился отъ двери и пошелъ вслѣдъ за ними.

Опять заскрипѣла дверь, опять забултыхало и застучало внутри притолоки; слышно было, какъ визжитъ блокъ; потомъ что-то глухо и отрывисто гроыхнуло объ полъ внизу притолоки.

Теперь по лѣстницѣ раздавался только скрипъ сапогъ Василя Никитича да шуршанье резиновыхъ плащей. Вверху лѣстницы, на площадкѣ, молодые люди остановились. Одинъ откинулъ кашюшонъ. Тотъ, у котораго былъ чемоданъ, поставилъ чемоданъ на полъ и повернулся къ Василю Никитичу. Его взглядъ прямо встрѣтился со взглядомъ Василя Никитича.

— Направо!—крикнулъ Василій Никитичъ немного запыхавшимся голосомъ.

Онъ торопливо поднимался по лѣстницѣ, опираясь правой рукой о перила и показывая изъ-подъ рубахи попеременно то правую, то лѣвую колѣнку. Онъ былъ въ синихъ штанахъ; на колѣнкахъ штаны выцвѣли, стали изъ синихъ почти бѣлыми, и когда онъ, откинувшись корпусомъ назадъ, переставлялъ по ступенькамъ ноги, выворачивая ихъ какъ-то странно, точно ноги спѣшили сами собой вверхъ, а грузное короткое туловище оттягивало назадъ внизъ, — эти бѣлыя пятна выдѣлялись рѣзко на его темной фигурѣ и на общемъ темномъ фонѣ лѣстницы.

Голова Василя Никитича была поднята, густая рыжая борода выставлялась впередъ. Сверху изъ-за бороды видны были только его ноздри, брови да лобъ.

Съ площадки направо вела дверь съ мутными стеклами, защищенными переплетомъ изъ мѣдныхъ прутьевъ. Молодой человекъ, не имѣвшій съ собой никакихъ вещей, отво-

рилъ дверь. Его товарищъ опять взялъ чемоданъ, теперь уже не въ правую, а въ лѣвую руку, и оба они взошли въ коридоръ, длинный и мрачный, освѣщенный только однимъ окномъ въ самомъ концѣ.

Тутъ они снова остановились.

Въ коридорѣ было совсѣмъ тихо. Но черезъ секунду откуда-то донеслось тиканье большихъ стѣнныхъ часовъ и вслѣдъ за тѣмъ ихъ протяжное хрипѣнье. Потомъ часы стали бить. Ударили разъ, дребезжа на весь коридоръ, затихли на мгновенье, захрипѣли опять... Долго хрипѣли. Второй ударъ... Точно тонкія желѣзныя полосы одну на другую бросали въ желѣзной лавкѣ.

Коридорная дверь скрипнула.

— Пожалуйте-съ... Номеръ двадцать восьмой... Позвольте-съ.

Василій Никитичъ протискался между молодыми людьми и пошелъ по коридору, все такъ же выворачивая ноги.

Громко закрипѣли его сапоги,—еще громче, чѣмъ на лѣстницѣ. Этотъ скрипъ раздавался во всѣхъ углахъ коридора. И если закрыть глаза, то трудно было бы сказать, гдѣ именно рождается этотъ скрипъ и гдѣ онъ рождаетъ эхо. Точно весь коридоръ заскрипѣлъ.

А часы все били.

— Это ваши номера?

Василій Никитичъ остановился и круто повернулся назадъ. Ему словно кто дернулъ сзади.

Широко открывъ глаза, онъ прямо устремилъ ихъ въ лицо очутившемуся теперь всего въ разстояніи шага передъ нимъ человѣка въ резиновомъ плащѣ.

— Чего-съ?..

И онъ приложилъ ладонь къ уху, чуть-чуть повернувъ голову въ бокъ. Закусивъ слегка нижнюю губу, онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ теперь не на своего постояльца, и внизъ.

Потомъ онъ сказалъ тихо:

— Ну-те?..

И еще больше повернулъ голову въ сторону и совсѣмъ оттопырилъ ухо ладонью.

— Хозяинъ этихъ номеровъ вы?..

Василій Никитичъ отвѣтилъ не сразу. Отнявъ руку отъ уха, онъ медленно опустилъ ее вдоль тѣла, наклонилъ голову, и на лицѣ его на мгновеніе застыло такое выраженіе, будто онъ разгадалъ что-то сразу и неожиданно, что также неожиданно пришло ему на умъ.

Брови поднялись, глаза стали неподвижны, губы полуоткрылись, и между губами, словно облизывая губы и зубы, мелькнулъ и опять моментально спрятался кончикъ языка.

— Я,—произнесъ онъ наконецъ и, встряхнувъ плечами, пошелъ по коридору дальше.

* * *

Василій Никитичъ бесѣдовалъ у себя въ „конторкѣ“ съ своимъ номернымъ Жмуркинымъ.

Жмуркинъ былъ невысокаго роста, щедущ-
ный человѣкъ, съ узкой грудью и острыми,
немного приподнятыми плечами.

Василій Никитичъ сидѣлъ за столомъ, а
Жмуркинъ стоялъ у притолки. Онъ держался
довольно свободно съ Василиемъ Никитичемъ.
Голову онъ запрокинулъ назадъ, такъ что
затылокъ какъ разъ упирался въ край при-
толки, руки скрестивъ на груди, выпятивъ
впередъ локти и точно нарочно выставляя на
показъ темно-оранжевыя пятна на пиджакѣ
подъ мышками, выгорѣвшемъ въ этихъ мѣ-
стахъ отъ пота.

Одну ногу, согнувъ ее въ колѣнкѣ, онъ
прижималъ ступней и каблукомъ къ прито-
локѣ, а другою упирался въ полъ.

На немъ были очень короткія, сразу видно,
что подшитыя снизу, брюки изъ какой-то не-
обыкновенно толстой матеріи одного цвѣта съ
пиджакомъ, всѣ въ пятнахъ. Жилетка, измя-
тая и морщинистая, приподнялась, наползла
кверху по животу и изъ-подъ жилетки бѣлѣла
рубашка.

Смотрѣлъ Жмуркинъ не на Василія Никитича,
а въ потолокъ, отъ времени до времени поче-
сывая о притолку голову то въ томъ, то въ
другомъ мѣстѣ, для чего извивался всѣмъ
своимъ жидкимъ сухимъ тѣломъ.

— Жмуркинъ, я тебя спрашиваю, видѣлъ
ты ихъ?

Почесывая о притолку голову, Жмуркинъ
отвѣтилъ:

— Известно, видѣлъ.

На секунду только онъ скользнулъ глазами сверху внизъ изъ полуоткрытыхъ вѣкъ, потомъ опять уставился въ потолокъ и продолжалъ:

— Я думаю такъ, Василій Никитичъ: подамъ я прошеніе въ главный штабъ къ его высокопревосходительству... Ей Богу-съ... Они, конечно, примутъ...

Тутъ зрачки его глазъ словно выплыли изъ-подъ вѣкъ и остановились на Василіи Никитичѣ.

— Вы полагаете, я не могу состоять при нихъ въ должности переводчика?..

Василій Никитичъ нахмурился и стукнулъ пальцемъ по краю стола. На пальцѣ у него было кольцо, и звукъ вышелъ короткій и громкій, словно столъ треснулъ.

— Будетъ молотъ!..

Жмуркинъ все такъ же, изъ-подъ вѣкъ, поглядѣлъ на столъ и на палецъ Василія Никитича.

Потомъ онъ выпрямился и тряхнулъ головой.

— Чиво-съ?

— Вѣдь ты знаешь по-японски?

Жмуркинъ присвистнулъ, мотнувъ головой снизу вверхъ.

— Фью!..

Затѣмъ прищурилъ глаза.

— А вы спросите, по-каковски я не знаю... Напримѣръ...

И, сдвинувъ брови, онъ отвернулъ голову въ сторону и пристально поглядѣлъ въ окно.

— Гмъ,—сказалъ онъ и еще больше сдвинулъ брови.

— Стало, понимаешь?..

Жмуркинъ отвелъ глаза отъ окна и остановилъ ихъ на Василии Никитичѣ.

— Напримѣръ, — произнесъ онъ глупо, — мутерь... Или онять...

Брови его снова сдвинулись. Лицо приняло сосредоточенное выраженіе.

— Жмуркинъ!..

Жмуркинъ встрепенулся.

— А по-японскому...

И тутъ онъ взялъ свой указательный палецъ лѣвой руку большимъ и указательнымъ правой и, поднеся обѣ руки ко рту, вздернулъ съ уголка верхнюю губу, обнаживъ желтый клыкъ, и погрызъ этимъ клыкомъ кончикъ указательнаго пальца на лѣвой рукѣ.

— Вотъ какъ-съ... До точности. Можно сказать, собаку съѣлъ.

— Ну и что же ты скажешь?

— А то я скажу, что это японцы... Вотъ эти. Онъ качнулъ головой въ сторону двери и пояснилъ:

— Которые въ резинахъ.

Василій Никитичъ внимательно поглядѣлъ ему въ лицо.

— Подслушивалъ?..

Лицо у Жмуркина стало какъ деревянное.

Какимъ-то скрипучимъ голосомъ онъ ска-
залъ:

— А вы изволили слышать про лазутчиковъ?
Такъ я въ родѣ лазутчика.

Онъ снова запрокинулъ голову, уперся за-
тылкомъ въ притолоку и уставился въ пото-
локъ.

— Значить, подь дверью стоялъ?

— Не подь дверью, — отвѣтилъ Жмуркинъ,
все глядя въ потолокъ, — а какъ бы въ за-
садѣ.

— Ну, а дальше...

— А дальше, про васъ говорили...

— Про меня?..

Василій Никитичъ даже чуть-чуть припод-
нялся въ креслѣ, положивъ обѣ руки ладо-
нями на край стола. Глаза у него округли-
лись; зрачки стали прямо посрединѣ бѣлковъ.

— Какъ про меня?—выговорилъ онъ глухо.

— Про вашу, значитъ, наружность и про
нумера...

Жмуркинъ крикнулъ.

— Говорятъ, вотъ, молъ... Одинъ говоритъ:
„Можно на него положиться?“ А другой: „Я
такого не въ первый разъ вижу. Если,—гово-
рить,—онъ при часахъ и сапоги лаковые и
притомъ номера держать, то можно“.

Онъ умолкъ.

Молчалъ и Василій Никитичъ. Глаза у него
стали какъ стеклянные, безъ всякой мысли.
Весь онъ словно оцѣпенѣлъ.

Жмуркинъ заговорилъ снова:

— И потомъ, говорить это другой, говорить: „а кромѣ того, я навелъ справки, что онъ торговалъ водкой потихоньку“. По-нашему, значить, изъ-подъ полы,—пояснилъ онъ отъ себя и каплянулъ въ руку.

— По-японски говорилъ?—крикнулъ Василій Никитичъ, блуждая по комнатѣ глазами и на мгновенье даже остановивъ ихъ на потолокъ, на томъ мѣстѣ, куда смотритъ Жмуркинъ.

— Я же вамъ сказалъ,—отвѣтилъ тотъ.

Василій Никитичъ всталъ изъ-за стола и заходилъ по комнатѣ.

— Мнѣ и то казалось, — бормоталъ онъ, разводя руками,—чего они на меня такъ смотрятъ... И опять же по выговору слышу... Гмъ...

Вдругъ онъ остановился передъ Жмуркинымъ.

— Жмуркинъ!.. А ты не врешь?

— Вотъ вамъ крестъ,—сказалъ Жмуркинъ и перекрестился.

Въ комнатѣ, снятой таинственными путешественниками въ резиновыхъ плащахъ, находились Жмуркинъ и Василій Никитичъ.

Таинственные путешественники только что ушли, заперевъ дверь своего номера на ключъ.

Но у Василя Никитича нашелся другой ключъ, и онъ сказалъ Жмуркину:

— Жмуркинъ, пойдемъ и посмотримъ.

— Какъ вамъ угодно-съ, — отвѣтилъ Жмуркинъ.

Послѣ нѣкотораго весьма непродолжительнаго колебанія Василій Никитичъ рѣшилъ вскрыть чемоданъ... Вѣдь онъ, собственно, для того и вошелъ въ номеръ, чтобы добыть какія-нибудь свѣдѣнія о своихъ постояльцахъ.

На паспортахъ у нихъ значилось: мѣщане такого-то города... Василій Никитичъ, просмотрѣвъ паспорта, бросилъ ихъ сейчасъ же въ ящикъ стола съ такимъ видомъ, съ какимъ онъ, перебирая иногда бумаги, бросалъ въ этотъ ящикъ векселя, по которымъ нельзя получить. Паспортамъ онъ не придавалъ никакой цѣны.

Вынувъ изъ кармана связку ключей, онъ одинъ по одному совалъ ключи въ замочную скважину чемодана.

Пружина вдругъ щелкнула.

Василій Никитичъ приподнялъ крышку чемодана, отвернулъ потомъ газетный листъ, закрывавшій сверху то, что было въ чемоданѣ.

Чемоданъ оказался полонъ пачками совсѣмъ новенькихъ трехрублевокъ. Каждая пачка была перевязана бечевкой.

По улицѣ въ это время по неровной, изрытой копытами и колесами, совершенно пересохшей дорогѣ съ грохотомъ двигались пустые зарядные артиллерійскіе ящики. Чувствовалось, какъ содрогается почва и дрожать стѣны.

Когда Василій Никитичъ увидѣлъ деньги, грохотъ колесъ, оглушительный, немолчный, отъ котораго дребезжали стекла въ окнахъ, вдругъ словно потухъ въ его ушахъ.

Стекла перестали дребезжать...

Какимъ-то задыхающимся шопотомъ, широко раскрывая ротъ, онъ произнесъ, точно выдыхая изъ себя это слово:

— Жмуркинъ...

Потомъ сунулъ руки въ чемоданъ между пачками.

— Фальшивыя, — сказалъ Жмуркинъ... — Слышали, небось... Они въ родѣ Наполеона... Хотятъ напустить ихъ побольше, чтобы подорвать кредитъ.

— Молчи, — зашепталъ опять Василій Никитичъ, — на... Только молчи...

И, выхвативъ дрожащими руками нѣсколько пачекъ изъ самой середины, онъ подалъ ихъ Жмуркину.

Но Жмуркинъ спряталъ руки за спину.

— Бери самъ, — сказалъ онъ грубо.

Брови у него сдвинулись. Невыразимое презрѣніе изобразилось на его лицѣ.

И, отступивъ назадъ къ дверямъ, онъ произнесъ сквозь зубы:

— Хриstopродавецъ...

Скрививъ губы, нѣсколько секундъ онъ молча смотрѣлъ на Василія Никитича, потомъ заговорилъ, все такъ же кривя губы:

— Правильно они про тебя поняли, что на

тебя можно положиться... хотя, впрочемъ, что отъ тебя ждать...

Василіи Никитичъ вскочилъ.

Онъ вспомнилъ, что часть тому назадъ ему говорилъ Жмуркинъ.

Точно толкнуло ему что въ грудь.

Опять загромыхали за окномъ колеса, задребезжали стекла... Казалось, не по улицѣ, а въ немъ самомъ грохочутъ колеса и давятъ его.

— Гадина! — сказалъ Жмуркинъ. — Люди на смерть идутъ, а ты...

Дверь чуть-чуть скрипнула, приотворилась и сейчасъ же опять быстро захлопнулась.

Щелкнулъ ключъ. Вслѣдъ затѣмъ по коридору раздались быстрые, почти бѣгомъ, удаляющіеся шаги...

— Они! — крикнулъ Жмуркинъ. — Давай ключъ.

Но Василій Никитичъ забылъ, куда онъ сунулъ ключъ. Онъ остановился неподвижно посреди комнаты и тупо глядѣлъ на Жмуркина.

Попрежнему по улицѣ грохотали зарядные ящики, и Василію Никитичу чудилось, будто зарядные ящики проваливаются куда-то внизъ, и онъ проваливается вмѣстѣ съ ними.

И вдругъ въ немъ вспыхнула злоба на себя, на японцевъ, этихъ владѣльцевъ неисчислимаго богатства, заключающагося въ чемоданѣ.

Онъ подбѣжалъ къ окну, вышибъ стекла и закричалъ:

— Держи ихъ, лови!...

На мгновенье среди пѣшеходовъ, лѣпившихся по деревяннымъ мосткамъ-тротуарамъ, мелькнули сѣрые плащи.

— Вонъ они!...

Но плащи мелькнули и скрылись...

Василіи Никитичъ схватился руками за голову, крѣпко зажавъ въ пальцахъ волосы, и закрипѣлъ зубами.

Было холодно и сыро. Моросилъ мелкій дождикъ.

На крылечко маленькаго низенькаго домишка подъ деревянной почернѣвшей отъ дождей и времени крыши торопливо взбѣжали два человѣка.

Одинъ изъ нихъ худенькій, невысокаго роста, въ короткомъ однобортномъ черномъ пиджакѣ съ поднятымъ воротникомъ, застегнутомъ на всѣ пуговицы до самаго верха, былъ брюнетъ съ желтымъ болѣзненнымъ лицомъ, другой, немного повыше его, блондинъ съ круглой густой бородой и подвитыми усами.

Застегнувъ пиджакъ, брюнетъ, кромѣ того, еще расправилъ отвороты на груди и, придерживая ихъ рукой снизу, спряталъ въ нихъ подбородокъ и кончикъ носа. Онъ горбился немного, подпjalъ плечи и вобралъ голову въ плечи. Воротникъ пиджака почти касался его большихъ оттопыренныхъ ушей.

Очутившись на крыльцѣ, онъ стукнулъ въ дверь согнутымъ указательнымъ пальцемъ, костяшкой этого пальца, ставъ къ двери бокомъ, согнувшись и все продолжая другой рукой придерживать подъ подбородкомъ отвороты пиджака.

Мгновенье спустя, онъ стукнулъ опять и затѣмъ черезъ секунду снова подъ рядъ три раза.

Стукъ... Стукъ-стукъ-стукъ...

Дверь скринула и отворилась.

Ежась, все такъ же сгорбившись и потирая руки, брюнетъ юркнулъ за дверь. Вслѣдъ за нимъ такъ же быстро, какъ онъ, юркнулъ и его спутникъ.

Дверь захлопнулась.

Дверь вела въ проходной коридоръ: въ концѣ коридора была другая дверь, выходившая прямо на дворъ. Сейчасъ дверь эта была не плотно прикрыта. Узкая полоска свѣта бѣлѣла между притолокой и краемъ двери.

Коридоръ только и освѣщался сквозь эту щель между притолокой и дверью. Оконъ въ коридорѣ не было.

Смутно и неясно различались въ полутьмѣ фигуры вошедшихъ въ коридоръ и отворявшего имъ дверь.

Одинъ изъ вошедшихъ, болѣзненный брюнетъ въ коротенькомъ пиджакѣ, произнесъ тихо:

— Самъ дома?

И, сейчасъ же дернувъ своего товарища за

рукавъ, нагнулся къ нему и что-то шепнулъ ему на ухо.

Затѣмъ спросилъ опять:

— Дома?

Глаза его усиѣли уже нѣсколько привыкнуть къ темнотѣ... Оклеенныя бѣлыми обоями стѣны коридора выплыли изъ сумрака по обѣ его стороны. Довольно ясно разглядѣлъ онъ теперь стоявшаго передъ нимъ молодого парня, въ простой безъ пояса рубахѣ, босого, въ нанковыхъ сѣрыхъ штанахъ.

— Дома?

— Дома-съ.

— А гости есть?

— Есть.

— Много?

— Порядочно.

А бѣлыя стѣны постепенно словно впитывали въ себя темноту. Даже тѣнь разглядѣлъ онъ на стѣнѣ позади парня, падавшую отъ него. Маленькіе черненькіе глазки скользнули черезъ плечо парня дальше въ глубь коридора и сейчасъ же опять остановились на парнѣ.

— Тамъ?

Онъ мотнулъ головой на дверь.

— Тамъ-съ.

Парень посторонился.

Брюнетъ вскинулъ глаза на блондина.

— Пойдемъ?

Тотъ кинулъ утвердительно головой и двинулся впередъ.

Дверь въ концѣ коридора, какъ уже сказано, вела прямо на дворъ.

Въ глубинѣ двора было какое-то длинное каменное зданіе съ маленькими почти подъ самымъ карнизомъ окошками, — не то сарай, не то конюшня. На крышѣ не было трубъ. Но, вѣроятно, зданіе было обитаемо: изъ одного окна наружу сквозь круглое отверстіе, прорѣзанное въ стеклѣ съ жестяной накладкой, какъ это дѣлается въ вентиляторахъ, высывалась короткая желѣзная черная отъ копоти трубка вершка два въ діаметрѣ.

Брюнетъ и блондинъ направились прямо къ этому зданію: брюнетъ — впереди, блондинъ — сзади, сейчасъ же за нимъ, ловко перескакивая по большимъ сѣрымъ камнямъ, набросаннымъ въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого по прямой линіи отъ двери изъ коридора черезъ весь дворъ.

Имъ опять пришлось стучаться такъ же, какъ на улицѣ, въ дверь каменнаго зданія: въ нѣсколько пріемовъ, съ короткими перерывами:

Стукъ...

И потомъ послѣ небольшой паузы разъ за разомъ:

Стукъ-стукъ-стукъ.

Дверь отворилась. Она была узенькая и низенькая, словно прорубленная карликами и для карликовъ. Согнувшись, они скользнули въ эту лазейку одинъ за другимъ тихо и безшумно, какъ два звѣрька.

Они опять очутились въ темнотѣ.

Но темнота теперь уже была полная.

Блондинъ спросилъ шопотомъ:

— А что жъ дальше?

Подъ ногой онъ чувствовалъ каменные плиты. Пахло сыростью, какъ пахнетъ въ подвалѣ или погребѣ. Когда онъ протянулъ руки, чтобъ ощупать стѣны, пальцы его встрѣтили что-то твердое, влажное и холодное.

Невольно онъ отдернулъ руку и сейчасъ же сообразилъ:

„Кирпичи.. вѣрно, подвалъ“.

Шопотомъ онъ окликнулъ товарища.

— Сейчасъ, — отозвался тотъ невнятно и глухо. По звуку его голоса можно было догадаться, что онъ уже перемѣнилъ мѣсто, отойдя куда-то дальше въ глубь подвала. Подвалъ, видно, былъ большой.

Потомъ тамъ же, гдѣ прозвучалъ его голосъ, что-то скрипнуло, и вслѣдъ затѣмъ въ темнотѣ блеснулъ свѣтъ.

Свѣтъ, казалось, родился изъ этого скрипа.

— Ага, — сказалъ блондинъ, двигаясь впередъ.

Но свѣтъ сейчасъ же потухъ.

Брюнетъ все также шопотомъ произнесъ:

— Сюда.

Опять вспыхнулъ свѣтъ.

На блондина изъ мрака глянуло знакомое ему худое болѣзненно-желтое лицо...

— Идите сюда.

Когда брюнетъ произносилъ эти слова, чер-

ная рѣзкая полоска тѣни легла у него между губъ... Потомъ полоска исчезла, губы словно посѣрѣли и провалились. Только лобъ, щеки и носъ бѣлѣли рельефно, какъ вылѣпленные.

Слабый блѣдный, немного дрожащій свѣтъ продолжалъ струиться сверху, искрясь чуть-чуть на стѣнкахъ тамъ, гдѣ на кирпичахъ была известка.

Опять что-то скрипнуло.

На одну минуту блондину показалось, будто слегка пріотворили дверь въ комнату, гдѣ собралось много народа: сразу вмѣстѣ съ этимъ скрипомъ ударилъ ему въ уши слитный и смутный гулъ голосовъ, шмурыганье и громыханье шаговъ по каменному полу...

Но дверь — если это точно была дверь — сейчасъ же закрылась: звукъ голосовъ и шумъ шаговъ вспыхнулъ въ тишинѣ и потухъ мгновенно, словно налетѣлъ и безслѣдно унесся. Словно упалъ камень куда-то, гдѣ звукъ не рождаетъ эха.

Свѣтъ усилился.

Теперь уже ясно было видно, что свѣтъ идетъ чрезъ небольшое полукруглое оконко подъ самымъ потолкомъ. Подъ оконкомъ стояла желѣзная лѣсенка, прислоненная къ краю подоконника верхнимъ концомъ. Нижнимъ концомъ она упиралась въ полъ. Направо отъ лѣсенки смутно различалась дверь, продѣланная въ каменной стѣнѣ. Дверь устроена была аркой.

— Ступайте за мной, — шепнула брюнетъ.

Онъ стоялъ возлѣ лѣсенки, сбоку, держась за нее одной рукой.

— Слышите? Наверхъ...

И, повернувшись, онъ ловко закарабкался по лѣсенкѣ, какъ обезьяна, хватаясь за перекладины лѣсенки то лѣвой, то правой рукою и также попеременно быстро переставляя ноги.

На ходу, взбираясь по лѣсенкѣ, онъ еще разъ оглянулся на блондина.

— Сюда...

— Мы должны бѣжать, — сказалъ блондинъ.

Онъ поглядѣлъ на брюнета и перевелъ затѣмъ глаза на сидѣвшаго на корточкахъ возлѣ маленькой желѣзной печки человѣка въ кожаной курткѣ, съ большимъ покатымъ лбомъ и рѣденькими, словно выщипанными, на головѣ, щекахъ и подбородкѣ волосами.

Человѣкъ въ курткѣ поднялъ руку и почесалъ у себя подъ глазомъ. Брови у него были сдвинуты. Почесывая лѣвую бровь, онъ медленно, не вставая съ пола и не разгибая колѣнъ, повернулся чуть-чуть корпусомъ въ сторону блондина.

— А?

Онъ еще больше сдвинулъ брови и жмурился.

— Нужно бѣжать, — повторилъ блондинъ.

Брюнетъ кивнулъ головою; пока блондинъ говорилъ, человѣкъ въ курткѣ, словно уже

заранѣе рѣшивъ, что блондинъ ничего новаго ему не скажетъ, остановилъ глаза на брюнетѣ.

И брюнетъ на этотъ безмолвный вопросъ отвѣтилъ также безмолвно кивкомъ головы.

— Вы ошиблись, мой другъ, — снова заговорилъ блондинъ, — вы указали на этого содержателя меблированныхъ комнатъ, но онъ оказался большимъ патріотомъ...

Человѣкъ въ курткѣ слабо вздрогнулъ, выпрямилъ потомъ спину и затихъ, чуть-чуть поднявъ голову.

Блондинъ продолжалъ:

— Отъ нашего номера у него оказался запасной ключъ, и когда мы ушли, онъ вошелъ въ номеръ, распаковалъ чемоданъ...

Человѣкъ въ курткѣ снова вздрогнулъ.

Казалось, и въ глазахъ его тоже дрогнуло что-то, словно тренетный-огонекъ сверкнулъ на мгновенье сквозь выраженіе искуга, внезапно изобразившееся въ нихъ...

— Счастье, что мы не потерялись, — продолжалъ блондинъ. — Мы застали его, когда вернулись въ номеръ, какъ разъ у открытаго чемодана. Я успѣлъ во-время замкнуть его на ключъ въ номерѣ. Потомъ мы бросились на улицу... Я слышалъ, какъ онъ кричалъ въ окно, чтобы насъ задержали.

Лицо у человѣка въ курткѣ поблѣднѣло, словно сѣрая тѣнь легла на него.

Губы поблѣзли.

Немного хрипло онъ произнесъ:

— Ну?...

И потомъ спросилъ, прямо въ упоръ уставившись на блондина:

— А никто не видѣлъ, что вы скрылись сюда?

Ротъ у него послѣ того, какъ онъ произнесъ эту фразу, остался полуоткрытымъ.

— Никто.

— Я думаю,—заговорилъ брюнетъ (и сейчасъ же человѣкъ въ курткѣ повернулся къ нему),—я думаю, что онъ, конечно, не прочь былъ воспользоваться фальшивками, которыя нашелъ въ чемоданѣ, но его смутило наше появленіе.

— Такъ никто не видѣлъ? — живо переспросилъ человѣкъ въ курткѣ, снова поворачиваясь къ блондину.

— Никто... Насъ могли замѣтить по плащамъ, но по дорогѣ мы бросили плащи.

— Но все-таки намъ необходимо бѣжать,—сказалъ брюнетъ.

— Необходимо,—подтвердилъ блондинъ.—Будутъ искать.

Онъ поднялъ глаза.

— Намъ нужно бѣжать... Поѣздъ отходить ровно въ два. Есть у васъ что-нибудь, во что переодѣться?

— Есть.

Голосъ у человѣка въ курткѣ сталъ еще болѣе хриплымъ.

Цзинъ-Тунъ, содержатель тайнаго игорнаго дома, китаецъ по происхожденію, но воспитанный въ Японіи и имѣвшій теперь дѣла съ

японцами по сбыту фальшивыхъ русскихъ кредитокъ, этотъ маленькій тщедушный человекъ, совсѣмъ растерялся.

Онъ сидѣлъ на корточкахъ у своей желѣзной печки, согнувъ спину, сгорбившись, съежившись, боясь шевельнуться, изрѣдка только вытягивая худую морщинистую, словно состоящую изъ однихъ позвонковъ и обвисшей кожи, шею и прислушиваясь съ напряженнымъ выраженіемъ на желтомъ лицѣ къ глухимъ звукамъ, временами доносившимся снизу изъ-подъ пола.

Тамъ были подвалы. Тамъ въ четырехъ просторныхъ залахъ днемъ и ночью шла игра въ банкъ.

Точно парилъ надъ нимъ ястребъ, а онъ, Цзинь-Тунъ, былъ цыпленокъ, не оперившійся, выгнанный бурей изъ гнѣзда. Онъ и правда походилъ теперь на цыпленка: худенькій, сгорбленный съ рѣдкими, будто выщипанными на половину, короткими волосами.

— Я все устрою,—сказалъ онъ.

Онъ всталъ и ушелъ за перегородку. Минуту спустя, онъ вернулся.

Онъ принесъ съ собой зеркало, бритву и два дамскихъ платья.

О, какъ онъ ухаживалъ за своими гостями! Съ какимъ стараніемъ одергивалъ юбки, прикладывалъ банты и ленты.

Когда все было готово, онъ сказалъ:

— Теперь хоть въ Москву! Вѣдь вы прямо на поѣздъ?

— Да,—отвѣтила одна изъ дамъ.—Но какъ мы дотащимъ нашъ багажъ?

У нихъ, дѣйствительно, былъ большой багажъ, — два мѣшка съ золотомъ. Для чего предназначалось это золото, было ли оно точно золото, или стоимость его не превышала стоимости фальшивыхъ ассигнацій, Цзинь-Тунъ не зналъ.

Но золото хранилось у него.

— Вы дадите намъ провожатаго?

— Хорошо,—сказалъ Цзинь-Тунъ.

Онъ на все былъ согласенъ.

Онъ мало теперь о чемъ думалъ. Одна мысль владѣла теперь имъ:

„Пусть ѣдутъ, пусть ѣдутъ“.

Эта мысль съ каждымъ бьеніемъ сердца была ему въ грудь.

„Пусть ѣдутъ, пусть ѣдутъ“...

И онъ сказалъ:

— Хорошо.

* *
*

По направленію къ вокзалу чрезъ огромный пустырь шли двѣ дамы въ сопровожденіи высокаго, бородатаго субъекта въ старой обтершейся кожаной курткѣ.

Когда-то эту куртку носилъ Цзинь-Тунъ. Потомъ онъ подарилъ ее завсегдатаю своего заведенія, мѣстному мѣщанину Иванову.

Ивановъ былъ страстный игрокъ и спустилъ у Цзинь-Туана не одну сотню. Но теперь ему было нечего спускать. Цзинь-Тунъ оставилъ его у себя въ качествѣ прислуги.

Когда Цзинь-Тунъ платилъ Иванову жалованье, Ивановъ проигрывалъ его въ тотъ же вечеръ.

Ивановъ былъ всегда неразговорчивъ и мраченъ. Онъ шелъ за своими дамами, высокій, взъерошенный, какъ медвѣдь, опустивъ голову, угрюмо поглядывая впередъ изъ-подъ густыхъ черныхъ бровей.

Спускалась ночь.

На всякій случай Ивановъ захватилъ съ собой дубовый колъ.

Вдругъ Ивановъ остановился.

Глухой ударъ. Потомъ ударъ еще...

Быстро во всю прыть бѣжитъ Ивановъ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ только что, корчатся двѣ темныя женскія фігуры.

Цзынь-Тунъ металъ банкъ.

Вокругъ небольшого столика, за которымъ онъ сидѣлъ, стояло кучкой нѣсколько человѣкъ.

Просторная низкая комната, скорѣе подвалъ, а не комната, со сводчатымъ потолкомъ, обитымъ желѣзными выкрашенными въ бѣлую краску листами, освѣщалась только свѣчкой въ мѣдномъ низенькомъ, съ ручкой, подсвѣчникѣ, стоявшей на столѣ передъ Цзынь-Туномъ.

Свѣчка горѣла неровнымъ широкимъ пламенемъ. На полу и на стѣнахъ отъ стоявшихъ около Цзынь-Туна лежали огромныя тѣни.

Отъ времени до времени Цзынь-Тунъ оставлялъ карты, протягивалъ къ свѣчѣ руку и своими крѣпкими желтыми ногтями очень ловко, словно маленькими острыми щипчиками, отрывалъ верхушку обгорѣлаго фитиля. Тогда пламя свѣчи становилось меньше, тѣни сбѣгали со стѣнъ, и самыя стѣны точно отодвигались куда-то въ глубь, въ темноту. Но свѣча скоро опять разгоралась, пламя забирало силу, колебалось, трепетало, вытягиваясь кверху, и вмѣстѣ съ нимъ изъ-подъ стола и изъ-подъ ногъ играющихъ выползали опять огромныя безобразныя тѣни и занимали свои мѣста на полу, на стѣнахъ, на потолокъ.

Стѣны выступали изъ мрака. Красноватый отблескъ пламени вспыхивалъ слабо вверху на потолокъ, на желѣзныхъ листахъ.

Въ комнатѣ было тихо. Слышался только шорохъ тасуемыхъ картъ да ихъ шелестъ, когда Цзынь-Тунъ, перетасовавъ, принимался метать.

Что-то скрипнуло въ глубинѣ комнаты слабо и тихо... Потомъ по каменному полу громко раздались шаги.

Къ столу подошелъ Ивановъ.

Цзынь-Тунъ узналъ его сразу—по шагамъ. Не переставая тасовать карты и не поднимая головы, онъ спросилъ:

— Проводилъ?

Сейчасъ же онъ услышалъ, какъ задышалъ Ивановъ. Дышалъ Ивановъ всегда съ полуоткрытымъ ртомъ, шумно вбирая воздухъ,

одновременно ртомъ и носомъ. Точно носъ у него постоянно былъ заложенъ.

— Восьмерка,—сказалъ Ивановъ.

Снова послышалось его сопѣнье. Черезъ секунду Ивановъ добавилъ:

— Бубновая.

Во время игры Ивановъ обыкновенно имѣлъ при себѣ свою колоду картъ. Прежде, чѣмъ назначить карту, онъ пробовалъ счастье: вынималъ изъ колоды, спрятавъ руки назадъ, какую-нибудь карту,—какая попадется.

Сейчасъ въ рукахъ у него была бубновая восьмерка. Онъ держалъ ее за уголокъ, приблизивъ къ губамъ. Пристально смотрѣлъ онъ на руки Цзынь-Туна.

— Проводилъ? — опять спросилъ Цзынь-Тунъ.

Ивановъ промолчалъ, какъ и въ первый разъ.

Казалось, онъ не слыхалъ совсѣмъ, что сказалъ ему Цзынь-Тунъ.

Карты ложились на столъ противъ Цзынь-Туна, направо и налево, почти безшумно одна на другую, двумя ровными кучечками.

Восьмерки все не было.

Положивъ лѣвую руку на плечо одного изъ играющихъ, Ивановъ вытянулъ шею, наморщилъ лобъ; брови у него поднялись высоко; глаза мигали рѣдко и коротко.

— Бита,—сказалъ Цзынь-Тунъ.

Восьмерка упала налево.

Ивановъ вынулъ золотой и бросилъ его на столъ.

Цзынь-Тунъ тѣми картами, что остались у него въ рукахъ, пододвинулъ золотой къ себѣ, дѣйствуя картами, какъ лопаточкой, и, не взглянувъ даже на Иванова, произнесъ:

— Желаете?

Онъ смотрѣлъ теперь на человѣка въ формѣ желѣзнодорожнаго кондуктора, стоявшаго какъ разъ противъ него.

Ивановъ бросилъ на столъ еще золотой.

— Я желаю, — сказалъ онъ.

Исподлобья онъ взглянулъ на Цзынь-Туна и закусилъ чуть-чуть съ уголка нижнюю губу.

Цзынь-Тунъ слегка вздрогнулъ.

Онъ уже ожидалъ услышать снова стукъ тяжелыхъ сапогъ Иванова по каменному полу...

Онъ нарочно возвысилъ голосъ, обращаясь къ кондуктору, такъ какъ ожидалъ, что Ивановъ сейчасъ же, какъ проиграетъ, уйдетъ отъ стола и застучитъ сапогами. Ивановъ всегда отходилъ отъ стола послѣ неудачной ставки.

Когда игра шла на два стола, Цзынь-Тунъ умѣлъ по одному звуку шаговъ Иванова (если Ивановъ игралъ не за его столомъ) угадать, выигралъ онъ или проигралъ. Ивановъ тогда, ступая по полу, еле волочилъ ноги, словно на ногахъ у него были свинцовыя гири.

Цзынь-Тунъ однимъ глазомъ повелъ снизу вверхъ въ его сторону; черненькій зрачокъ

перекатился въ уголь глаза, и сейчасъ же вѣки медленно опять наплыли на глаза.

Ивановъ еще больше закусилъ губу, потомъ порывисто сунулъ руку въ карманъ пиджака, задержалъ ее на мгновенье въ карманѣ и немного съ хрипотой проговорилъ:

— Другой золотой...

Его рука дернулась кверху, какъ-то нервно, съ дрожью... На столъ упалъ еще золотой.

— А карта?—спросилъ Цзынь-Тунъ

— Та же.

— Восьмерка?

— Восьмерка...

Глаза Иванова скользнули мимо играющихъ куда-то въ сторону, въ глубину комнаты.

— Пиковая, — произнесъ онъ и тяжело перевелъ духъ.

— Пиковая?

— Да, пиковая.

Ивановъ опять сунулъ руку въ карманъ. Видно было, какъ онъ перебираетъ въ карманѣ пальцами.

На секунду въ уголокъ праваго глаза Цзынь-Туна опять блеснулъ зрачокъ и сейчасъ же потухъ, словно потонулъ подъ вѣкомъ.

Цзынь-Тунъ кашлянулъ и сталъ бросать карты.

И на этотъ разъ Ивановъ проигралъ.

— Все?—спросилъ Цзынь-Тунъ.

Ивановъ оперся лѣвой рукой на край стола,

согнувъ спину, и опустилъ на середину стола правую руку, сжавъ ее въ кулакъ.

Когда онъ разжалъ кулакъ, — на столѣ оказалась кучечка золотыхъ.

— Валяй!—сказалъ онъ и прямо въ упоръ устоялся на Цзынь-Туна.

Грудь его тяжело поднялась и опустилась.

Цзынь-Тунъ слегка поблѣднѣлъ...

Ивановъ откачнулся отъ стола, мигнулъ вѣками и выговорилъ съ трудомъ, будто слова у него цѣплялись во рту:

— Ну... я сказалъ.

— Карта? — произнесъ Цзынь-Тунъ, совсемъ такъ, какъ Ивановъ, измѣнившимся голосомъ, двигая челюстями медленно и тяжело, словно помимо воли.

— Все та же!

— Бубна или пика?

— Пика!

Теперь Ивановъ выигралъ.

Цзынь-Тунъ поднялся со стула.

— Пойдемъ ко мнѣ.

Онъ дернулъ Иванова за рукавъ.

Ивановъ въ это время тасовалъ свою колоду. Онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на Цзынь-Туна.

— А?

Глаза его не мигали, ротъ былъ открытъ. Онъ смотрѣлъ на Цзынь-Туна, но казалось, онъ его не видитъ и не слышитъ и не понимаетъ, что отъ него нужно Цзынь-Туну.

— Пойдемъ,—повторилъ Цзынь-Тунъ.

Только теперь Ивановъ его поѣялъ...

— Пойдемъ,—сказалъ онъ и двинулся отъ стола, положивъ свою колоду въ карманъ.

Онъ шелъ вслѣдъ за Цзынъ-Туномъ, громко стуча сапогами, опустивъ голову и сунувъ руки въ карманы пиджака.

Вдругъ онъ схватилъ Цзынъ-Туна за плечо.

— Зачѣмъ?

Цзынъ-Тунъ оглянулся. На минуту въ его глазахъ мелькнуло выраженіе испуга... Онъ словно колебался.

— Ну, идемъ,—сказалъ Ивановъ и опять опустилъ голову.

* *
*

— Ты откуда досталъ деньги?

Ивановъ молчалъ.

Онъ стоялъ передъ Цзынъ-Туномъ, опустивъ голову, какъ-то весь сгорбившись, держа руки въ карманахъ пиджака.

— Ну!

— Досталъ,—сказалъ Ивановъ, поднявъ голову и вздернувъ плечи.

Глаза его широко открылись.

Цзынъ-Тунъ забарабанилъ по столу пальцами.

— Гдѣ досталъ?

Ивановъ пожалъ плечами.

— Мало ли гдѣ...

И онъ развелъ руки...

Пальцы Цзынъ-Туна выбивали по столу дробь все громче и громче.

И вдругъ онъ неожиданно подступилъ къ Иванову почти вплотную.

— Гдѣ, спрашиваю?

Онъ такъ и впился въ лицо Иванова маленькими глазками.

Руки теперь онъ держалъ опущенными внизъ, растопыривъ и согнувъ пальцы, какъ будто у него были не пальцы, а когти, и онъ собирался впиться ими въ Иванова.

— Ну, гдѣ?

Ивановъ немного попятился.

Но Цзынь-Тунъ сейчасъ же опять очутился возлѣ него.

— Гдѣ?

Ивановъ оглянулся на дверь, потомъ растерянно поглядѣлъ вокругъ.

— Убилъ?—зашепталъ Цзынь-Тунъ, тоже оглядываясь назадъ.—Убилъ?... Слышишь?

Ивановъ поблѣднѣлъ.

— Вѣдь ты пошелъ проводить до вокзала?

— Зачѣмъ вокзалъ?—произнесъ Ивановъ все такъ же растерянно.

Неподвижнымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ въ одну точку, продолжая разводить руками.

— Зачѣмъ?... Какой вокзалъ?...

— Убилъ?— снова зашепталъ Цзынь-Тунъ.— Гдѣ ты дѣвалъ этихъ барынь?

Ивановъ опустилъ руки и быстро-быстро зашевелилъ пальцами. Нижняя его челюсть тряслась. Глаза забѣгали по комнатѣ и вдругъ

сразу, словно увидѣвъ что-то страшное, остановились.

Нижняя челюсть отвисла. Еле ворочая языкомъ, онъ произнесъ:

— На пустырѣ...

— Значить, убилъ?...

— Не знаю...

Все такъ же быстро перебиралъ онъ пальцами.

Голову онъ держалъ прямо и прямо неподвижнымъ взглядомъ смотрѣлъ передъ собою.

— Какъ не знаешь?

— Не знаю,—повторилъ Ивановъ.

Онъ словно всматривался во что-то, что пока различалъ смутно и неясно.

— Не знаю.

Голова его затряслась.

— Не знаю...

А глаза все смотрѣли неподвижно, слабо, въ одну точку.

— На пустырѣ?—спросилъ Цзынь-Тунъ.

— Эге,—сказалъ Ивановъ.—Эге.

Онъ кивнулъ головой.

— Только я не убилъ.

И онъ затрясъ отрицательно головой.

— Нѣтъ?

— Нѣтъ...

Онъ снова тряхнулъ головой.

— Онѣ копошились.

— Копошились?

— Да...

— Куда же онѣ дѣлись?...

На лбу Иванова выступили крупные капли пота.

— Не знаю.

— Можетъ, ушли?

Онъ снова повторилъ:

— Не знаю.

Цзынь-Тунъ поспѣшно одѣлся.

— Пойдемъ на пустырь.

— Пойдемъ.

Они отправились на пустырь.

— Гдѣ?

— Вонъ тамъ.

Ивановъ протянулъ впередъ руку.

— Тамъ.

Онъ шелъ рядомъ съ Цзынь-Туномъ, прямо держа голову. Иногда онъ спотыкался. Но онъ все равно не глядѣлъ подъ ноги, о что споткнулся.

Онъ подвигался впередъ какъ лунатикъ, какъ автоматъ.

Цзынь-Тунъ тяжело дышалъ. Слова срывались съ его губъ отрывисто и глухо. Онъ силился разглядѣть то, на что ему указывалъ Ивановъ, но ничего не видѣлъ.

Вѣроятно, и Ивановъ тоже не видѣлъ ничего, такъ какъ темень была страшная, но ему, должно-быть, казалось, что онъ видитъ что-то...

Можетъ-быть, онъ наполовину галлюцинировалъ.

Наконецъ, они почти наткнулись на два женскихъ трупъ...

Чтобы скрыть слѣды несчастныхъ, ихъ тѣла пришлось бросить въ рѣку...

* * *

Много времени спустя, въ токійскихъ газетахъ появилась замѣтка о двухъ „безвременно погибшихъ богато одаренныхъ юношахъ, талантливыхъ художникахъ“, пустившихся ради своей родины на рискованное дѣло.

Когда эта замѣтка попалась Цзинъ-Туну, онъ сказалъ:

— Конечно, имъ не зачѣмъ было пускаться въ рискованное предпріятіе, разъ у нихъ есть свой особый талантъ. Но все равно, развѣ не могло ихъ обоихъ придушить балкой, когда они, напримѣръ, занимались бы расписываніемъ потолковъ въ какомъ-нибудь новостроящемся домѣ?

Въ блиндажѣ.

(НАБРОСОКЪ).

I.

— Нельзя-съ,—сказаль Семень,—намъ это никакъ нельзя...

Сунувъ большой палецъ за бортъ своего узенькаго, застегнутаго на всѣ пуговицы пиджачка, онъ забарабаниль сверху по борту остальными пальцами.

— Н-да,—сказаль Гуринъ,—конечно.

Онъ поставиль руку локтемъ на столъ и, прикрывъ нижнюю часть лица—подбородокъ и губы—ладонью, поглядѣль въ окно. Его глаза сѣрые, немного мутные, словно въ нихъ въ самую середину зрачковъ попала капелька мыла и расплылась въ нихъ, не мигали, остановившись неподвижно; брови приподнялись, кожа на лбу, собралась въ длинныя черезъ весь лобъ тонкія морщины.

Лицо у Гурина было худое, отливавшее въ болѣзненную желтизну. Желтая тонкая кожа, казалось, не имѣла подъ собой мяса, присохнувъ непосредственно къ кости.

И когда онъ говорилъ или шевелилъ бровями, ясно было видно, какъ подъ кожей двигаются, надавливая на кожу, скулы, десны, височные кости.

Словно мертвую голову обтянули тонкимъ эластичнымъ пергаментомъ или тонкой резиной и заставили функционировать изсохшіе мускулы...

Въ сѣрыхъ глазахъ огонь жизни мерцалъ тускло, какъ не своимъ, а чужимъ, отраженнымъ свѣтомъ. Глаза были какъ стеклянные—изъ мутнаго бѣлесаго стекла...

Гуринъ смотрѣлъ въ окно, но то, что было видно сквозь окно, можетъ-быть, только отражалось въ этихъ потухшихъ глазахъ, какъ отражался въ нихъ переплетъ оконной рамы, и не проникало глубже.

Будто и душа у него тоже застыла, засохла и потухла... И никакой мысли не было въ глазахъ. Маленькій изогнутый крестикъ—это отраженіе вертикальной и горизонтальной перекладины въ оконной рамѣ—блестѣлъ въ нихъ, все равно какъ блестѣлъ бы этотъ крестикъ на поверхности мыльного пузыря.

— Никакъ невозможно, — повторилъ и Семенъ, — сами посудите.

Онъ слегка подался впередъ корпусомъ, все продолжая держать большой палецъ за бортомъ пиджака и барабанить сверхъ борта остальными пальцами. Потомъ пальцы его растопырились, и онъ крѣпко прижалъ ихъ къ груди.

Вытянувъ шею и уставившись на Гурина широко открывшимися глазами, онъ сказалъ:

— Будь я одинъ, а то...

Въ глазахъ его было такое выраженіе, будто онъ просилъ Гурина обернуться къ нему. Такое же выраженіе было и въ его голосѣ.

И сквозь это выраженіе свѣтилось въ глазахъ что-то другое: словно онъ сомнѣвался, слушаетъ ли его Гуринъ и можетъ ли принять къ сердцу и понять то, что онъ ему говоритъ.

— Когда бы одинъ... А то вѣдь возьмите: жена, теща-мамаша, дѣти...

Онъ выпрямился.

— Никакъ нельзя,—сказалъ онъ и крикнулъ, поднеся руку ко рту.

Крякнувъ, онъ сейчасъ же собралъ пальцы въ горсть—будто схватилъ въ горсть этотъ свой кашель.

Гуринъ повелъ глазами въ его сторону слабо, медленно. У него словно не хватило силъ повернуть голову такъ, чтобы глаза остановились прямо на Семенѣ: зрачки глазъ перекатились опять въ обратномъ направленіи, только чуть-чуть скользнувъ по фигурѣ Семена.

Вытянувъ руку по столу, онъ стукнулъ по крышкѣ стола раза два пальцами.

— Гмъ,—сказалъ онъ,—такъ уѣдешь, значить?

Онъ опять поглядѣлъ въ окно.

Брови у него шевельнулись и чуть-чуть сдвинулись.

— Уѣду-съ...

— А когда?..

Семень вздернулъ плечи.

— Говорять еще можно недѣли полторы.

Гуринъ кивнулъ головой.

— Черезъ недѣлю будетъ поздно, — ска-
залъ онъ.

Онъ все смотрѣлъ въ окно.

Его брови сдвинулись еще больше.

Семень вздохнулъ.

— Поздно, — повторилъ Гуринъ и, помед-
ливъ минуту, заговорилъ опять, придвинувъ
къ себѣ свѣчку въ жестяномъ подсвѣчникѣ
и ковыряя ногтемъ указательнаго пальца за-
стывшій на донушкѣ подсвѣчника стеаринъ.
Онъ говорилъ тихо, тянулъ слова и дѣлалъ
короткія паузы, когда стеаринъ плохо подда-
вался ногтю...

Казалось, движеніе его пальца находится
въ непосредственной связи съ тѣмъ, какъ
срываются съ его губъ слова, обращенныя къ
Семену. Когда палецъ, сколупывая стеаринъ
встрѣчалъ сопротивленіе, и слова, казалось,
спотыкались неожиданно, или обрывались со-
всѣмъ... И звучали опять легко и свободно,
если палецъ благополучно преодолевалъ пре-
пятствіе.

— У меня есть къ тебѣ дѣло... Да... Ви-
дишь, ты каменщикъ?

— Каменщикъ...

— А хорошій?

— Какъ сказать...

Семень пожалъ плечами.

— А, напрымѣръ, можешъ вынуть камень изъ стѣны?

— Камень-съ?..

— Да...

— Это какой-съ...

И подумавъ секунду, Семень добавилъ:

— И опять же, какая кладка.

— Какъ какая кладка?

— Кирпичъ?—спросилъ Семень и пояснилъ сейчасъ же:—Кладка бываетъ разная. Извольте видѣть...

— Нѣтъ не кирпичъ, — перебилъ его Гуринъ...

— Не кирпичъ?

— Нѣтъ.

— Дикій камень?

— Дикій.

— На цементѣ?

— На цементѣ...

Теперь Семень зналъ, что ему отвѣчать. Заложивъ руку опять за бортъ пиджака, онъ сказалъ съ увѣренностью:

— Можно-съ.

— Значить, и два камня можно вынуть?

— Можно - съ. Лишь бы одинъ, а тамъ легко.

— Легко?

— Легко... Главное первый.

— А первый трудно?

— Опять же говорю, какая кладка.

— Можно, значить, напрымѣрь, въ стѣну замазать шкапъ?

Глаза у Гурина сузились. Казалось, онъ что-то внимательно разглядываетъ на своемъ подсвѣчникѣ.

— А?

Голосъ у него сталъ немного хриплый. Онъ словно каркнулъ.

— Можно,—отвѣтилъ Семенъ.

— А потомъ заложить опять, и чтобы одинъ камень вынимался, и его опять можно было бы поставить на мѣсто...

Семена будто кто неожиданно толкнулъ въ грудь. Онъ вздрогнулъ.

— А? — опять такъ же глухо и съ хрипотой спросилъ Гуриный, продолжая ковырять пальцемъ стеаринъ на подсвѣчникѣ.

— Можно-съ.

— И не будетъ замѣтно?..

— Потайной, значить?

— Да.

— Можно...

Гуриный вынулъ спички, зажегъ свѣчку и, поднявшись съ кресла, запахнулъ халатъ.

— Пойдемъ за мной,—сказалъ онъ Семену, въ первый разъ взглянувъ ему прямо въ лицо. Онъ сдвинулъ при этомъ брови и въ его глазахъ глубоко сквозь ихъ мутный блескъ сверкнуло что-то острое, точно короткій лучъ. Но сейчасъ же онъ прикрылъ глаза вѣками: онъ словно боялся, что Семенъ пойметъ и разга-

даетъ мысль, вспыхнувшую въ немъ въ эту минуту и блеснувшую въ глазахъ навстрѣчу глазамъ Семена.

Но онъ все равно словно кольнулъ Семену душу этимъ взглядомъ.

Семень пошелъ за Гуринымъ, осторожно ступая на носкахъ по паркетному полу. Ему казалось, что Гуринъ будто не довѣряетъ ему.

II.

Гуринъ рѣшилъ остаться въ городѣ на все время осады. У него на это были свои виды.

Что крѣпость можетъ быть взята, онъ этого не допускалъ. Конечно, много побьютъ народа, но крѣпость останется все равно въ рукахъ храбраго гарнизона.

А ему, Гурину, нечего бояться смерти.

Еще въ началѣ осады онъ устроилъ у себя на дворѣ блиндажъ, согласно всѣмъ требованіямъ военной техники. Домъ можетъ быть разрушенъ, но въ блиндажѣ онъ обезопасенъ совершенно отъ всякихъ бомбъ.

Смерть можетъ летать надъ городомъ, но въ блиндажъ она къ нему не заглянетъ.

Въ блиндажѣ не было оконъ. Входъ былъ устроенъ изъ подвального этажа дома. Въ случаѣ разрушенія дома, если бы обломки и щебень загромождали входъ, изъ блиндажа можно было проникнуть на дворъ и въ садъ по небольшому тоже очень надежному тоннелю.

Семень понадобился Гурину для того, чтобы сдѣлать въ толщѣ подземной стѣны блиндажа шкапъ, гдѣ Гуринъ предполагалъ хранить деньги, вино и консервы.

Про деньги Гуринъ Семену не сказалъ ничего, но про консервы и вино объяснилъ. Онъ попросилъ даже Семена помочь ему уложить въ шкапъ жестянки съ консервами и бутылки съ виномъ.

— А то мнѣ одному не справиться,—сказалъ онъ.

Жестянокъ и бутылокъ было, правда, много. Видно было, что Гуринъ рассчитываетъ на долговременную осаду.

Пока Семень разставлялъ жестянки на полкахъ, Гуринъ ходилъ взадъ и впередъ по блиндажу медленными шагами, опустивъ голову и заложивъ руки за гарусный поясъ своего халата справа и слѣва на бедрахъ.

Въ блиндажѣ былъ полумракъ: свѣчку, чтобы было виднѣе, Семень поставилъ около себя на полу и совсѣмъ заслонилъ ее отъ Гурина.

Ни одинъ звукъ не долеталъ сюда извнѣ.

Только шлепали по каменному полу туфли Гурина; шлепъ, шлепъ — съ равными промежутками.

Вдругъ Гуринъ остановился.

— Семень!

Семень въ то время стоялъ на полу, на колѣняхъ, разбирая консервы, отбирая въ руку одни, отодвигая другіе.

— А?—сказаль онъ, поднимая голову и глядя вверхъ черезъ плечо. Онъ отслонился при этомъ немного въ сторону. Изъ-за груди жестянокъ сверкнуло пламя свѣчи. Расплывчатая тѣнь сзади Гурина, падавшая отъ него на сырую отъ покрывавшаго ее цемента стѣну блиндажа, вырисовалась теперь рѣзко и отчетливо. Стѣна слабо заискрилась, и фигура Гурина тоже опредѣленнѣе выступала изъ мрака...

Онъ стоялъ неподвижно за спиной Семена. Неподвижно чернѣла его тѣнь на сѣрой стѣнѣ... И онъ казался такимъ маленькимъ передъ этой громадной до самаго потолка остановившейся за нимъ тѣнью.

Эта тѣнь словно дожидалась Гурина, чтобы, когда онъ повернется и опять пойдетъ по блиндажу, двинуться за нимъ вдоль стѣны безшумно и тихо.

— Такъ ты, значить, теперь когда идешь?

— Послѣ завтра...

— Послѣ завтра?

— Да.

— А ты не говорилъ никому, что у меня дѣлаешь?

— Кому-же говорить...

— Никому?

Гуринъ качнулся слегка впередъ, дернулъ было руку изъ-за пояса, но сейчасъ же оставилъ руку и совсѣмъ низко нагнулся къ Семену.

— А!—произнесъ онъ у него надъ ухомъ

тихо, почти шопотомъ, двинувъ при этомъ головой въ его сторону. Говоря, онъ широко открылъ ротъ и когда сказалъ, ротъ у него остался открытымъ.

— Никому,—сказалъ Семень... — Для чего говорить.

Ротъ у Гурина сомкнулся. Верхняя губа легла на нижнюю; губы подобрались и потомъ выпятились. Онъ пожевалъ челюстями и выпрямился.

— То-то, смотри!

— Знаю самъ.

Гуринъ опять нагнулся.

— Что знаешь?

— Мало ли какіе есть люди.

Семень, не вставая съ колѣнъ, потянулся за коробкой, раньше имъ отложенной въ сторону, и вздохнулъ:

— Охо-хо...

Гуринъ далъ ему поставить коробку на полку и все тѣмъ же потухшимъ голосомъ, все такъ же раскрывая ротъ, какъ будто хотѣлъ крикнуть, громко спросилъ:

— Какіе люди?

— Жулье.

Семень потянулся за другой коробкой.

Стоя склонившись надъ Семеномъ, Гуринъ закивалъ головой и зашепталъ:

— Да-да-да...

Потомъ болѣе громко спросилъ:

— Такъ никому?

— Сказалъ же вамъ

— Побожись.

— Ей Богу жъ, Иванъ Петровичъ.

— Ну, хорошо... Вѣрю, вѣрю.

Черная тѣнь сзади Гурина колыхнулась.

Гуринъ опять заходилъ по комнатѣ.

Минуту спустя, онъ опять остановился на прежнемъ мѣстѣ.

— Вѣдь я чего боюсь...

Семень повернулъ къ нему лицо.

— Ась?

— Воровъ,—сказалъ Гуринъ.—Обокрадутъ, что же тогда: помирать? Вѣдь я тутъ на все время остаюсь.

— Торговать будете?

Подумавъ немного, Гуринъ произнесъ нѣсколько удивленно:

— Чего?...

— Я говорю, торговать будете?

Гуринъ отрицательно качнулъ головой.

— Нѣтъ.

Семень опять повернулъ къ нему лицо.

— Чего же такъ?

Гуринъ уставился ему прямо въ глаза, вытянувъ шею.

— Нечѣмъ, братъ.

И онъ пожалъ плечами, разставивъ локти.

— Нечѣмъ... А остаюсь... Ты думаешь, почему я остаюсь?

Онъ вздернулъ брови и наморщилъ лобъ.

Все также пристально глядѣлъ онъ въ глаза Семену.

— Почему?—сказалъ Семень.

Онъ видѣлъ, что Гуринъ ждетъ отъ него именно этого вопроса. Онъ словно просилъ у него взглядомъ этого вопроса.

Гуринъ вынулъ руку изъ-за пояса и сдѣлалъ рукою неопредѣленный жестъ.

— Нѣтъ, братъ, ничего.

Немного онъ заикался. Глаза у него искрились. И вдругъ Семенъ замѣтилъ маленькую-маленькую слезинку въ уголокъ одного глаза. Слеза у него выступила, какъ иногда выступаютъ слезы на морозѣ. Это Семенъ понялъ сразу. Во всякомъ случаѣ Гуринъ не плакалъ. Онъ даже осклабился, растянувъ губы въ какую-то странную трепетную улыбку.

— Все, братъ, распустилъ... Говорять, у меня денегъ много. Какія деньги! Одному сто, другому триста. Всѣ просятъ... Теперь вотъ для того и остаюсь: собрать надо... Да...

Онъ умолкъ опять на секунду, словно соображая что-то. Потомъ заговорилъ:

— И какъ получу, такъ сейчасъ и въ банкъ, такъ и въ банкъ—отъ соблазна.

III.

Гуринъ только что убилъ Семена.

Онъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера въ то время, какъ Семенъ собирался стрѣлять въ него.

Но Семенъ умѣлъ плохо владѣть оружіемъ... Онъ такъ долго тянулъ за спускъ сво-

его дрянного дешеваго бульдога, что Гуринъ успѣлъ пустить въ него одну за другой двѣ нули.

Одна пуля попала прямо въ руку, другая подѣ сердце.

Семень не уѣхалъ изъ города, какъ говорилъ...

На четвертый мѣсяцъ осады Гуринъ засталъ его у себя въ блиндажѣ. Потайной шкапъ былъ открытъ, на полу валялись жестянки съ консервами...

Когда Гуринъ кинулся съ револьверомъ на Семена, Семень тоже выхватилъ револьверъ...

Тогда Гуринъ убилъ его.

Но прежде, чѣмъ выстрѣлить, онъ крикнулъ:

— Злодѣй! Воръ! Что ты дѣлаешь?..

— Самъ злодѣй! — закричалъ Семень.

Гуринъ никогда не слыхалъ у него такого голоса. Онъ кричалъ, какъ изстуженный. Онъ еще хотѣлъ что-то крикнуть и не могъ, только закусилъ губу. Потомъ онъ засопѣлъ часто и быстро, широко раздувая ноздри.

— Злодѣй! — повторилъ онъ и заскрипѣлъ зубами.

Онъ прямо въ упоръ смотрѣлъ на Гурина и вдругъ щелкнулъ зубами, какъ волкъ, и опять раздулъ ноздри...

Гурину казалось, что онъ хочетъ кинуться на него и перегрызть ему горло. Дикой злобой горѣли его глаза. Дышалъ онъ тяжело

и весь вздрагивалъ, точно буря, бушевавшая у него въ груди и высоко поднимавшая грудь, сотрясала его всего... И у него не хватило силъ совладать съ нею.

Опять онъ попытался говорить и словно поперхнулся словомъ, словно у него вдругъ захватило духъ.

Губы растянулись, обнаживъ бѣлые зубы... Опять скрипнули зубы.

— Злодѣй, самъ злодѣй!..

Казалось, самое это слово „злодѣй“, съ которымъ онъ обратился къ Гурину, было для него ненавистно, и онъ хотѣлъ растереть его зубами.

— Консервы,—заговорилъ онъ, наконецъ,—вино... На цѣлый полкъ хватить. Тамъ люди мрутъ... ранены... Всѣ изъ послѣдняго...

Семень выхватилъ револьверъ.

Гуринъ нажалъ на спускъ... разъ, другой.

Онъ почти не слышалъ выстрѣловъ... Выстрѣлы, казалось, хлопнули гдѣ-то внутри него неясно и глухо.

Передъ глазами у него былъ никелированный стволъ Семенова револьвера, и сейчасъ онъ видѣлъ только этотъ стволъ. Онъ словно оглохъ въ эти минуты.

Семень упалъ.

Онъ подошелъ къ нему и нагнулся...

Семень хрипѣлъ и что-то бормоталъ между храпѣньемъ.

Потомъ онъ пересталъ бормотать и хрипѣть...

Онъ умеръ.

Съ величайшимъ усилениемъ Гуринъ вытащилъ его тѣло изъ блиндажа въ подвалъ, вернулся опять въ блиндажъ и заперъ дверь на ключъ.

Теперь онъ былъ одинъ въ блиндажѣ.

Онъ взобрался на кровать съ ногами и сѣлъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ.

Онъ не помнилъ, сколько времени онъ просидѣлъ тамъ.

Онъ помнилъ только, какъ что-то зашевелилось вдругъ у него въ душѣ... Будто проснулось что-то и медленно приподняло вѣки.

И онъ самъ вздрогнулъ и широко открылъ глаза...

Необыкновенно ясно, будто Семенъ не умеръ, а былъ тутъ гдѣ-то, онъ слышалъ его хрипѣнье и то, что бормоталъ онъ среди хрипѣнья, лежа въ лужѣ крови.

— Развѣ я для себя... Я не за деньгами... Въ госпиталѣ нужно вина...

А, такъ онъ, вонъ какой Семенъ!..

Онъ чувствовалъ, какъ подъ кожу у него забрался холодъ и какъ стучать зубы...

Вонъ онъ какой!.. А развѣ его узнаешь.

Онъ сидѣлъ, опустивъ голову, и боялся поднять ее. Онъ чувствовалъ, что Семенъ здѣсь, и онъ сейчасъ же увидитъ его, какъ только подниметъ голову.

Но онъ сознавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не можетъ не поднять головы.

Семенъ здѣсь, и все равно, сколько бы онъ

ни противился, заставить его взглянуть на себя...

И вдругъ онъ закрылъ глаза ладонями, вскочилъ съ кровати, согнулся, будто его хотѣли ударить, отнялъ потомъ отъ глазъ одну руку и, вытянувъ ее впередъ, побѣждалъ, путаясь въ халатѣ, черезъ блиндажъ къ выходу въ тоннелѣ.

Будто самъ собой, помимо его воли, вырвался у него изъ груди громкій, во всю силу легкихъ крикъ:

— А-а-а!

Казалось, вся душа его, потрясенная ужасомъ, рвалась съ этимъ крикомъ...

Онъ выбѣжалъ на улицу.

На улицѣ былъ адъ.

Рвались бомбы, сверкая ослѣпительно яркимъ огнемъ. Несли раненыхъ. Среди грохота рвущихся снарядовъ слышались стоны.

Вонъ они тѣ, за кого умеръ Семенъ...

Онъ его убилъ, Семена... Когда люди, за спиной которыхъ онъ спасался въ своемъ блиндажѣ, умирали отъ недостатка въ питьѣ и пищѣ, онъ наслаждался виномъ и консервами...

На мгновенье онъ сталъ себѣ гадокомъ. Словно человѣческую кровь пилъ онъ у себя въ блиндажѣ.

И тутъ ему вспомнилось какое-то бранное слово, крикнутое ему когда-то однимъ изъ его должниковъ.

Онъ остановился...

Будто кто-то назваѣ его по имени... Но онъ еще не могъ опредѣленно воскресить въ памяти тотъ моментъ и то слово.

И вдругъ онъ вспомнилъ.

Вотъ оно: „людоѣдъ“.

Огромная бомба хлопнулася на противоположной сторонѣ площади, вырывъ глубокую, сажени въ двѣ, яму на мѣстѣ разрыва.

Онъ подбѣжалъ къ краю этой ямы и сталъ неподвижно. Теперь ему хотѣлось смерти... Ему казалось почему-то, что и второй разъ сюда можетъ попасть снарядъ.

Поднявъ голову и крѣпко захвативъ въ пальцы воротникъ халата, онъ прошепталъ съ мукой:

— Господи! возьми меня...

Въ землянкѣ.

(Изъ рассказовъ фейерверкера Сорокина).

I.

— Была у насъ одна старуха; этакая, какъ сказать—въ родѣ монашки. Высокая—во! Какъ жердь. Всѣ монашки — низенькія, а она высокая.

Да... Рулемъ звали, потому что, опять говорю, какъ была она высокая, то и носъ ей отъ рожденья былъ даденъ какъ надо быть... Тоже очень большой былъ носъ.

Потому и Рулемъ звали.

И худищая — страсть... Вся высохла. Шея это длинная-длинная. Голова трясется.

Въ черномъ платьѣ ходила и въ платкѣ съ бахромой. Тоже и платокъ черный — подъ цвѣтъ.

И вотъ я что скажу: баба вѣдь она, если такъ разобрать, обыкновенная баба; только что старая... А одѣнетъ платокъ и сейчасъ мое почтенье...

Вотъ тебѣ и баба...

Платокъ это, какъ мантия—до пятокъ; подъ горломъ булавочкой заколотъ и на груди бу-

лавочкой, а видать—не видать, что булавочкой. Какъ мантия... Да...

Сложить ручки и стоять.

Смотришь, смотришь на нее... Господи Боже... Ну вѣдь, ей Богу же пахнетъ отъ нея ладономъ или кипарисомъ или еще чѣмъ...

Ей Богу!

Лицо желтое, руки желтыя... Платокъ этакъ надъ глазами шалашикомъ... И глаза какъ изъ погреба смотрять.

Темные глаза у ней были само собой, а тутъ еще отъ платка темно...

Какъ не живая... Либо еще что хуже.

Стоить и молчить.

И разъ, помню, стояла-стояла она такъ-то...

И вдругъ—бацъ!..

— Нынѣшней ночью,—говорить,—сподобилась я, матушка Палагея Петровна (это дьяконица наша—Палагея Петровна)... Да... сподобилась,—говорить,—я быть на томъ свѣтѣ...

И сейчасъ открыла ротъ...

Зубы это рѣдкіе черные, ротъ, какъ яма...

— Господи Иисусе Христе...

Перекрестила ротъ.

— Сподобилась,—говорить опять.

Конечно, молодъ я тогда былъ, глупъ... Полчеловѣкъ, однимъ словомъ; у дьякона въ работникахъ служилъ... Два рубля получалъ...

Знаете, жуть взяла...

Погляжу погляжу... Ахъ ты, Господи... Думаю:

— Всѣ люди, какъ люди... А у ней все
ВЪ ЦОРТЪ-АРТУРЪ.

равно какъ все провалилось: и глаза и ротъ...
Все одно, какъ и сама провалилась.

Платье это, платокъ—все черное. Да...

— Сподобилась,—говорить...

Глядь я на дьяконицу.

Чай она пила... Въ-прикуску, конечно. Такъ
у ней сахаръ въ зубахъ и остался...

Вынула сахаръ, положила на столъ.

— М-м-м—говорить.—Какъ же это?

Тутъ она и пошла и пошла...

Батюшки мои! Говорила, говорила... Ахъ
ты, чтобъ тебя! Доведись теперь, ни въ жизнь
бы не повѣрилъ.

Врала, конечно... Я думаю такъ, приснилось
ей и больше ничего. Мало ли что можетъ
присниться! Я къ тому собственно и говорю.

Вѣдь, знаете, была она у меня вчера... Эта
самая, ей Богу!.. Какъ же... А померла... Еще
вонъ когда... Еще я только отъ дьякона ото-
шелъ...

Лежу это я вотъ хоть какъ сейчасъ, ска-
жемъ... Да... Вдругъ, мое почтенье! Потянуло-
потянуло ладонью, кипарисомъ, сосновой дос-
кой, и вотъ тебѣ и разъ... Хлопъ—она... Да...
Чернѣетъ что-то въ углу.

Думаю:

— Кто!.. Солдатъ въ шинели?..

Гляжу... Вотъ тебѣ и солдатъ!

— Шарокинъ, Шарокинъ!..

Шамкаетъ...

— А?—говорю.

И ужъ гляжу, нѣтъ тебѣ ни землянки, нѣтъ

тебѣ ничего... Сразу, значить. Такъ и выкинуло. Только внизу что-то: ш-ш-ш-ш—какъ ракета... А я все выше-выше. Глядь туда, глядь сюда—и ей нѣту. Ничего нѣту.

Чувствую только, что меня подпираетъ что-то снизу. И этакъ какъ-будто немножко тепло... Все равно, какъ теплымъ духомъ наддаетъ.

Тихо, конечно.

Явственно слышно: ш-ш-ш... Шипить.

— А ну какъ,—думаю,—пошипить-пошипить, да не хуже давишняго, когда ракету пустили... Да зарядъ-то въ ней фунта четыре!..

А наддаетъ — здорово наддаетъ. Шинель такъ и отшибаетъ въ сторону.

Хорошо, значить, лечу...

И вдругъ вижу этакъ въ родѣ окошечка... Вверху значить... Да... Отворилось. И что же, вы думаете, сейчасъ бацъ, — сѣлъ у окошка Семень Федоровъ; сѣлъ и трубку курить.

Облокотился этакъ на подоконникъ.

— Федоровъ!—кричу.

А онъ себѣ, хоть бы что... Пыхъ да пыхъ... Какъ пыхнетъ, такъ его сейчасъ и затянетъ дымомъ. Только и видно—чуть-чуть трубка свѣтится...

Потомъ гляжу пересталъ курить, выбилъ трубку о подоконникъ.

— Ну?—говорить.

Облокотился о подоконникъ обѣими руками, внизъ смотритъ. Совсѣмъ высунулся.

— А,—говорить,—это ты, Сорокинъ?..

И сейчасъ мнѣ—руку.

— Хватайся...

Схватилъ я его за руку... Такъ и повисъ.
Думаю:

— Не приведи Богъ оборвусь...

Одначе ничего, втащилъ онъ меня... Прямо,
значить, въ окно. Гляжу, Господи Іисусе Хри-
сте... Гдѣ я?..

Этакъ хатки стоятъ бѣленькія-бѣленькія...
Да... фаянсовыя... И около хатокъ на поро-
жкахъ старички въ бѣлыхъ халатахъ...

Лужокъ, это значить, цвѣточки по лужку;
ручей течеть.

Я сейчасъ:

— Федоровъ!

— Тише, — говоритъ, — у насъ не пола-
гается...

Я, конечно, попотомъ:

— Гдѣ я?..

А онъ опять:

— Тише...

Ну и, какъ вы знаете, какой онъ былъ
сквернословъ,—выругался.

Потомъ говоритъ:

— И безъ тебя сію минуту много шуму.

И сейчасъ пригнулъ пальцемъ ухо сзади...

— Погоди,—говорить.

Прислушался... Да... Внизъ смотрить.

— Такъ и есть,—говорить, опять трое бре-
дятъ.

— Какіе,—говорю,—трое? Гдѣ бредятъ?

— А тамъ,—говорить.

И пальцемъ сейчасъ тыкъ внизъ. Глянулъ потомъ на меня, нахмурился.

— Знаешь ты гдѣ?

— Гдѣ?

— Во снѣ...

— Какъ,—говорю,—во снѣ?

— А очень просто... Во снѣ. Заснулъ, значитъ...

Вреть,—думаю...

— Ну говорю, а Руль?..

— И Руль,—говорить,—во снѣ.

— А то, что шипѣло?

— И шипѣло во снѣ.

Вытаращилъ я глаза.

Гляжу на него, молчу. То-есть, понимаете, все равно какъ обухомъ. Все равно, какъ отбилъ онъ мнѣ все въ головѣ.

Одначе думаю:

— Во снѣ, такъ во снѣ! Мнѣ что? Мнѣ все одно.

Подумалъ, подумалъ... Ежели, думаю, во снѣ, такъ мнѣ и времени совсѣмъ осталось почти что ничего.

— Можешь ты мнѣ,—спрашиваю,—нашихъ показать,—какіе побиты? Хоть, говорю, съ нашей батарей?

— Отчего,—говорить,—не показать.

— Можешь?

— Да тебѣ кого?

Сказалъ я, кого. А самъ гляжу, гляжу кругомъ. Думаю: рай?.. Такъ нѣтъ, какой это рай, когда я во снѣ? И гляжу—хаты дѣйстви-

тельно фаянсовыя... Что, думаю, такое? И опять же, что за старички? Можетъ, богадѣльня?..

II.

Хорошо; значить, пошли мы.

Идемъ, это, по ручью, бережкомъ... Цвѣты кругомъ желтые, синіе, красные — всякіе... Огромнѣйшіе цвѣты! Во—съ подсолнухъ. Я сначала и подумалъ. Думаю:

— Можетъ, это старички сажали.

Да...

Спрашиваю:

— Федоровъ, что это, подсолнухи?

— Дуракъ,—говорить,—какіе тутъ подсолнухи!

Взялъ сейчасъ, сорвалъ одинъ цвѣтъ.

— На!

Понюхалъ я... Ахъ ты, Господи! Однимъ словомъ, благоуханіе.

— Можно,—спрашиваю,—взять съ собой?

— Можно,—говорить,—у насъ это не возбраняется. Только,—говорить,—чтобъ не тонать.

Дальше идемъ... Гляжу—рай-древо, кустовъ должно пять или больше—бѣлая и голубая; въ цвѣту... На листьяхъ шпанскія мухи ползаютъ.

Только, на примѣръ, скажемъ... Это, конечно, такъ и должно быть: шпанскія мухи—онѣ всегда на рай-древѣ. Только гляжу, одна

муха задѣла другую и сейчасъ: дзынь... Потомъ опять задѣла и опять—дзынь...

Все равно, какъ рюмки...

Золотыя!...

То-есть, конечно, въ середкѣ у нихъ требуха, а сверху—золотыя.

И, знаете, не пахнетъ... То-есть, ничуть ничего. Напримѣръ, взять нашу муху... Вонь, смрадъ... А тѣ—ничего. Ни капельки.

Только звенятъ...

Я сейчасъ къ Федорову:

— Занимаетесь этимъ?

— Насчетъ мухъ?

— Да,—говорю,—насчетъ мухъ. Въ аптеку,—говорю,—можно.

— Аптекарей-то,—говорить,—у насъ нѣту.

Только гляжу: бацъ—райская птица... Съ индюка. Да... Тоже огромная...

Хвостъ, это, перья—такъ и горятъ.

Прямо къ кустамъ. Подошла и сейчасъ—долбъ... Значить, испанскую муху. Потомъ другую—долбъ, потомъ третью.

Потомъ, подняла крылья, вытянула шею...

— Кукареку-у!...

То-есть не кукареку, а еще какъ-то... Да... совсѣмъ тебѣ пѣтухъ.

Пропѣла и крыльями по бокамъ — хлопъ-хлопъ...

Федоровъ говоритъ:

— Райка, райка...

Подозвалъ ее... Протянулъ, это, руку, будто что сыплеть. Да... Подошла она.

Онъ ее сейчасъ по головѣ... Погладилъ.

Ну, ничего, пошли дальше.

И-д-емъ это, значить... Смотрю—Акимовъ.

И откуда выскочилъ,—Богъ его знаетъ...

Только вижу онъ. Шинель это въ накидку, рубаха распоясана. На ногахъ туфли. Безъ шапки.

Стоить, смѣется.

— Эй,—говорить,—Сорокинъ!

Выпучилъ я на него глаза.

— Какъ,—говорю,—сюда попалъ?

Потому что на моихъ же глазахъ его разорвало... Гдѣ рука, гдѣ нога, а голова прямо черезъ брустверь.

Да...

Гляжу на него, думаю:

— Премудрость... Вѣдь собрать—одно чего стоило; опять же говорю: нога вонъ куда, рука вонъ куда, а голова—за орудія.

И вдругъ—весь... И вдругъ—цѣль, и вдругъ идетъ.

— Акимовъ!—говорю...

И гляжу-гляжу на него... Голова то его... А ноги—развѣ разберешь! Ну—главное голова цѣла—значить, слава Богу.

Поцѣловались.

— Какъ живешь?...

— И ахъ, какъ,—говорить,—хорошо.

И вдругъ баць—столь. Баць—графинъ,—рюмки, да... закуска. Все.—Садись,—говорить. Сѣли.

Налилъ онъ водочки, закусочки нарѣзалъ.
— Со свиданьемъ...

Я это погляжу, погляжу... Хатки это въ
сторонкѣ фаянсовыя, старички сидятъ...

— А полагается!—говорю.

Взялъ это рюмку, а самъ—на старичковъ.
Да...

Потомъ это нагнулся поближе къ столу...
— Господи Іисусе Христе...

Взялъ и выпилъ. Утерся скатертью. А самъ
опять на старичковъ. Одначе ничего. Хоть бы
что. Только одинъ крякнулъ. Крякнулъ и
сейчасъ усы разгладилъ и бороду вытеръ.

— Ну,—говорю,—такъ какъ? Ничего!

А онъ опять:

— И ахъ, какъ хорошо.

Выпили еще по одной...

— Хочу—говорить,—хлопотать, чтобъ жену
да ребятишекъ сюда выписать... А то мнѣ-то
хорошо, а имъ-то...

Закрутилъ головой.

Чуть было не ляпнулъ:

— Да вѣдь ты, другъ мой милый, померъ.
Вѣдь разорвало тебя... Небось—скажи женѣ—
и руками и ногами.

Да, думаю:

— Господь съ нимъ. Можетъ и не пом-
нить, что его разорвало.

Да...

— Хочу, — говорю,—хлопотать насчетъ
жены.

— Что жъ, — говорю, — хлопочи... Хлопочи братъ...

Ну выпили еще по одной. Поднялся онъ...

— Въ канцелярію, — говоритъ, — пойду.

— Насчетъ жены?

— Да, насчетъ жены.

Простились...

Пошли дальше. Идемъ: Петровъ — деньщикъ... Всунулъ руку въ сапогъ, въ другой рукъ щетка. Другой сапогъ около стоитъ, совсѣмъ чистый.

И вижу — офицерскіе сапоги.

— Петровъ! — говорю.

Поднялъ онъ голову. Поглядѣлъ, потомъ говоритъ:

— Погоди.

Плюнулъ на щетку. Разъ, разъ. Пошла работа! Вымазалъ сапогъ, поставилъ на солнышко, чтобъ обсохъ. Ко мнѣ:

— Здравствуй, — говоритъ.

И я тоже:

— Здравствуй.

Конечно, за ручку.

— Ты, — спрашиваю, — при комъ теперь?

— Да все при нихъ, — говоритъ, — при господинѣ Алферовѣ.

Я сейчасъ дергъ себя...

Дескать: стой!...

Потому что знаю — Алферова-то вонъ еще когда убило.

— Да вѣдь, погоди, — думаю, — вѣдь и его убили, Петрова.

Ничего ему не сказалъ.

— Ну, какъ?—спрашиваю—лучше тутъ?

— Хорошо, — говорить...—Харчи хорошіе, обхожденіе хорошее.

— А ихъ благородіе?

— А вонъ они,—говорить.

Гляжу—окно. И сидитъ въ окнѣ Алферовъ, календарь читаетъ. Потомъ, какъ швырнетъ календарь.

— Ни газетъ тебѣ, — говоритъ, — ничего. Хотя самъ выдумывай, что на свѣтѣ дѣлается... Ну ни дать ни взять, какъ на батарее.

Снялъ я шапку.

— Здравія желаю, ваше благородіе!

— А, — говоритъ, — Сорокинъ! Здорово, братъ. Погляди-ка, готовы сапоги?

А Петровъ ужъ вотъ онъ.

— Пожалуйте.

Подалъ ему сапоги прямо въ окно. Чудно у нихъ! Ну развѣ можно въ окно!

И гляжу,—окно, какъ окно, а стѣнъ нѣтъ. Чудно!

Одѣлъ, значитъ, сапоги Алферовъ. Слышно сквозь окно, какъ они скрипятъ. Значитъ, тамъ у него полъ. Одѣлъ и ужъ баць—вотъ онъ выходитъ..

Кителекъ это бѣленькій, чистенькій; въ рукѣ палочка.

И пошелъ себѣ лужечкомъ. Идетъ, палочкой помахиваетъ, пасвистываетъ... Головой это кочь-кочь...

И видно, что совсѣмъ ему хорошо, только газетъ нѣту.

Да...

Солнышко это свѣтитъ, шпанки звенятъ... Райскія птицы тутъ, рай-древо... Помирать не надо...

Гляжу и думаю:

— Чего робѣть...

Сейчасъ къ Федорову:

— Можно, — говорю, — выкупаться?

— Валяй, — говоритъ.

III.

Ну, послѣ купанья пошли мы дальше.

Идемъ это, слышимъ вдругъ — шумъ.

Что такое?

Ну, какъ вамъ сказать, все равно вотъ, какъ мышъ въ подпольѣ... Да... Царапъ-царапъ.

Только много громче. Въ родѣ какъ подъ поломъ у нихъ мостовая, и тамъ весна началась, и дворники съ тротуаровъ ледъ это скребками гребутъ-гребутъ.

Остановились.

Я говорю:

— Что?

И только сказалъ, гляжу подъ ногами тутъ такая доска не доска, плита не плита... Да... Кольцо ввинчено.

Федоровъ сейчасъ за кольцо.

— Гляди, — говоритъ.

Глянулъ я. Смотрю, внизу это земля, вверху облака... И схватился, значить, одной рукой за облако нашъ же солдатикъ... Царапается, а взлѣзть не можетъ.

Другое облако у него подъ ногами, со-всѣмъ маленькое, такъ и качается...

И какъ это онъ, значить, подтянется, подтянется на рукахъ къ верхнему облаку, а его туда сюда... раскачивается... А сапоги по нижнему-то облаку др-р-р... др-р-р...

Съ гвоздями сапоги—такъ и деруть.

Увидѣлъ насъ.

— Братцы!

Федоровъ кричить:

— Канать!

Я тоже:

— Канать!

Да, тоже, какъ и онъ... Значить, маленько попривыкъ и осмѣлѣлъ.

И опять же вижу, человѣкъ оборваться можетъ.

И слышу вдругъ:

— Лови!

Шастъ—канать... Хорошій канать, я ужъ сразу вижу корабельный.

— Кидай!—кричитъ Федоровъ,—трафъ на нижнее!

Бросилъ я канать... И такъ, знаете, ловко угодилъ—прямо на нижнее облако, прямо, значить, ему подъ ноги.

Нагнулся онъ, подхватилъ.

Ну, верхнее облако сейчасъ и поплыло

дальше... Дескать, чего мнѣ тутъ дѣлать, сами теперь обойдутся.

Солдатъ это, значить, давай себя канатомъ обматывать, давай обматывать.

Обмоталъ.

— Тащи!

Потянули мы...

И только подтянули такъ на вершокъ— глядь, и нижнее облако закружилось, закружилось на одномъ мѣстѣ и поплыло себѣ за верхнимъ.

До свиданья!

Ну, вытащили мы солдата, смотримъ: лицо въ крови, ноги въ крови... Одна нога перевязана бинтомъ, другую, должно, не успѣли... Такъ вся, какъ буракъ...

Вытащили, значить...

А я какъ ужъ совсѣмъ тутъ обрусѣлъ, сейчасъ недолго думавши:

— Доктора! Санитаровъ! Посылки!—кричу. Да...

И вдругъ, мое почтеніе—докторъ. Вотъ онъ. Подошелъ.

— Снять,—говорить,—бинтъ!

А солдатъ:

— Ваше благородіе, какъ можно бинтъ снять, она у меня на одной ниточкѣ.

Онъ опять:

— Снять!

А солдатъ:

— Перевяжите, ваше благородіе, лучше сначала другую.

— Никакихъ, — кричитъ, — перевязокъ!

Ахъ, ты Господи! Что вы съ нимъ подѣлаете?

И что же вы думаете, вѣдь, сняли.

И только что, слава тебѣ Господи, сняли, какъ ни въ чемъ не бывало.

Даже не хромаешь... Даже кровь пропала. Во!

Глядь, откуда ни возмись — офицеръ этотъ въ кителѣ.

Остановился. Поглядѣлъ, поглядѣлъ...

— Да, — говоритъ, — молодцы наши доктора...

И пошелъ себѣ дальше.

Я сейчасъ къ Федорову:

— Что такое? Какъ такъ?..

— Духъ, — говоритъ, — тутъ такой лекарственный... Въ родѣ, значить, какъ въ Крыму. Чуете?

— Какъ въ Крыму? — спрашиваю.

— Да, какъ въ Крыму...

Чудеса! Прямо чудеса!..

— И ничего, — говоритъ, — не берутъ! Ничего... У насъ, — говоритъ, — духъ вольный... Кто хочетъ, — говорю, — сейчасъ разинь ротъ и глотай...

Ловко?.. То-то и дѣло. Такъ ужъ заведено. Потому если и такъ разсудить, на примѣръ: чай или, скажемъ, деготь...

Пришелъ въ лавку.

— Ну-ка, молодчикъ, свѣсь тамъ фунтъ или два...

А какъ ты духъ свѣсишь?

И опять же его ни въ пузырекъ, никуда. На то онъ и духъ.

Дальше пошли.

Вижу опять окно. И сидятъ подъ окномъ двое солдатиковъ. Высунулись въ окно, внизъ смотрятъ. Только спины и видно да затылки.

Одинъ ноги задралъ.

Остановились мы.

Я спрашиваю:

— Что дѣлаютъ?

— Слушай!—говоритъ Федоровъ.

И вдругъ слышу: ш-ш-ш... Потомъ шлепъ! Потомъ, опять немного погода: шлепъ...

Слышу, что внизу шлепаетъ и шипитъ внизу.

Все равно, какъ плюютъ на что... Только плюютъ-то—плюютъ, а зачѣмъ оно шипитъ?..

— Плюютъ?—спрашиваю.

— Плюютъ...

Гмъ... Удивительная вещь!

— А для чего плюютъ?

— Играютъ,—говорятъ.—Карть тутъ нѣту, такъ они—въ плевки. Да пойдемъ, — говоритъ, — поглядимъ.

Подожли.

Гляжу (въ окошко то все видно), внизу это, значить, можетъ, саженой на пятьдесятъ японская батарея. Скорострѣльная. Да, жарятъ такъ, что страсть... Бумъ-бумъ... Выстрѣлъ за выстрѣломъ. Страсть.

Палецъ къ орудію приложить нельзя... До того, значить...

А они это... Сейчасъ одинъ:

— Твоя очередь, валяй!...

А другой свѣсится съ подоконника, возьметъ и плюнетъ...

И такъ трафить, чтобы на орудіе...

И значить, ежели попалъ, сейчасъ и шлепнетъ... А потомъ зашипить.

Ш-ш-ш... Потомъ: шлепъ...

— А ну-ка,—говорю,—братцы, дайте мнѣ.

И только, что было приготовились (конечно, подвинулись, дали мнѣ мѣсто, а одинъ даже говорить: „весьма пріятно“), только приготовился, гляжу—нашъ батарейный... Только не на японской, а на нашей сторонѣ.

Кричить:

— По мѣстамъ!

Все равно, какъ онъ сдернулъ меня сверху.

Такъ и полетѣлъ внизъ кубаремъ... И ужъ, гляжу, я въ землянкѣ и ужъ поясъ застегиваю.

И вотъ сейчасъ, хотъ убей меня—ей Богу не знаю, сонъ ли это, или другое что...

Сорокинъ кончилъ свой рассказъ.

— Расскажи, — слышятся голоса, — Сорокинъ, Расскажи еще!!!

Сорокинъ молчитъ. Онъ уже усталъ рассказывать.

— Истинно, рай,—замѣчаетъ кто-то и вздыхаетъ:—Эхъ-ма-хма...

Будто ему никогда, никогда не побывать въ этомъ раю... даже и во снѣ.

Лазутчикъ.

I.

Смирновъ осторожно приподнялся на локтѣ, просунулъ голову между двумя камнями, лежавшими близко одинъ подлѣ другого, и посмотрѣлъ впередъ.

Эти камни издали, когда онъ подползалъ къ нимъ, показались ему въ темнотѣ сначала однимъ камнемъ. Затѣмъ онъ разглядѣлъ посрединѣ камня трещину, и, наконецъ, уже когда былъ совсѣмъ близко, камень словно раскололся и разлѣхался на двѣ стороны.

Открывалось отверстіе, длинное и узкое...

Впереди была тьма...

На совсѣмъ почти черномъ небѣ на горизонтѣ мигала одинокая звѣзда.

Откуда-то пахло свѣжей землей, откуда-то тянуло гарью.

Смутно вдали обозначалась ни то скала, ни то башня, ни то дерево... И трудно было сказать, далеко ли до той башни или скалы, или дерева...

Смирновъ проползъ мимо камня, и сейчасъ же передъ нимъ изъ темноты выплыло опять

что-то мутное, бѣлое, какъ тогда, когда онъ еще неясно различилъ въ первый разъ тѣ два оставшихся теперь позади камня.

Еще камень...

Онъ глянулъ въ сторону. Тамъ тоже маячило неопредѣленно, какъ въ темномъ погребѣ, что-то бѣлесое.

Всю дорогу ему попадались камни.

Казалось, кто-то и когда-то давно, давно, такъ что тяжелыя песчаныя глыбы успѣли врасти наполовину въ землю, закидалъ сверху всю страну камнями.

А тутъ камней было особенно много.

Будто тутъ именно они грохнулись сразу кучей и потомъ уже раскатились во всѣ стороны, по всей странѣ.

Кругомъ попрежнему было и темно и тихо-тихо...

Чувствовалась сырость. Чувствовалось, какъ садилась роса.

Камни осклизли. Мундиръ на Смирновѣ тоже отволгъ, и къ нему непріятно было прикоснуться: пальцы липли, будто это не роса осѣла на рукахъ и на мундирѣ, а выступило что-то изъ сукна и изъ пальцевъ...

Все дальше пробирается Смирновъ между камнями.

Въ тишинѣ прогудѣлъ жукъ и сейчасъ же оборвалъ свое гудѣнье, какъ только пролетѣлъ мимо, словно провалился въ темноту позади Смирнова.

Смирновъ остановился, поднялъ голову...

О, чтобъ тебя!

И двинулся дальше. Но черезъ секунду остановился опять.

За голенищемъ у него былъ кинжалъ. Онъ дрыгнулъ ногой разъ, потомъ еще разъ... Кажалось, за голенищемъ нѣтъ ничего. Раньше кинжалъ его беспокоилъ. Теперь кинжалъ совсѣмъ не ощущался.

Будто одна портянка обмотана вокругъ ноги...

Онъ подтянулъ ногу, пощупалъ.

„Нѣтъ, цѣль кинжалъ“.

Онъ опять поползъ...

Еще камень, еще... Направо невысокая скала...

При каждомъ движеніи теперь онъ чувствуетъ за голенищемъ твердый предметъ... Кинжалъ опять беспокоитъ ногу, раздражаетъ кожу сквозь портянку...

Будто къ самимъ нервамъ прикасается... Нервный зудъ бѣжитъ дальше по всему тѣлу, по спинѣ, въ поясицѣ... Будто какая-то не-пріятная изморозь проступаетъ сквозь кровь...

Глубокая рытвина.

Смирновъ не замѣтилъ, какъ подползъ къ ней.

Только у самага края онъ разсмотрѣлъ ее. Дна не видно, ни противоположнаго берега рытвины. Земля словно тутъ провалилась. Рытвина полна мрака.

Онъ ползетъ берегомъ рытвины влѣво.

Подъ руками и колѣнями чувствуется песокъ, мелкіе острые камешки.

Онъ оползъ рытвину кругомъ, взялъ опять прямое направленіе.

Впереди все та же тьма...

Башня или скала вдали пропала... Только звѣзда мигаетъ.

Все время онъ ползъ прямо на эту скалу или башню.

И онъ даже дышать пересталъ и вытянулъ шею и, не мигая, вперилъ взглядъ впередъ...

Гдѣ эта скала?

Тускло блеснула ему въ глаза звѣзда.

Но онъ не сразу сообразилъ, что это значитъ, что онъ не сбился съ пути, когда звѣзда все тамъ же, гдѣ была раньше.

Потомъ въ немъ мелькнула мысль.

Стало-быть, онъ не заблудился...

Стало-быть, скала—такъ и есть скала... Онъ только сейчасъ проползъ мимо нея, передъ этой рытвиной

Скала осталась позади.

Далеко ли? Близко ли?

Скала казалась совсѣмъ далеко, тамъ же, гдѣ звѣзда, на самомъ горизонтѣ.

Онъ оглянулся назадъ...

Вонъ она...

И опять не разберешь, дерево ли это, башня ли, скала ли! Опять она такъ же далеко, на самомъ, кажется, горизонтѣ, какъ была раньше.

А можетъ-быть это не та скала, которую онъ миновалъ только что? Можетъ, это другая

скала или какое-нибудь дерево, котораго онъ раньше не замѣтилъ?..

Тихо кругомъ.

И въ немъ все затихло.

Мракъ повсюду... И не знаешь, что при-
таилось въ этомъ мракѣ и что сейчасъ бу-
детъ...

Далеко-далеко мигаетъ звѣзда.

Онъ оглядывается кругомъ.

Темный высокій предметъ маячитъ вдали—
это скала или башня, или Богъ ее знаетъ
что...

Жутко и смутно на душѣ... Словно мракъ,
объявившій все вокругъ, захлестнулъ душу...

Раньше онъ прямо ползъ на эту скалу...
А теперь скала, если это только скала, вонъ
она—назади, спряталась въ темнотѣ... А если
и звѣзда эта другая, на другой сторонѣ? Или
одна звѣзда закатилась, а другая взошла?

Онъ останавливаетъ глаза на звѣздѣ.

Та ли?.. Развѣ узнаешь!..

О, Господи!..

II.

Онъ все-таки поползъ дальше, держась
прежняго направленія.

Вокругъ все такъ же было тихо....

Но каждую секунду могъ вспыхнуть гдѣ-
нибудь неподалеку, изъ какой-нибудь рыт-

вины или изъ-за скалы огонь выстрѣла... Могъ раздаться окликъ изъ непріятельской заставы.

Можетъ-быть, непріятель отъ него не дальше той скалы, что осталась позади.

Нѣтъ, нужно подвигаться впередъ еще осторожнѣй, чѣмъ раньше. Каждый шагъ приближаетъ его къ непріятелю, а каждое невѣрное, неловкое движеніе—къ смерти.

Снова мелькаетъ мысль:

„Цѣль ли? кинжалъ“ Снова онъ ощупываетъ сапогъ... Пока онъ соображалъ, не заблудился ли, а кругомъ была тьма и тишина; эта тьма и тишина подавляли его, захватили всего, словно пришибли... Онъ не только пересталъ ощущать, какъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, кинжалъ за голенищемъ,—онъ не могъ даже сказать, что сейчасъ у него подъ руками—песокъ ли, земля ли или камень.

„Нѣтъ, тутъ кинжалъ“...

Опять онъ поползъ...

Иногда, когда онъ сворачивалъ за камень или спускался въ какую-нибудь неглубокую рытвинку или впадину, мерцавшая впереди звѣзда пропадала за угломъ камня или за краемъ рытвины.

Онъ выбирался на ровное мѣсто, а звѣзда словно выплывала откуда-то снизу... Точно она вмѣстѣ съ нимъ и скрывалась въ рытвинахъ, пряталась за камни, точно слѣдила за нимъ, за каждымъ его шагомъ.

— А, ты вотъ она!..

Тускло блеститъ она ему издали.

И это — что звѣзда то пропадала, то вспыхивала опять почти черезъ равныя промежутки — начинало мало - по - малу раздражать его... Тотъ же болѣзненный зудъ, какой испытывалъ онъ отъ ощущенія посторонняго тѣла въ сапогѣ, дергалъ нервно разъ за разомъ, минуту за минутой, давая нервамъ отдыхъ только на мгновенье, чтобы снова загорѣться въ нихъ.

Словно глазъ какой-то блеститъ ему изъ темноты.

Сверкнетъ, потухнетъ и опять блеснетъ...

„Ага, ты вотъ гдѣ!.. Ты опять выползъ на чистое мѣсто“.

Онъ нарочно сталъ задерживаться подольше за камнями и въ рывинахъ...

Тутъ ему было спокойнѣй...

Тутъ даже звѣзда его не видитъ...

Иногда свѣтъ звѣзды казался ему необыкновенно яркимъ. Словно она разгоралась..

И ему было больно смотрѣть на нее.

Ея короткіе лучи словно впивались ему въ глаза, словно слѣпили глаза. Словно смотрѣлъ онъ не на звѣзду, а на близко стоящую свѣчку.

Попробуйте пристально долго смотрѣть на свѣчу, даже на самую маленькую свѣчку, даже на огонекъ лампадки... Получится то же.

Даже слезиться начинали у него глаза съ болью, съ рѣзью подъ вѣками.

Красные круги выплывали и потухали передъ глазами.

И потомъ, когда онъ отводилъ глаза въ

сторону, мракъ казался еще болѣе глубокимъ, будто онъ забирался куда-то все глубже-глубже книзу, въ какую-то пропасть.

Вдругъ онъ остановился...

Въ эту минуту онъ только что выбрался изъ-за невысокаго пригорка. Совсѣмъ близко, тутъ же за пригоркомъ, чуть теплился небольшой костерчикъ, кучечка поломанныхъ тоненькихъ вѣтокъ...

Пламя было слабое... Видно, кучечку вѣтокъ только что подожгли... Синеватая снизу, изви-вающаяся лента пламени волновалась между вѣтками, обвивала вѣтки... Курился легкій дымокъ.

Въ первое мгновеніе ему бросился въ глаза только этотъ костеръ. Потомъ онъ различилъ фигуру, сидѣвшую около костра на корточкахъ бокомъ къ нему.

Фигура была неподвижна...

Отблескъ пламени искрился слабо на синемъ мундирѣ и на чемъ-то блестящемъ на землѣ съ боку фигуры.

Одинъ онъ, или тутъ ихъ нѣсколько?

Онъ долго, такъ что костеръ успѣлъ разгорѣться какъ слѣдуетъ, подгибалъ и подтягивалъ правую ногу, гдѣ за голенищемъ у него былъ спрятанъ кинжалъ...

Онъ видѣлъ, какъ разгорается костеръ... Свѣтлое пятно вокругъ костра, сначала трепетное, дрожащее, будто умирающее, расплывалось по землѣ теперь, захватывая быстро все больше и больше пространства.

Около пригорка была трава.

Будто жидкое зеленоватое пламя разливалось вокруг костра.

Вѣтки, изъ которыхъ былъ сложенъ костеръ, были сухія и загорѣлись дружно, какъ-то всѣ сразу.

Зеленоватое пламя, казалось, торопилось разлиться во всѣ стороны, захватить возможно большее пространство.

Будто оно подкатывалось ему подъ колѣни.

Когда онъ подался немного впередъ, подбирая ногу, отъ его головы на освѣщенное пространство легла рѣзкая черная тѣнь, круглое черное пятно.

Онъ увидалъ эту тѣнь и быстро, задержавъ на мгновенье ногу, всѣмъ корпусомъ сразу подался назадъ.

Словно онъ обжегся.

Наконецъ, онъ подтянулъ ногу настолько, что могъ достать кинжалъ.

Такъ же долго и такъ же осторожно вынималъ онъ кинжалъ изъ ноженъ...

За все это время онъ не спускалъ глазъ съ японца.

И ему это было трудно—одновременно и слѣдить за японцемъ и слѣдить за тѣмъ, чтобы клинкомъ кинжала какъ-нибудь не царапнуло по ножнамъ...

Вниманіе раздвоилось...

Будто онъ косилъ глазами въ разныя стороны, не зная откуда ждать нападенья...

Когда онъ вынулъ кинжалъ, стало легче.

Теперь онъ немного подвинулся назадъ...
Что дѣлать?

Одинъ онъ или нѣтъ?.. Онъ бросилъ взглядъ
вверхъ по пригорку... Нѣтъ ли тамъ кого?

Нѣтъ, никого, кажется...

А не можетъ быть, чтобы никого... Что
онъ тутъ одинъ дѣлаеть?..

Онъ опять перевелъ глаза на сидящаго передъ костромъ.

Теперь костеръ освѣщалъ японца ярко и
полно...

„Подожду, пока станетъ погасать“,—рѣшилъ
онъ.

III.

Притаившись, весь съежившись, почти при-
павъ къ землѣ, онъ ждалъ, пока погаснетъ
костеръ...

Ждать пришлось недолго.

Свѣтлый кругъ на землѣ около костра сталъ
суживаться. Пламя стало трепетное, неровное,
дрожащее. Опять со всѣхъ сторонъ надвига-
лась темнота.

Въ темнотѣ ярко блестѣли угли.

Вѣтки ужъ не трещали больше... Языки
пламени укорачивались, уходя внизъ, въ угли...
Отъ времени до времени языки пламени за-
бирали силу, вырывались вверхъ, но сейчасъ
же опять прятались въ угли...

Теперь или обождать?

Каждую секунду онъ готовъ былъ вскочить
и броситься.

Онъ понималъ, что дѣйствовать нужно быстро, ловко и навѣрняка...

Чтобъ японецъ не крикнулъ, не застоналъ.

Прямо въ сердце...

Японецъ сидѣлъ къ нему бокомъ. Надо вскочить, схватить его лѣвой рукой за руку въ локтъ, а правой рукой ударить въ бокъ. Сердце—тамъ.

Или за горло схватить?..

Или оглушить ударомъ ручки кинжала въ темя?..

Онъ положилъ кинжалъ, расправилъ пальцы.

А если, дѣйствительно, схватить сразу обѣими руками за горло и удушить?

Ему не одинъ разъ приходилось видѣть смерть, участвовать въ рукопашныхъ схваткахъ... Но онъ никогда не соображалъ, какъ лучше бить, и никогда не помнилъ, какъ онъ убивалъ.

Онъ кололъ штыкомъ или разбивалъ черепа прикладомъ, какъ придется...

Если и то схватить за шею и задавить?..

Захрипеть...

Костеръ погасъ почти совсѣмъ.

Теперь пора...

Но онъ все еще медлилъ... Онъ слышалъ, какъ кровь стучитъ у него въ вискахъ... Будто это не кровь, а самыя мысли, горѣвшія въ мозгу, били и колотились въ виски...

За шею или въ бокъ? Въ бокъ или за шею?

Но чувствовалъ, что онъ все равно не мо-

жетъ рѣшить, какъ онъ поступить, т.-е. какъ убьетъ.

О томъ, что японецъ тоже можетъ его убить, онъ не думалъ почему-то въ эту минуту.

За шею или въ сердце?

И вдругъ онъ вскочилъ.

Его будто что подбросило.

Японецъ не успѣлъ подняться. Каблукомъ сапога Смирновъ ударилъ его въ високъ, потомъ, не давая опомниться, схватилъ за воротникъ, повалилъ на спину и ударилъ кинжаломъ подъ сердце.

Японецъ такъ и остался лежать.

Онъ только чуть-чуть потянулся, словно оборвалась въ немъ какая-то сдерживающая пружина, точно распустилось что-то, и члены приходили изъ состоянія напряженности въ состояніе покоя...

Еле-еле освѣщали угли, уже покрывавшіеся темнымъ налетомъ, фигуру японца.

Смирновъ быстро скользнулъ назадъ и спрятался за камнемъ.

Опять въ вискахъ застучала кровь.

Нужно было уходить какъ можно скорѣй отсюда, не теряя минуты, но у него мелькнула мысль:

— А, можетъ-быть, нужно обождать?

И опять заколотились мысли: уходить или обождать?.. Если тутъ поблизости есть кто-нибудь—могутъ прибѣжать на шумъ... Тогда будетъ слышно, откуда бѣгутъ, и, стало-быть,

можно будетъ опредѣлить, въ какую сторону спастись...

А, можетъ-быть, и шума не было никакого?.. Развѣ онъ знаетъ, былъ шумъ или не было...

Онъ прислушался.

Нѣтъ, все тихо...

Прислушался опять, повернувъ голову въ другую сторону... И вздрогнулъ...

Не то хрипѣнье не то стонъ пронеслись въ тишинѣ, тамъ, гдѣ лежалъ японецъ.

Значить, живъ еще... Значить, не убить...

А онъ думалъ, что ужъ все кончено... Страшное состояніе охватило его. Словно онъ шелъ, шелъ по скверной дорогѣ, долго шелъ, измучился въ конецъ, и оказывается, что не нужно возвращаться назадъ опять по той же скверной дорогѣ, опять мучиться...

Да можетъ, это только почудилось, послышалось.

О, какъ тяжело итти по разъ пройденному пути.

Нѣтъ, стонетъ...

Стонетъ—значить могутъ услышать, могутъ прибѣжать.

Снова онъ поползъ...

Слабо тлѣли угли... Розоватый отблескъ лежалъ на лицѣ японца... На губахъ чернѣла кровь или тѣнь—нельзя было разобрать.

Японецъ зашевелился...

Голова перекатилась на сторону ближе къ плечу... Зрачки глазъ медленно перекатились въ сторону Смирнова.

Смирновъ пересталъ ползти. Нечаянно онъ задѣлъ кинжаломъ о камень. Кинжалъ звякнулъ.

Теперь глаза японца остановились ужъ прямо на Смирновѣ.

Онъ быстро спряталъ голову за камень.

О, Господи, да когда же все это кончится? Вѣдь японецъ же видитъ его и, значитъ, знаетъ, зачѣмъ онъ къ нему подбирается.

Можетъ, онъ и кинжалъ видѣлъ?

Кинжалъ словно самому Смирнову царапнулъ лезвеемъ по пальцамъ...

Онъ высунулъ голову изъ-за камня.

Прямо въ глаза ему блеснулъ блестящій взглядъ.

Опять кинжалъ, казалось, хватилъ Смирнову по сердцу. Онъ спряталъ голову, прижался весь къ землѣ и поползъ, стараясь не шумѣть, въ сторону.

Все равно, добить его нужно.

Только не можетъ, не можетъ онъ его бить, когда онъ на него смотреть...

А добить нужно. Еще услышать, прибѣгутъ...

Нужно заползти съ другой стороны и тогда ударить... Чтобы японецъ не видѣлъ, не ожидалъ...

Пока онъ ползъ, японецъ простоналъ только разъ, тихо, чуть слышно и потомъ затихъ.

Смирновъ выглянулъ изъ-за камня.

Теперь ужъ японецъ не могъ его видѣть... Онъ осторожно всталъ и нагнулся къ нему.

Онъ самъ не слышалъ своихъ шаговъ.

4212

Онъ подходилъ къ японцу, какъ кошка.

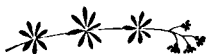
И вдругъ японецъ опять завозился... Смирновъ увидѣлъ сверху, что теперь японецъ смотритъ на его тѣнь, смутно при слабомъ блескѣ углей обозначающуюся на травѣ возлѣ него.

Значитъ, японецъ опять его замѣтилъ... по тѣни.

Онъ остановился.

Но нужно добить, добить!.. Въ ушахъ у него звенѣло... Ноги отказывались идти дальше... Добить... Онъ хотѣлъ двинуться и не могъ...

Секунду онъ оставался неподвиженъ, потомъ схватился обѣими руками за голову, при чемъ кинжалъ у него выскользнулъ изъ пальцевъ, повернулся и исчезъ въ темнотѣ.

минь-Сибирякъ. Преступники. 1 р.
 Повѣсти. 1 р.
 Безъ названія. 1 р. 25 к.
 Золото. Изд. 2-е. 1 р. 50 к.
 Приваловскіе миллионы. Изд. 2-е. 2 р.
 Золотая муха и др. разск. 1 р.
 Человѣкъ съ прошлымъ. 1 р.
 Вкрутъ ракитова куста и др. раз-
 сказы. 1 р.
 Пассанъ. Дядя Милонъ. 60 к.
 Воскресные дни парижскаго бур-
 жуа. 1 р.
 Жанъ, А. Всемирная война. Ром. 1 р.
 Гиги, Ада. Борьба и любовь. 50 к.
 Миревичъ-Данченко, Вас. Гроза. 1 р. 50 к.
 Новые рассказы. 75 к.
 Вольный Шамхоръ. 1 р. 25 к.
 Городской голова. 1 р. 25 к.
 Царица Тамара. 1 р.
 Семья богатырей. 1 р. 50 к.
 Минъ. Дешевые люди. 1 р.
 Миревичъ-Данченко, Влад. Сны. 1 р.
 Бернаторская ревизія. 1 р.
 Въ степи. 1 р. 25 к.
 Дау, М. Комедія чувства. 1 р.
 Современные французы. 1 р. 25 к.
 Болѣзнь вѣка. 1 р. 50 к.
 Юлаевъ, П. О. Вопросы жизни. 2 р.
 Цвѣ. Фр. Такъ говорилъ Заратустра.
 Изд. 2-е. 1 р.
 По ту сторону добра и зла. 1 р.
 Сумерки кумировъ. Изд. 2-е. 1 р.
 Происхожд. трагедіи. 1 р. 25 к.
 Человѣческо, слишкомъ человѣче-
 ское. 1 р. 25 к.
 Человѣкъ, какъ онъ есть. 1 р. 25 к.
 Странникъ и его тѣнь. 1 р.
 Утренняя заря. 1 р. 25 к.
 Веселая наука. 1 р. 25 к.
 Сѣжинъ, П. М. Непокорные. Ром. 1 р. 50 к.
 Денбергъ. Будда, его жизнь, ученіе
 и община. Изд. 3-е. 2 р.
 Эшко. Аргонавты. 1 р. 25 к.
 Дымъ. 30 к.
 Открытое письмо къ нѣмецкимъ жен-
 щинамъ и французамъ о полькѣ.
 40 к.
 Анастасія. 60 к.
 Гвальдъ. Натур. философія подъ ред.
 М. М. Филиппова. 2 р.
 Ево, М. Полудѣвы. Ром. 1 р.
 Послѣднія письма женщинъ. 60 к.
 Женское движеніе. 1 р.
 Счастливое супружество. 60 к.

Превю, М. Желтое домино. 50 к.
 — Мелкіе рассказы. 60 к.
 Пелисье. Критическіе этюды современ-
 ной литературы. 1 р.
 Ресслеръ, Р. Электродвигатели перемен-
 наго и трехфазнаго тока. 1 р. 50 к.
 Риль. Введеніе въ современную фило-
 софію. 1 р.
 Снопинъ, В. Средняя Азія и Индія. 75 к.
 Сенкевичъ. Крестonosцы. 2 р. 50 к.
 — Камо грядеши? 1 р. 50 к.
 — Панъ Володьевскій. 1 р. 50 к.
 — Потопъ. 2 т. 3 р.
 Сяловъ. Мелочи жизни. 1 р. 25 к.
 — Несобравшіяся дрожжи. 60 к.
 — Босоножка. 40 к.
 — Три рассказа. 75 к.
 Сайсъ. Хеттеи или исторія забытаго
 царства. 60 к.
 Тагъевъ, Бор. По Афганистану. 50 к.
 Уваровъ, П. С. Типы и нравы Сахалина.
 1 р. 25 к.
 Фулье. Исторія философіи. 2 р. 50 к.
 Флерн, д-ръ. Физическое и нрав. во-
 питаніе ребенка. 75 к.
 фонъ-Хейденфельдъ. Изъ женской жи-
 зни. По поводу Крейцеровой со-
 наты. Изд. 3-е. 40 к.
 фонъ-Поленцъ. Крестьянинъ. 1 р. 20 к.
 Шнитцлеръ. Трилогія. 50 к.
 — Тетралогія. 75 к.
 Шопенгауэръ. Міръ, какъ воля и предста-
 вленіе. Том. 1-й 3 р. Томъ 2-й. 3 р.
 — О четвероюкомъ корнѣ закона до-
 статочнаго основанія. 75 к.
 Щепкина-Нуперникъ. Мои стихи. 1 р.
 — Ничтожные міра сего. Изд. 3-е. 1 р.
 — Незамѣтные люди. Изд. 3-е. 1 р.
 — Письма издалека. 1 р.
 — Около кулисъ. 1 р.
 — Трудящіеся и обремененные. 1 р.
 — Странички жизни. 1 р.
 — Счастье. Изд. 2-е. 1 р.
 — Изъ женскихъ писемъ. Изд. 2-е. 1 р.
 — Принцесса Греза (пер. въ стих.)
 Соч. Ростана. 1 р.
 — Монна Джіованна (пер.), соч. Ме-
 терлинка. 60 к.
 — Бѣдный Генрихъ (пер.), соч. Гаупт-
 мана. 75 к.
 — На солнцѣ и въ тѣни. 1 р.
 Японія, Корея и Манчжурія. Справоч-
 ная книга. 30 к.

Собрание сочинений А. КОНАНЪ-ДОЙЛЯ.

1-я СЕРІЯ.

1 т. Красное по бѣлому. Ц. 60 к. 2 т. Знакъ четырехъ. Ц. 60 к.
3 т. Приключенія Шерлока Гольмса. Ц. 70 к. 4 т. Баскервильская
собака. Ц. 75 к. 5 т. Разказы о Шерлокѣ Гольмсѣ. Ц. 70 к.
6 т. Новыя похождения Шерлока Гольмса. Ц. 60 к. 7 т. Воспо-
минанія о Шерлокѣ Гольмсѣ. Ц. 60 к. 8 т. Возвращеніе Шерлока
Гольмса. Ц. 60 к. 9 т. Женщина съ револьверомъ. Ц. 50 к. Томъ
10 печатается. Цѣна по подпискѣ за 10 томовъ 4 р., съ пере-
сылкой 5 р.

2-я СЕРІЯ.

1 т. Изгнанники, ист. ром. Ц. 1 р. 2 т. Новые разказы. Ц. 60 к.
3 и 4 т. Торговый домъ „Гёрдльстонъ и К^о“, ром. Ц. 1 р. 75 к.

Собрание сочинений Э. ВЕРНЕРЪ. 1-я серія.

1) Разорванныя цѣпи. Заговоръ. Ц. 1 р. 2) У алтаря. Германъ
Ц. 1 р. 50 к. 3) Цвѣтокъ счастья. Вѣстники весны. Ц. 1 р. 50 к.
4) Дорогой цѣной. Ц. 1 р. 25 к. 5) У Орлиной скалы. Ц. 1 р. 50 к.
6) Сила воли. Ц. 1 р. 50 к. 7) Въ добрый часъ. Ц. 1 р. 8) Гор-
ная фея. Ц. 1 р. 25 к. 9) Освобожденный отъ проклятія. Ц. 1 р. 50 к.
10) Герой пера. Голоса родины. Ц. 1 р. 25 к.

Цѣна за 10 т. 1-й серіи 10 р., съ пер. 11 р.

2-я серія.

1) Вольной дорогой. Ц. 1 р. 25 к. 2) Орлиный полетъ. Ц. 50 к. 3) Судъ
Божій. Ц. 1 р. 4) Фата-Моргана. Ц. 1 р. 50 к. 5) Эгоистъ. Высшая точка
врѣнія. Ц. 1 р. 6) Смѣлымъ Богъ владѣтъ. Ц. 1 р. 7) Заколдованное
золото. Ц. 1 р. 8) Блуждающіе огни. Ц. 1 р. 25 к.

Цѣна за 8 т. 2-й серіи 6 р., съ пер. 7 р.

За 18 томовъ 1 и 2 серіи соч. Э. Вернеръ 15 р., съ пер. 17 р.

Собрание сочинений ДЖЕРОМЪ К. ДЖЕРОМА.

1) Замѣтки романиста. Ц. 1 р. 25 к. 2) На лодкѣ. (Три человѣка въ
лодкѣ и съ ними собака). Ц. 1 р. 3) Объ умѣнїи обращаться съ
женщинами. Ц. 1 р. 4) Трое на двухъ велосипедахъ. Ц. 1 р. 5) Очарователь-
ная женщина. Ц. 1 р. 6) Праздныя мысли лѣнтяя. Ц. 1 р. 7) Миръ
сцены. Ц. 1 р. 8) Дневникъ путешественника. Ц. 1 р.

Цѣна собр. соч. Джеромъ К. Джерома 5 р., съ пер. 6 р.

Собрание сочинений Е. МАРЛИТТЪ.

1) Тайна старой дѣвы. Ц. 1 р. 25 к. 2) Имперская графиня Гизела.
Ц. 1 р. 50 к. 3) Въ домѣ коммерціи совѣтника. Ц. 1 р. 50 к. 4) Въ
домѣ Шиллинга. Ц. 1 р. 50 к. 5) Вторая жена. Ц. 1 р. 6) Эльза.
Ц. 1 р. 50 к. 7) Степная принцесса. Ц. 1 р. 50 к. 8) Совинный домъ.
Ц. 1 р. 50 к. 9) Женщина съ рубинами. Ц. 1 р. 50 к. 10) Повѣсти и